

РОБЕРТ ЛУИС СТИВЕНСОН

ЛЛОЙД ОСБОРН

НЕСУСВЕТНЫЙ

БАГАЖ

Annotation

Это книга того самого Роберта Луиса Стивенсона, что известен всему миру романом «Остров сокровищ», который он написал по просьбе своего пятнадцатилетнего приемного сына Ллойда Осборна. Героев повести «Несусветный багаж» тоже ждут приключения, но совсем другого рода — скорее забавные, чем опасные. Впрочем, сами герои считают иначе...

На русском языке публикуется впервые.

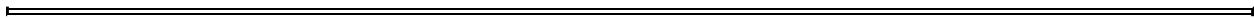
- [Роберт Стивенсон, Ллойд Осборн](#)

-
- [Предисловие переводчика](#)
- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [Глава тринадцатая](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
- [Глава шестнадцатая](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

◦ 9

Роберт Стивенсон, Ллойд Осборн Несусветный багаж

Предисловие переводчика

Имя Роберта Луиса Стивенсона не нуждается в представлении российскому читателю. Как, впрочем, и любому другому в мире. Это один из тех писателей, при упоминании о которых принято добавлять эпитет «знаменитый» или даже «великий». Почти все его произведения давно переведены на русский язык. За немногими исключениями. Одно из таких исключений и составляет предлагаемая вниманию читателей повесть. Она впервые была опубликована в Лондоне под названием «The Wrong Box», что в дословном переводе означает «неправильный (или ошибочный, или не тот) ящик». Переводчик взял на себя смелость дать повести другое название, не меняющее его сути, но стилистически более точно отражающее содержимое указанного ящика — «Несусветный багаж». Более того, мне показалось уместным дать специальное определение жанру этого произведения — «злключенческая повесть», ибо это наилучшим образом характеризует события, происходящие с персонажами. В оправдание свое могу сказать, что, на мой взгляд, к этому жанру относятся и многие другие известные произведения мировой литературы: «Дон Кихот», например, или оба знаменитых романа Ильфа и Петрова об Остапе Бендере, или «Записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса и «Трое в одной лодке» Джерома К. Джерома. Мне могут возразить, что в большей степени эти книги объединяет насыщенность юмором, но что поделаешь, если именно безобидные злключения героев и являются чуть ли не единственным благодатным поводом для вдохновения писателей-юмористов. В данной повести юмор тоже присутствует в большом количестве и вполне английского качества. Вот еще одна особенность, которая выделяет эту книгу из других произведений Р. Л. Стивенсона.

Главное же отличие — в наличии соавтора. Таких книг у Стивенсона немного — пять или шесть (из более чем сорока) — и в трех из них соавтор — Сэмюэль Ллойд Осборн. История их знакомства и последующей многолетней дружбы заслуживает отдельного рассказа. Когда они впервые встретились, Роберту Луису было двадцать девять лет, а его будущему приемному сыну — только девять, и он был американским подданным (как, впрочем, и всю жизнь им оставался). Вскоре Р. Л. и мать Ллойда, Фанни Осборн (до первого замужества — Фанни Вандергрифт), поженились, и все семейство (в него входила также старшая сестра Ллойда Айсобель) обосновалось в Лондоне. Лондонский климат, однако, весьма плохо

сказывался на самочувствии больного туберкулезом Р. Л., поэтому большую часть времени семья проводила в других широтах (зиму — в швейцарском Давосе, лето — в Шотландии, межсезонье — на средиземноморских курортах).

Стивенсон в те годы не был еще не только великим писателем, но даже и сколько-нибудь удачливым журналистом. Существовала семья на дотации, предоставляемые родителями Р. Л. Случилось так, что один из первых литературных успехов пришел к Роберту Луису именно в Давосе благодаря предприимчивости двенадцатилетнего пасынка. Вот как рассказывал об этом много лет спустя сам Ллойд Осборн (мы приводим здесь обширную выдержку из предисловия к изданной им в Давосе книге стихов Р. Л. Стивенсона «Поучительные эмблемы» с авторскими гравюрами, найденной в Интернете, а также несколько шуточных стихотворных строк в переводе Маши Лукашкиной, в которых Стивенсон-автор упоминает и об издателе «маленького роста»):

Со странным чувством, будучи уже немолодым, сажусь я за предисловие к книге, которую издал в двенадцать лет. Читатель, как я хочу, чтобы ты представил себе мальчика, что живет в Швейцарии на склоне горы и видит из окна крошечного домика раскинувшееся внизу селение Давос-Платц. Легочные больные, для которых этот климат считается целительным, приезжают сюда в последней надежде на выздоровление. Многие из них умирают.

Стояла зима; плавную линию горизонта нарушали врезавшиеся в небо заснеженные вершины гор; деревня — на городок это место не походило — была завалена снегом. Утро наступало поздно, солнце заходило рано. Ледяная неподвижная ночь отвоевала большую часть суток.

Мальчику было весело здесь! Он мог вволю кататься с горок, бегать на коньках, лепить снежки. Ему нравился морозный бодрящий воздух, лес, в котором росли елки, усыпанные искрящимся снегом. Да и дом, где он сейчас жил, с его кукольным театром и ручным печатным станком, не казался вынужденным пристанищем. Однако мальчик замечал, что и мать, и отчим не слишком здесь счастливы. Мать выглядела озабоченной, несколько раз он заставлял ее плачущей. Отчим, которого он боготворил, исхудал и выглядел нездоровым. Отчима звали Роберт Луис Стивенсон. Он был не слишком удачливым писателем и оказался здесь только благодаря помощи богатых родителей из Эдинбурга. Однажды, сидя за уроками, мальчик случайно услышал поразившую его фразу: «Ничего не поделаешь, Фанни, я вынужден обратиться к отцу». От этих слов веяло такой

безысходностью, что мальчик задумался, где бы раздобыть денег. Он сознавал, что недешево обходится отчиму. За одну его учебу в школе тот выкладывал сорок фунтов, не говоря уж о дополнительных занятиях с умирающим прусским офицером, который обучал немецкому языку по оригинальной методике, заставляя мальчика держать во рту складной нож для выработки правильного произношения.

Мальчик нашел себе работу в только что открывшемся отеле «Бельведер» — для субботних ночных концертов там требовались отпечатанные программки. Господин с черной бородой, в распоряжение которого он поступил, сразу предложил платить ему два с половиной франка за каждую сотню программ. То был свирепого вида господин с ужасными манерами, к тому же весьма строгий в вопросах правописания. Он не пропускал ни одной ошибки. Стоило мальчику напечатать: «Песню «Ето было летом» исполняет Эдвин Смит», — и господин с черной бородой заставлял его переделывать всю работу заново. Иногда в отеле устраивались благотворительные базары, и тогда мальчику случалось печатать не только программки, но и объявления, приглашения, вывески. На одном из таких базаров он без труда продал за один пенс стихотворение отчима «Плач по оловянным солдатикам». А какую гордость он испытал, когда получил заказ на тысячу лотерейных билетиков!

У мальчика точно выросли крылья. Он написал и сам же издал тоненькую книжечку «Черный каньон, или Жизнь на Диком Западе». В качестве иллюстраций он использовал вырезки из журналов. Впоследствии эта книжечка не раз была выставлена на аукционе у Сотби. Вам крепко повезло, если вы купили ее там за двадцать пять фунтов, ведь теперь ее представляют как «Буклет из Давоса. Стивенсониана. Чрезвычайная редкость». Однако первоначальная цена книжки была шесть пенсов — в несколько раз больше, чем доход от отпечатанных программ.

Луис, так мальчик называл отчима, следил за этой издательской авантюрой с пристальным интересом. Вскоре и в нем проснулось авторское честолюбие и он с напускной несмелостью предложил мальчику рукопись книги «Не я, и другие стихотворения». Фирма «Осборн и К^о» немедленно приняла решение издать ее. Все 50 экземпляров книги были проданы мгновенно.

Издатель был потрясен, а автор прямо-таки ликовал, утверждая, что ни одна из его прежних книг не имела такого успеха. С пылом принялись они обсуждать следующую книгу, первое стихотворение для которой у Луиса уже было.

Примите — книжечка для вас.
 Позвольте нам узнать сейчас
 И ваше мнение
 О тех стихах, что вышли в свет.
 Они похожи на памфлет,
 Но тем не менее.
 Я признаю: небрежный слог
 Любой из вас заметить мог,
 Прочтя внимательно.
 Однако это неспроста.
 Всему виной размер листа
 И рост издателя

Стихи писал для книжки,
 Сказать придется мне,
 ИЗВЕСТНЫЙ, но не слишком,
 ПОЭТ, но не вполне.
 Под стать ему издатель,
 Что высоко в горах Мечтал, чтобы читатель Сказал с
 восторгом: «Ах!»
 Они корпели месяц.
 Потрать же пять минут,
 Прочти с семьею вместе
 И оцени их труд!

«Найти бы иллюстрации», — говорил издатель с сожалением. Все вырезки из журналов были использованы им для книжки «Черный каньон, или Жизнь на Диком Западе». Об иллюстрациях оставалось только мечтать. Хотя почему мечтать? Луис, человек умевший многое (он даже рисовал декорации), пообещал, что вырежет картинки по фретвуду. Слово

«фретвуд» сейчас почти забыто, как забыто и само искусство вырезания по тоненькой дощечке, для которого нужны рисунок-основа, лобзик, ну и, разумеется, немалое терпение. Луис разрезал лист фретвуда на несколько маленьких квадратиков и задумался. В его распоряжении был только перочинный нож, настоящие инструменты появились позже. Однако за дело он взялся, и решительно.

Следующий день прошел в мучительном для издателя ожидании. Но вот наконец готова вырезанная на листе фретвуда гравюра к стихотворению «Сострадание». Теперь ее надо приклеить к деревянному бруску, чтобы она оказалась в печатном станке точно одной высоты с уже набранным текстом.

Деревянный брусок нужного размера найден. О разочарование!.. На пробном оттиске рисунка не получилось. Автор и издатель глядели друг на друга в отчаянии, однако им на помощь пришла женская смекалка. «Почему бы вам не подложить под брусок папиросную бумагу?». «Браво, Фанни!». Автор снова принялся подгонять высоту бруска. И снова оттиски, листки изведенной папиросной бумаги, беготня по лестнице в комнату, где жил мальчик и где температура остановилась на нулевой отметке. Но что за беда холод? Дела шли успешно! Мальчик печатал оттиск за оттиском, с восторгом наблюдая, как свежая краска, отпечатываясь на бумаге, повторяет страницу будущей книги. На следующий день он отправился к умирающему швейцарцу, — половина населения Давоса непрерывно кашляла. Швейцарец жил с семьей в одной комнате и зарабатывал на жизнь тем, что вырезал из дерева медведей. Ему-то и был показан образец — деревянный брусок с приклеенной к нему гравюрой. Может ли он вырезать дюжину брусков такого же размера из

очень твердых — без единого сучка! — пород дерева? Швейцарец ответил утвердительно и принялся за дело.

Так были напечатаны «Поучительные эмблемы», 90 экземпляров, по 6 пенсов за каждый. Успех книжки был оглушительный. Богатые постояльцы отеля «Бельведер» покупали сразу по три экземпляра. Друзья Луиса, оставшиеся в Англии и получившие книжку по почте, в письмах просили прислать им продолжение. Тем временем сам он работал как вол. Мальчик однажды слышал, как отчим признался знакомому: «Кто знал, каким подарком судьбы станут для меня эти гравюры! Когда я устаю писать, читать и думать, я занимаюсь ими и при этом получаю огромное удовольствие».

Скоро вышли в свет «Поучительные эмблемы 2», 90 экземпляров, по 9 пенсов за каждый. Они были приняты с тем же восторгом.

Если бы участие Ллойда в литературных делах отчима ограничилось только этим эпизодом, и то ему было бы чем гордиться. Но следующая его инициатива, а точнее просьба к Луису «написать что-нибудь интересное», в результате принесла писателю всемирную славу. Речь, разумеется, идет о романе «Остров сокровищ». В то время мальчику было уже пятнадцать лет, и они оба с отчимом любили рисовать карты. Одна из карт, нарисованных Луисом, оказалась особенно удачной. Это была карта острова. Неясный замысел, уже давно бродивший в уме писателя, внезапно приобрел четкие очертания. Оглавление будущей книги он составил в тот же день, на следующий начал ее писать. Книга была рассчитана на вкусы Ллойда, и тот, конечно, стал первым ее читателем. По-видимому, мальчик оказался весьма требовательным читателем и критиком, что нашло отражение в посвящении, предпосланном Стивенсоном роману:

«С.Л.О., американскому джентльмену, благодаря чьему образцовому вкусу это повествование было задумано и осуществлено, в знак признательности за многие восхитительные совместные часы, и с наилучшими пожеланиями, посвящается его горячо любящим другом, автором».

Удивительно, но в большинстве русских изданий это посвящение почему-то не приводится. Возможно, советские издатели не были уверены, что американский гражданин, скрывающийся за инициалами С.Л.О., ничем идеологически не провинился перед Советским Союзом (Ллойд Осборн

умер в 1947 году, более чем на полвека пережив своего знаменитого отчима и соавтора). О его жизни и литературных трудах (а он избрал себе именно эту стезю) в эти полвека известно очень мало. Но внимание исследователей творчества Стивенсона к Осборну как соавтору отчима не угасает до сих пор. Их волнует вопрос — как могло сложиться сотрудничество прославленного писателя с ничем особенно не выделявшимся и очень еще молодым человеком? Вот как объясняет известные факты автор биографического очерка о Стивенсоне (Собрание сочинений в 5-ти томах, М., изд-во «Правда», 1967) М. Урнов:

«Вокруг Стивенсона все писали. Пробовала перо Фанни, и ее литературные опыты стоили Стивенсону дружбы с лучшим другом молодости и тоже соавтором — Уильямом Хенли (вместе они написали несколько пьес): новелла, сочиненная Фанни, явилась поводом для ссоры между ними. Шутливое посвящение пятнадцатилетнему Ллойд звучало вполне серьезно, так как имя «американского джентльмена» было обозначено только начальными буквами. Даже ближайшим друзьям Стивенсона и в голову не приходило, что господин, чье литературное чутье будто бы оказалось способным помочь в создании столь изящной книжки, пятнадцатилетний мальчик. Только на исходе своих дней, подготавливая собрание сочинений, Стивенсон раскрыл, что литеры С.Л.О. означают Сэмюэль Ллойд Осборн. Тогда все стали принимать комплимент «образцовому вкусу» за добродушную иронию, а вместе с этим являлась мысль, что и последующее соавторство Стивенсона со своим пасынком — мистификация.

Нет, здесь Стивенсону было не до шуток. Оба отпрыска Фанни от первого ее мужа помогали Стивенсону в работе. Дочь — Айсобель Осборн, или, как ее называли, Бель, писала под диктовку. Ллойд, считалось, принимает участие более творческое — сочиняет сам, помогает развивать сюжет и т. д. Почему же в таком случае не мог он завершить оставшиеся после Стивенсона недописанными «Сент-Ив» и «Уир Гермистон»? Еще при жизни отчима Ллойд Осборн опубликовал самостоятельно один рассказ, а потом, когда Стивенсона уже не было, он напечатал несколько романов, новеллы и пьесы. Так что имеется возможность объективно оценить его данные — весьма средние. В самом деле, что-либо значительное подсказать

Стивенсону Ллойд был едва ли способен. Его соавторство со Стивенсоном хотя и не являлось мистификацией, но в то же время не было действительным. Оно формально: приобщив Ллойда к своей работе, поставив его имя рядом со своим на обложке, Стивенсон обеспечивал за ним в дальнейшем авторские права.»

При желании можно сделать и такой вывод. Но реальных фактов, свидетельствующих о справедливости подобного суждения, попросту нет. Та к же как нет причин сомневаться в том, что у Роберта Луиса Стивенсона были более серьезные основания ставить имя Ллойда Осборна рядом со своим на титульном листе трех произведений, чем просто родственные чувства или меркантильные соображения. Ведь соавторство не обязательно подразумевает поочередное написание конкретных разделов или абзацев. Оно может состоять и в придумывании поворотов сюжета, и в обсуждении характеристик персонажей. А сюжет в «Несусветном багаже» закручен весьма лихо, остроумно и изобретательно. Персонажи очерчены живо, органично, как правило, с большой долей иронии, но и симпатии. Многие из тогдашних знакомых Стивенсона могли, видимо, узреть в некоторых героях повести (как это часто бывало у Стивенсона) свои черты и привычки. Поздневикторианская Англия, по представлению многих мрачная и чопорная, на страницах книги предстает совсем в другом свете. Рассыпанный по этим страницам юмор мог бы иногда показаться черным, но легкость стиля снимает это впечатление. Английским читателям повесть «The Wrong Box» хорошо знакома, она переиздавалась там неоднократно. В 1966 году был даже поставлен фильм с одноименным названием. Но сценарий фильма по сюжету сильно отличается от такового в книге: главное противостояние происходит между непосредственными участниками «Лотереи Тонти» — стариками братьями Финсбюри. В книге же основные коллизии связаны с представителями младшего поколения фамилии.

Мы, в свою очередь, надеемся, что наконец и наш читатель в полной мере сможет оценить успешность этого совместного литературного проекта фирмы *Стивенсон & Осборн*, который представляет собой книга под названием «Несусветный багаж».

В. Свиньин

Глава первая в которой Моррис подозревает

Что может знать о творческих муках писателя, о невзгодах, которые его подстерегают, любитель легкого чтения, развалившийся в кресле и с усмешкой на устах перелистывающий страницы книжки! Как мало думает он тогда о долгих часах тяжелого труда, о таких необходимых для писателя вещах, как советы специалистов, утомительная переписка с известными учеными — одним словом, о всей той грандиозной конструкции, которую сначала необходимо выстроить, а потом разобрать на детали, и все это только для того, чтобы ему, читателю, побыстрее пролетело время в поезде. Да, я мог бы начать эту повесть с описания биографии Тонти, места его рождения, семьи, талантов, унаследованных, видимо, от матери, признаков гениальности, проявившихся уже в ранней молодости и так далее — наконец, с подробного описания системы, которая ныне и названа его именем. Все необходимые для этого материалы у меня под рукой — вот они, в полном порядке и готовности. Но я чужд подобного бахвальства. Тонти умер, и мне не приходилось еще встречать человека, который, пусть даже в приступе лицемерия, выразил бы сожаление по этому поводу. Что касается его системы, то для целей нашего повествования достаточно будет буквально пары слов.

Несколько проворных молодых людей (чем их больше, тем забавнее), вносят каждый определенную сумму в общую «каассу», которая затем на специальных условиях вкладывается в доверенный банк. По прошествии какой-то без малого сотни лет ее (вместе с процентами) должен получить, надо думать, ненадолго, последний оставшийся в живых вкладчик, к тому времени уже явно глухой пень, до которого с трудом доходит известие о свалившемся богатстве и который столь близок к уходу в мир иной, что, по сути дела, вся эта суета ему глубоко безразлична. Вот вам во всей красе поэзия и юмор замысла, который в результате никому никакой корысти не приносит. Но наших недавних предков, не чуждых своеобразного благородства и спортивного интереса, подобные забавы весьма развлекали.

Джозеф Финсбюри и его брат Мастерман были еще маленькими мальчиками в коротких штанишках, когда их отец, зажиточный торговец из Чипсайда, вписал их в состав немногочисленной, но солидной *тонтины*, насчитывающей тридцать семь участников. Величина вклада составляла

тысячу фунтов. И по сей день помнит Джозеф Финсбюри визит к адвокату, куда явились все участники *тонтины* — такие же как и он, дети, — и как по очереди садились они в глубокое кресло и ставили свои подписи с помощью приветливого старичка в очках и светлых гамашах. Также помнит он, как играли потом с детьми на лужайке за домом адвоката, когда случилась впечатляющая драка с собратом по *тонтине*, больно пнувшим его в ногу. На отзвуки битвы вышел сам адвокат, угощавший в своем кабинете родителей вином и печеньем; сражающиеся стороны были разведены, а старичок утешал Джозефа (младшего из дерущихся), уверяя, что в его годы он был такой же маленький. Джозеф же втайне задумывался, носил ли старичок тогда гамаша и была ли у него уже тогда такая маленькая лысая голова, а перед тем, как уснуть, дал волю воображению, представляя себя переодетым в костюм старичка и угощающим мальчиков и девочек вином и печеньем.

В 1840 году все тридцать семь членов *тонтины* еще были в живых, к 1850 году убыло семеро, в годах 1856 и 57 дело пошло быстрее, поскольку Крымская война и восстание в Индии сократили число участников по крайней мере еще на семь человек. В 1870 году в живых оставалось уже только пять партнеров из числа учредителей, к моменту же, когда начинается действие нашей повести, их оставалось только трое, в том числе двое братьев Финсбюри.

Возраст Мастермана насчитывал к тому времени семьдесят два года. Он давно уже жаловался на разные старческие недомогания, давно отошел от дел и жил в полном уединении под одной крышей со своим сыном Майклом, владельцем известной юридической конторы. Джозеф же, в свою очередь, выглядел вполне бодро, его неказистую фигуру можно было часто видеть на улицах, по которым он любил прогуливаться. Такое положение вещей тем более было достойно сожаления, поскольку Мастерман прожил жизнь, являвшую собой (до мельчайших подробностей) подлинный образец истинного англичанина. Трудолюбие, обстоятельность, серьезность и разумная осторожность при помещении капитала во все времена становили прочный фундамент для достойной старости. Всеми этими чертами Мастерман обладал в полной мере, но увы, был на семьдесят третьем году жизни в состоянии *ab agendo*^[1], в то время как Джозеф, будучи моложе на каких-то два года, находился в прекрасной физической форме, хотя вел предосудительный образ жизни бездельника, пустослова и чудака. Поначалу он пытался заниматься кожевенной торговлей, но подобная деятельность ему быстро надоела, поскольку он не имел к ней ни малейшей склонности. К тому же вскоре им овладело, поглощая всю

жизненную энергию, не подавленное вовремя увлечение сбором всяческих сведений обо всем на свете. Нет страсти, более парализующей рассудок, хуже может быть только тяга к публичным выступлениям, как правило сопутствующая предыдущему влечению или даже им и порожденная. В случае Джозефа обе эти разрушительные наклонности развивались одновременно и параллельно, и настало время, когда двойная болезнь перешла в остро воспалительную стадию — пациент начал выступать с бесплатными лекциями. По истечении нескольких лет он уже был готов преодолеть до тридцати миль, чтобы выступить в школе перед учениками. Эрудитом он между тем не был, все свои знания черпал из школьных учебников и газет, его амбиции не распространялись даже на энциклопедию. Как он утверждал, жизнь есть источник мудрости, и добавлял, что его лекции не предназначены для профессоров, он обращается непосредственно «к сердцам простых людей», и по-видимому, в сердцах этих людей скрывалось больше способности к пониманию, чем в разумах, ибо разглагольствования Джозефа часто воспринимались с одобрением. Среди безработных, например, вызвал сенсацию доклад на тему «Как сохранять присутствие духа при сорока фунтах годового дохода». Уважение другой группы недоумков он приобрел благодаря лекции, озаглавленной «Просвещение: его цели, задачи и необходимость». Знаменитый его реферат о «Страховании жизни, рассмотренном с точки зрения его пользы для широких масс», оглашенный в Обществе Распространения Знаний на Собаьем острове, был встречен буквально овацией не слишком искушенных слушателей обоего пола и произвел столь сильное впечатление, что на следующий год докладчика избрали председателем этой организации. Мало того, что эта должность была чисто почетной, традиция предписывала, чтобы занимающий ее человек вносил на нужды общества определенную сумму; тем не менее Джозеф был весьма доволен, официальный титул льстил его тщеславию.

Таким вот образом Джозеф завоевывал себе известность в наиболее образованных кругах наименее просвещенных слоев населения, когда его личную жизнь неожиданно осложнило появление сирот. После смерти младшего брата Джеймса он был назначен опекуном двух его сыновей — Морриса и Джона. В том же самом году семья увеличилась и еще на одного члена в лице маленькой девочки, дочки мистера Джона Генриха Хезелтайна, джентльмена, у которого было мало денег и еще меньше приятелей. Джозефа он встретил единственный раз в жизни, когда слушал его выступление в Холлоуэе. Событие это стало, однако, для мистера Хезелтайна переломным: вернувшись домой, он изменил завещание,

поручая дочку и ее скромное наследство докладчику. Джозеф, хотя и был человеком по природе доброжелательным, новые обязанности воспринял с некоторым внутренним сопротивлением. Первым делом он дал объявление, что ищет няню для младенца, и купил подержанную детскую коляску. Морриса же и Джона Джозеф встретил более радушно, учитывая не столько кровные узы, сколько пользу для своего торгово-кожевенного дела (куда он тут же вложил весь капитал племянников, составляющий ни много ни мало тридцать тысяч фунтов), которое по непонятным причинам грозило вот-вот зачахнуть. Вскоре был нанят молодой, но способный шотландец, который должен был заняться делами фирмы, а сам Джозеф Финсбюри с этого момента совершенно перестал ими интересоваться. Поручив своих подопечных заботам предприимчивого шотландца, сам мистер Джозеф отправился в длительное путешествие по Европе и Ближнему Востоку.

С многоязычной Библией в одной руке и комплектом двуязычных разговорников в другой попал он на материк, где люди разговаривали на одиннадцати европейских языках. К тому же первое из этих пособий было мало пригодно для нужд путешественника-философа, да и другое предназначалось скорее для туриста, чем для исследователя, познающего тайны бытия. Джозеф, однако, находил выходы из положения, пользуясь, где удавалось, услугами переводчиков, и, так или иначе, сумел заполнить множество блокнотов результатами своих исследований.

Немало лет провел он в этих странствиях и вернулся в Англию лишь тогда, когда возраст его подопечных потребовал лично заняться их дальнейшей судьбой. Оба паренька закончили хорошие и не слишком дорогие училища, где получили приличное образование по торговой части, что, впрочем, вряд ли было ко времени, поскольку дела торгово-кожевенной фирмы находились в состоянии, которое не вызвало бы восторга у любого толкового бухгалтера. По сути дела, когда Джозеф просмотрел текущие счета (подходил срок возврата доверенных его опеке сумм), он с удивлением обнаружил, что вверенный ему капитал покойного брата, по крайней мере, не увеличился. Более того, даже если бы он отдал своим подопечным все свои личные сбережения до последнего пенса, то остался бы должен им сумму, равную семи тысячам восьмистам фунтам. Когда в присутствии адвоката об этом факте было сообщено обоим братьям, Моррис Финсбюри стал угрожать дяде судебным преследованием со всеми вытекающими отсюда суровыми последствиями, и только советы адвоката удержали его от столь радикальных шагов.

— Из камня крови не выжмешь, — заявил адвокат.

Моррис осознал практический смысл данной метафоры и худо-бедно с дядей договорился. Джозеф передавал племяннику все свои сбережения, а также свое участие в *тонтине*, которая к настоящему моменту уже должна была составлять немалый капитал. В обмен на это Моррис брал на себя обязательство содержать дядю и мисс Хезелтайн (которая, естественно, разделяла с остальными подопечными все неприятности) и выдавать им на карманные расходы по одному фунту ежемесячно. Для пожилого джентльмена эта сумма была вполне достаточной. Трудно, однако, себе представить, каким образом могла бы мисс Хезелтайн на эти деньги иметь приличествующий для молодой девушки гардероб, факт же заключается в том, что она каким-то образом с ситуацией справилась, более того, никто никогда не слышал от нее ни слова жалобы. И вообще, она была искренне привязана к своему незадачливому опекуну. Ведь он никогда не вел себя грубо или даже невежливо по отношению к ней, к тому же солидный возраст многое изкупал, да и было, в конце концов, с ее точки зрения что-то трогательное в этом страстном стремлении к увеличению сведений об окружающем мире и в той невинной радости, которую доставляли ему малейшие знаки внимания и восхищение его эрудицией. И хотя адвокат предупредил о том, что именно ей выпадает судьба главной жертвы, Джулия категорически отказалась участвовать в усугублении невзгод, выпавших на долю дяди Джозефа.

Все четверо жили вместе в большом мрачном доме на Джон-стрит в Блумсбери^[2]. На внешний взгляд они составляли семью, на самом же деле это была группа людей, связанных взаимными финансовыми интересами. Само собой, Джулия и дядя Джозеф выступали в роли заложников. Джона, чьи интересы ограничивались игрой на банджо, пивными, мюзик-холлом и спортивными газетами, можно было считать второстепенным персонажем. Следовательно, именно на долю Морриса выпадали все текущие заботы, печали и радости жизни этой маленькой «империи». Существует расхожее утверждение о том, что в жизни радости и беды чередуются, оно принадлежит к числу тех банальностей, которыми разные услужливые моралисты утешают неудачников и непризнанных гениев, однако, в случае Морриса синяков и шишек было гораздо больше, чем пирогов и пышек. Он не жалел усилий и требовал того же от других; рано утром вызывал к себе прислугу, собственноручно распределял продукты, отмечал на бутылке, сколько осталось вина, подсчитывал несъеденные бисквиты. Ежедневные расчеты приводили к малопривлекательным сценам: кухарка каждый раз подвергалась различным обвинениям, а в гостиной приходящие торговцы устраивали

с Моррисом настоящие сражения за каждые три пенса. Посторонние люди с пренебрежением отзывались о нем, как о «скупердяе», он же сам считал себя попросту обманутым человеком. Окружающий мир должен был ему семь тысяч восемьсот фунтов, и он решил для себя, что мир ему эти деньги вернет.

В полной же мере черты характера Морриса проявлялись в отношениях с дядей Джозефом. Дядя был чем-то вроде пакета весьма рискованных ценных бумаг, в который вбухнута куча денег; не было поэтому ничего удивительного в том, что Моррис заботился о сохранности этого «пакета» весьма тщательно. Ежемесячно старика навещал врач, даже если Джозеф ни на что не жаловался. Его режим питания, гардероб, выезды в Брайтон и Борнмут — все это соблюдалось с регулярностью и старательностью, более свойственными кормлению грудных младенцев. Когда погода портилась, дядя должен был сидеть дома. При хорошей же погоде он был обязан уже в половине десятого ожидать племянника в холле. Моррис удостоверился, на месте ли рукавички и не протекают ли ботинки, после чего господа под ручку отправлялись в офис фирмы. Прогулка явно не была веселой, поскольку ни одна из сторон не пыталась даже изображать взаиморасположение. Моррис постоянно напоминал дяде о растраченных деньгах и неустанно повторял, что мисс Хезелтайн является для него обузой; Джозеф же, хотя и был по натуре человеком мягким и кротким, взирал на своего племянника с чувством, близким к ненависти. Но дорога в фирму не шла ни в какое сравнение с возвращением домой, поскольку сам вид семейного пристанища, так же как и любое воспоминание о мелочах проистекающей там жизни способны были отравить существование каждому из Финсбюри.

На входных дверях все еще фигурировало имя Джозефа. Банковские чеки также все еще подписывал он; это было одно из тактических ухищрений Морриса, имеющее целью произвести угнетающее впечатление на оставшихся участников *тонтины*. На самом деле, торгово-кожевенный бизнес полностью принадлежал ему, будучи при том наследством весьма обременительным. Моррис пробовал продать фирму, но сделанные ему предложения были попросту смешны. Пробовал ее расширить, но удалось увеличить только долги. Пробовал ограничить масштабы деятельности, но ограничил только доходы. Вообще на этом деле никто никаких денег не заработал, исключая оборотистого шотландца, который удалился (после увольнения с должности) в местечко Банфф, где на добытые средства выстроил себе небольшой замок. В адрес этого предателя-каледонца сыпал руганью Моррис, сидя ежедневно в своем кабинете и просматривая почту.

Рядом, за соседним столом, исполнял службу дядя Джозеф, ожидая с угрюмой миной указаний или раздраженными движениями пера ставя свою подпись на бумагах, смысла которых абсолютно не понимал. А когда свежее испеченный шотландский землевладелец прислал уведомление о своей вторичной женитьбе (на Давиде, старшей дочери преподобного Мак-Кроу), все не на шутку боялись, как бы Морриса не хватил удар.

Рабочие часы в фирме Финсбюри были строго ограничены. Даже чувство долга, присущее Моррису, не было настолько сильным, чтобы и он мог долго выдержать присутствие в этих стенах, над которыми завис призрак банкротства. Наконец наступала минута, когда главный надзиратель и его служащие могли с облегчением вздохнуть и приступить к составлению планов на день грядущий. Излишняя Спешка — родная сестра Безнадежного Промедления; можно к тому же предположить, что Искусству Торговли оно приходится племянником. Тем временем наш торговец провожал домой свою живую инвестицию, как собачку на поводке, а доставив его в гавань холла, отправлялся на поиски сигнетов^[3], коллекционирование которых составляло единственную страсть в его жизни. Тщеславие Джозефа было выше среднего уровня, это было тщеславие просветителя. Свою вину он признавал, хотя грехов, совершенных против него (взять, к примеру, того же шотландца), было явно больше, чем совершенных им самим. Но даже будь у него руки по локоть в крови, он не считал бы себя заслуживающим того, чтобы какой-то молокосос тащил его, как хозяин раба за своей повозкой, чтобы он сидел, как арестант, в офисе своей собственной фирмы, чтобы должен был выслушивать обидные замечания относительно всего своего жизненного пути, чтобы кто-то проверял, как он одет и на месте ли рукавички, прям ли воротник, чтобы его выводили на прогулку и приводили домой, как младенца под присмотром няньки. Когда Джозеф задумывался над всем этим, сердце его наполнялось горечью, он поспешно снимал шляпу, плащ и ненавистные вязаные рукавички и спешно устремлялся наверх к Джулии и своим блокнотам. Гостиная, к счастью, была помещением, куда власть Морриса не распространялась, она считалась комнатой, принадлежащей старику и Джулии. Она шила тут свои платица, он же оставлял чернильные пятна на своих очках, переписывая факты, лишённые взаимосвязи, и проводя статистические расчеты, лишённые смысла.

Тут он иногда высказывал сожаление о своем участии в *тонтине*.

— Если бы не эта несчастная *тонтина*, — пожаловался как-то раз, — никто бы сейчас не следил за каждым моим шагом. Был бы я, Джулия, свободным человеком. И свободно мог бы зарабатывать себе на жизнь

чтением лекций.

— Разумеется, дядя, — отвечала Джулия. — А то, что Моррис лишил вас этого удовольствия, это, я считаю, только из-за его скверного характера. Ведь эти милые люди с Кошачьего острова (я не ошибаюсь?) вам писали и приглашали вас прочитать доклад. По моему мнению, он должен был отпустить вас на Кошачий остров.

— В этом человеке нет ни капли интеллигентности — вторил ей Джозеф. — Вокруг него жизнь бьет ключом, а ему это безразлично. С тем же успехом мог бы жить в гробу. Ты только подумай, какие ему предоставлены возможности! Другой бы на его месте ошалел от счастья. Какими знаниями я мог бы с ним поделиться, если бы только он захотел слушать! Нет, Джулия, у меня нет слов!

— Все равно, дорогой дядюшка, вам не следует волноваться, вы ведь сами знаете, что, если будете плохо себя чувствовать, тут же вызовут врача.

— Увы, это правда, — покорно согласился старик. — Пойду немного поработаю, это меня успокоит. — А затем, перелистывая страницы своих записок, продолжил: — Я вот тут подумал, мне кажется, что раз у тебя руки заняты, то, может быть, тебя бы заинтересовало...

— Ну конечно! — воскликнула Джулия. — Прочитайте мне, пожалуйста, какую-нибудь из ваших прелестных историй, очень вас прошу!

Джозеф в мгновение ока снял с полки толстенный фолиант и нацепил на нос очки, дабы не предоставить Джулии никакой возможности для отступления.

— Итак, я бы хотел прочитать тебе, — сказал он, шелестя страницами, — свою запись беседы с одним голландским дипломатом, которого звали Давид Аббас, что на латыни означает аббат. Надо сказать, что затраты, понесенные мной в течение этого разговора, окупились сполна. Дело в том, что Аббас поначалу выказывал некоторую нетерпеливость, и это навело меня на мысль, чтобы, как это сейчас называется, поставить ему выпивку. Тут всего-то двадцать пять страниц. О, нашел это место, — прокашлялся и начал читать.

На самом деле доля вложений мистера Финсбюри в финансовое обеспечение беседы составила, согласно его собственному признанию, сорок девять с половиной процентов, сведений же, полученных им от Аббаса, оказалось всего ничего. Джулии, которая вполне могла пропускать слова дяди мимо ушей, было попросту скучно, для голландского же курьера все это, по-видимому, должно было явиться настоящим кошмаром. Утешался он, надо думать, тем, что мог регулярно прихлебывать из бутылки; а под занавес, скорей всего, уже не

довольствовался сдержанной щедростью Джозефа и заказал бутылку за свой счет. Во всяком случае, в конце дядиных записей прозвучали некоторые нотки удовлетворения: Аббас неожиданно стал слушать собеседника по собственной и без принуждения воле и даже выдал ему какую-то дипломатическую тайну. Джулия в этом месте оторвала глаза от своего шитья, а на ее лице появилось некое подобие улыбки, но в этот момент в дом ворвался Моррис, громко выкликая дядю и размахивая вечерней газетой.

Новости, принесенные им, были действительно важными. Газета сообщала о кончине генерала-лейтенанта сэра Глазго Биггера, кавалера многочисленных и высоких наград. С этого момента судьба *тонтины* была полностью в руках Джозефа и Мастермана Финсбюри. Наконец-то для Морриса засветила некоторая надежда. Правда, братьев никогда не связывали сердечные отношения. Получив известие о том, что Джозеф отправился в путешествие на Ближний Восток, Мастерман дал волю своему негодованию. «Это просто неприлично», — заявил он. — «Попомните мои слова, следующее сообщение о нем придет с Северного полюса». Об этом нелестном замечании путешественника по возвращении, естественно, поставили в известность. Хуже того, Мастерман категорически отказался присутствовать на лекции «Просвещение: его цели, задачи и необходимость», хотя должен был занять место в президиуме. С того времени братья вообще перестали видеться. Но до явного и окончательного разрыва дело никогда не доходило. Джозеф (по настоянию Морриса) был готов отказаться от преимуществ, какие предоставлял ему более молодой возраст, Мастерман же всю жизнь имел репутацию человека положительного, которому чужды любые проявления алчности. Таким образом, определенные предпосылки для компромисса существовали. Моррис, перед которым неожиданно открылась перспектива получить-таки свои семь тысяч восемьсот фунтов и избавиться от несчастной торговли шкурами, поспешил в офис своего кузена Майкла.

Майкл пользовался в обществе неоднозначной репутацией. Юристом он стал в довольно молодом возрасте, а поскольку не имел никакой протекции в профессиональных кругах, то счел, что наиболее прямой путь к успеху — это заняться делами, которые больше походили на подозрительные аферы.

Он был известен как адвокат, берущийся за совершенно безнадежные случаи. Известно также было, что он в состоянии выжать показания из камня и извлечь выгоду из выработанного золотого прииска. Ничего, стало быть, удивительного не было в том, что в его офисе крутились люди,

оказавшиеся на краю пропасти, те, кому было нечего терять, а также такие, которым не повезло со случайными знакомствами, растяпы, потерявшие компрометирующие их бумаги, господа, которых шантажировали собственные лакеи. В частной жизни за Майклом установилась слава человека, не чуждающегося радостей жизни, но всеми также признавалось, что несомненные профессиональные знания и опыт оказывали сдерживающее влияние на темперамент, а если речь шла о выгодном помещении капиталов, то эффективности решений адвокат предпочитал их основательность. Более того, а в нашем случае это важно, ко всей этой суете с *тонтиной* Майкл относился с полным пренебрежением. Так что Моррис явился к кузену, обуреваемый немалыми сомнениями в успехе своей миссии, отчего начал излагать свой план с некоторым излишним возбуждением. Минут пятнадцать адвокат не прерывал гостя, излагающего ему несомненные выгоды упомянутого плана, после чего встал и, вызвав колокольчиком своего секретаря, произнес одну-единственную фразу:

— Ничего не выйдет, Моррис.

Напрасно владелец кожевенной торговли умолял и убеждал, наведываясь в контору кузена несколько дней подряд, упрашивая и взывая к голосу разума. Напрасно предлагал он вознаграждение в размере тысячи фунтов, двух, трех тысяч, напрасно от имени Джозефа провозглашал, что удовлетворится всего третью суммы. Ответ был неизменен:

— Ничего не выйдет.

— Я тебя не понимаю, — заявил в конце концов Моррис. — На мои аргументы ты не отвечаешь и вообще ничего вразумительного сказать не можешь. Это просто твоя злобредность в чистом виде.

— Можешь быть уверен в одном, — мило улыбнулся в ответ адвокат. — Никогда и ни в коем случае я твоего любопытства не удовлетворю. Как видишь, я сегодня более разговорчив с тобой, поскольку это наша последняя беседа на эту тему.

— Последняя?! — воскликнул с горечью Моррис.

— Самая что ни на есть, — подтвердил Майкл. — Не могу допустить, чтобы мне кто-то мешал в рабочее время. А кстати, у тебя что, никаких других дел нет? Так плохи дела в торговле шкурами?

— Это просто твоя злобредность, — повторил Моррис. — Ты всегда меня ненавидел, всегда меня презирал, еще с детства.

— Ну что ты, какая там ненависть, — утешал его Майкл. — Ты мне в каком-то смысле даже нравишься. Есть в тебе что-то привлекательное, по крайней мере, издалека ты выглядишь вполне солидным и серьезным. Кто-нибудь, не знающий тебя, вполне мог бы даже принять тебя за

романтическую натуру, человека, как говорится, с биографией. А говоря серьезно, из твоих слов вытекает, что в кожевенной торговле продолжают неприятные сюрпризы.

— Так, — подвел итог Моррис, не обращая внимания на слова кузена. — Сюда мне больше ходить незачем. Я должен увидаться с твоим отцом.

— О нет, это тебе не удастся. Никто не может увидаться с моим отцом.

— Хотелось бы знать, почему.

— Я и не делаю из этого тайны. Он очень болен.

— Если он и вправду так болен, как ты говоришь, то это еще один довод, что тебе разумнее принять мое предложение. Но я все-таки с ним увижусь.

— Вряд ли. — Майкл встал и позвонил секретарю.

Настало время, когда в соответствии с рекомендациями сэра Фарадея Бонда, дипломированного медика, чье имя столь часто появляется в бюллетенях о состоянии здоровья сильных мира сего, Джозеф был перевезен на природу, в Борнмут, местность, знаменитую своим чистым воздухом. И вот, все семейство, отряхнув с подошв городскую пыль Блумсбери, переместилась в эти настоящие дачные джунгли. Джулия была этому искренне рада, поскольку ей случалось заводить в Борнмуте интересные знакомства. Джону переезд не был по нутру, поскольку городские развлечения он предпочитал радостям сельской жизни. Джозеф выглядел равнодушным, ему было все равно где находиться, лишь бы под рукой были перо, чернила и бумага и лишь бы не испытывать ежедневной конторской пытки. Сам же Моррис был тоже отчасти рад отвлечься от ненавистных торговых забот, к тому же здесь, на отдыхе, он мог полностью предаться размышлениям над своими планами. Он был полон решимости преодолеть любые препятствия, лишь бы отыскать свои деньги и раз навсегда избавиться от шкур. На его взгляд, то, что ему не удалось до сих пор убедить Майкла, было вещью поистине достойной удивления, принимая во внимание скромность его претензий и размер *тонтины*, достигший уже ста шестнадцати тысяч фунтов. «Если бы он только знал, как мне в сущности мало надо», — повторял про себя Моррис. И когда он ночами вертелся на кровати, а во время обеда забывал о еде, в купальной кабине о том, что надо переодеться, его мучила одна и та же проблема: почему Майкл отказал?

Наконец как-то ночью Моррис ворвался в спальню брата и разбудил его.

— Что случилось? — спросил Джон.

— Джулия уезжает завтра, — ответил Моррис. — Она должна вернуться в город, подготовить дом к нашему приезду и нанять прислугу. Мы тронемся за ней через три дня.

— Замечательно! — воскликнул Джон. — А зачем?

— Я знаю, зачем, — убежденно ответил брат.

— Знаешь? Что знаешь?

— Знаю, почему Майкл не идет на компромисс. Он не может. А не может потому, что Мастермана нет в живых, и он от нас это скрывает.

— Черт возьми! — выругался легковерный Джон. — А зачем он это делает? Какой в этом смысл?

— Хочет захватить *тонтину*.

— Но у него же не выйдет. Нужно свидетельство врача.

— Ты что, никогда не слышал о продажных врачах? — рявкнул Моррис. — Да их как муравьев в лесу. За три фунта купить можно.

— Нет, если бы я был коновалом, не согласился бы меньше чем за пятьдесят, — заметил Джон.

— А Майкл, — продолжал Моррис, — завяз в этих делах по уши. У всех его клиентов рыльце в пушку. Все его дела дурно пахнут. И лучше его никто в них не разбирается. Можешь мне поверить, он себе все точно спланировал. И план этот наверняка неплохой, ибо ловкач он отменный. Но я тоже хитер, и терять мне нечего. Я еще сиротой школьным потерял семь тысяч восемьсот фунтов.

— Не будь занудой, — прервал его Джон. — Ты уже истратил куда больше, стараясь их вернуть.

Глава вторая

в которой Моррис начинает действовать

Несколькими днями позднее, как и предполагалось, трое мужчин, принадлежащих к нашему незадачливому семейству, отбыли с Восточного вокзала местечка Борнмут. Погода явно не благоприятствовала путешествию, да к тому же была и сильно переменчивой. Не удивительно поэтому, что Джозеф был экипирован в полном соответствии с указаниями сэра Фарадея Бонда, который в отношении одежды своих пациентов исповедовал принципы не менее строгие, чем по части диетпитания. Немного найдется покорных страдалцев, которые согласились или, по крайней мере, пытались следовать наставлениям этого педантичного из эскулапов. «Не рекомендую пить чай, — читателю, наверное, приходилось уже слышать подобные предостережения, — да-с, советую категорически исключить из рациона чай, жареную печенку, вина, содержащие сурьму, а также свежий хлеб. Ложиться спать необходимо не позднее 10.45; настоятельно советую носить белье только из гигиенической фланели. А для верхней одежды использовать мех куницы. Следует также заказать пару ортопедической обуви от фирмы «Дэлл и Крамби»». Уже после урегулирования гонорара, сей доктор мог остановить вас на пороге кабинета и трубным голосом добавить с особым нажимом: «Да, забыл самое главное: прошу избегать, как нечистой силы, копченой селедки!» Нечастный Джозеф был до последней пуговицы одет согласно наставлениям сэра Фарадея. На нем были ортопедические башмаки, костюм из натуральной, пропускающей воздух шерсти, рубашка из гигиенической фланели, материала несколько мрачноватого по оттенку, ну и, разумеется, пальто из куньего меха. Даже носильщики на вокзале в Борнмуте (излюбленном, кстати, курорте доктора) без труда узнавали в пожилом джентльмене творение сэра Фарадея. О наличии у Джозефа личных вкусов в выборе гардероба свидетельствовал лишь один-единственный предмет — фуражка с козырьком, с которой его не могла разлучить никакая сила в мире — это была память о том, как он удирает от голодного шакала в эфесской пустыне и о пережитом урагане в Адриатике.

Не успела мужская часть семейства Финсбюри разместиться в купе, как уже начались раздоры. Ссора сама по себе вещь неприятная, а в случае с Моррисом она оказалась особенно некстати. Если бы он чуть подольше

постоял у окна, эта повесть не была бы написана, поскольку тогда он смог бы заметить (как это сделали носильщики) появление еще одного пассажира в униформе сэра Фарадея Бонда. Голова Морриса, однако, была слишком занята другими делами, которые он (один Бог знает, сколь ошибочно) считал более важными.

— В жизни не слышал большей чепухи, — заявил он, возобновляя спор, который не прекращался ни на минуту с самого полудня. — Этот чек не принадлежит вам, дядя, он принадлежит мне.

— Он выставлен на мое имя, — отвечал старик с завзятым упорством. — Это моя собственность и я могу сделать с ней все, что захочу.

Чек на восемьсот фунтов был дан Джозефу на подпись, он же взял и попросту спрятал его в карман.

— Нет, Джонни, ты только послушай, что он говорит! — кричал Моррис. — Его собственность! Да вся одежда на нем принадлежит мне!

— Отцепились бы вы от меня, — томно пожаловался Джон. — Достали вы меня оба.

— Как ты разговариваешь с дядей?! — воскликнул Джозеф. — Я не потерплю такого неуважения. Вы оба — бессовестные, наглые, безмозглые сопляки. Я решил покончить с этим раз и навсегда.

— Чепуха все это! — прокомментировал Джон, принимая очередную, как ему казалось, изящную позу.

Моррис же, в отличие от брата, отнюдь не был настроен столь безмятежно. Уже факт неподчинения в случае с чеком насторожил его, а последовавший за этим настоящий словесный бунт выглядел и вовсе угрожающе. Поэтому племянник наблюдал за стариком с большой обеспокоенностью. Как-то раз много лет назад, когда Джозеф выступал с одной из своих лекций, публика взбунтовалась. Слушатели сочли мероприятие несколько скучноватым и решили сами себе устроить развлечение. В результате докладчик (вместе с местным учителем, баптистским священником и еще одним членом президиума — лицами, составляющими как бы его личную охрану) был с позором изгнан с трибуны. Моррис не был свидетелем этого происшествия, а если бы был, то узнал бы сейчас этот воинственный блеск в глазах дяди, это характерное жевание губ, как вполне знакомые симптомы оскорбленного достоинства. Но даже и не зная их, Моррис чувствовал, что надвигается весьма серьезная опасность.

— Ну, хорошо, хорошо, — произнес он успокоительно. — Не буду вас, дядя, больше тревожить до самого Лондона.

Джозеф не соизволил даже посмотреть на племянника. Дрожащими

руками он достал свежий номер «Британского механика» и демонстративно отгородился развернутой газетой от присутствующих.

«Откуда в нем вдруг эта строптивость? — задумался Моррис. — Очень мне это не нравится». — И полный сомнений, почесал себе нос.

Поезд покрывал пространство, как обычно переноса сквозь него случайное собрание безымянных пассажиров и в их числе дядю Джозефа, который делал вид, что погружен в чтение, Джона, дремлющего над бульварным романом, и Морриса, в мыслях которого клубились десятки претензий, подозрений и опасений. Мимо окон проплывали то морское побережье, то сосновый лес, то извивающаяся лента реки. Поезд немного опаздывал, но должен был успеть до отправления юго-западного курьерского, который уже ожидал на станции в центральной части Нью-Гемпшира. Ее настоящее название во избежание претензий со стороны железнодорожного ведомства я предпочту здесь скрыть, воспользовавшись псевдонимом Браундин.

Многие пассажиры высовывались из окон, и среди них некий пожилой джентльмен, на котором стоит остановить наше внимание, тем более что мы чуть было не упустили его из виду. Имя его не имеет значения, зато весьма важны его привычки. Джентльмен этот почти всю свою жизнь путешествовал по Европе в твидовом костюме, но когда в результате многолетнего чтения «Вестника Галиньяни» у него резко ухудшилось зрение, он вспомнил вдруг об отеческих берегах и прибыл в Лондон, дабы получить консультацию у окулиста. Ну а там от окулиста к дантисту, от одного врача к другому, и когда наш путешественник в конце концов угодил в объятия сэра Фарадея Бонда, он был немедленно переодет в гигиенические воздухопроницаемые одежды и направлен в Борнмут. В данный момент он как раз возвращался от своего единственного в родном краю приятеля (тоже известного врача) для того, чтобы явиться на профилактический осмотр к сэру Фарадею. Вообще, удивительны судьбы этих «твидовых» туристов. Их можно встретить просиживающих часами за табльдотом (в Специи, Граце или Венеции), окруженных легкой аурой меланхолии, и с минами бывалых людей, которым случалось и в Индии повоевать, но которым в итоге не повезло. В сотнях европейских отелей портье знают их в лицо и по имени, но как ни странно, если бы вдруг вся эта путешествующая когорта вдруг исчезла с лица земли, никто бы их отсутствия не заметил. Тем более, если бы исчез только один, ну, скажем, тот самый, в продуваемом одеянии. Счет в борнмутском отеле он оплатил, все пожитки, которыми на данный момент располагал, были чуть ранее упакованы в два чемодана и проданы еврей-старьевщику; разве что лакей

сэра Фарадея в конце года не досчитается двух шиллингов, да хозяева европейских гостиниц в те же сроки отметят небольшое, но все же заметное снижение доходов. И все. Возможно, схожие мысли как раз приходили в голову пожилому джентльмену, поскольку печать меланхолии на его лице читалась вполне явственно, когда он убрал из проема окна седую голову и занял свое сиденье, а поезд постоял положенное время на станции, затем тронулся, пуская клубы дыма, миновал мост и, набирая скорость, помчался дальше через вересковые пустоши и перелески Нью-Гемпшира.

Через несколько сотен ярдов после Браундина всех пассажиров взбудоражил пронзительный скрежет тормозов. Поезд резко замедлил ход и остановился. До Морриса донеслись чьи-то возбужденные голоса; он подскочил к окошку. Там кричали женщины, мужчины выскакивали из окон, проводники призывали всех оставаться на своих местах; в то же время состав начал медленно откатываться назад в сторону Браундина. Через минуту все эти звуки заглушил апокалиптический свист и грохот мчащегося на всех парах экспресса.

Звука удара Моррис не слышал. Возможно, он потерял сознание. Ему снился кошмарный сон, в котором вагон согнулся пополам, а затем рассыпался, как карточный домик. В действительности же, когда Моррис пришел в себя, то обнаружил, что лежит на голой земле под открытым небом. Голова нестерпимо болела, он поднес ладонь ко лбу и не был сильно удивлен, когда увидел, что вся рука в крови. Воздух разрывал ужасающий пульсирующий рык. Моррис надеялся, что рык этот исчезнет по мере возвращения ясности сознания, но похоже было, что тот еще более усиливался, вгрызаясь сверлом в уши. Словом, грохот стоял, как в паровой кузнице.

В Моррисе начало просыпаться любопытство. Он сел и огляделся вокруг. Рельсы в этом месте тянулись полукругом по лесистому пригорку; склон пригорка со стороны Морриса был осыпан обломками поезда из Борнмута; обломки экспресса были большей частью скрыты лесом, а сразу же за поворотом сквозь облака пара и языки горящего угля просматривались останки двух паровозов. Вдоль дороги туда-сюда бегали с криками какие-то люди, другие лежали на траве неподвижно, напоминая в чем-то приуснувших бродяг.

Неожиданно Моррис осознал, что вокруг происходит. Катастрофа! — догадался он, обрадованный своей сообразительностью. Почти в ту же секунду взгляд его остановился на Джоне, который лежал рядом, бледный, как бумага. Мой бедный, любимый Джон! — подумал Моррис и в приливе

братских чувств коснулся руки Джона. Возможно, это прикосновение разбудило Джона, во всяком случае он открыл глаза, уселся и после нескольких минут беззвучного шевеления губами извлек из себя какое-то подобие слов.

— Это что за балаган? — спросил он замогильным голосом. Адская кузница не переставала гроыхать.

— Бежим! — крикнул в ответ Моррис, показывая на клубы пара, все еще извергаемые разбитыми локомотивами. Помогая друг другу, братья встали и, шатаясь на гнущихся ногах, огляделись вокруг, оценивая масштаб гибельных разрушений.

В это время к ним подошла группа мужчин, оказывающих первую помощь.

— Господа не ранены? — поинтересовался молодой человек, по бледному лицу которого градом катил пот. Судя по тому, как к нему обращались спутники, он был врачом.

Моррис отрицательно покачал головой, а врач с хмурым выражением на лице протянул ему бутылку с чем-то спиртным.

— Глотните, — предложил врач, — по лицу вашего приятеля видно, что ему это пойдет на пользу. Нам нужны помощники. Работа предстоит адская, и никто не должен уклоняться. Поможете хотя бы таскать носилки, если больше ни на что не годитесь.

Едва группа спасателей отдалилась, как Моррис, взбодренный глотком водки, окончательно пришел в себя.

— О Боже! — вскричал он, — дядя Джозеф!

— И в самом деле, — сказал Джон. — Куда он подевался? Надеюсь, старикан не сильно пострадал.

— Давай, помоги мне его найти. — В действиях Морриса вдруг появилась суровая решительность, абсолютно не свойственная ему в нормальной ситуации. Вне себя от ярости он воскликнул: — Если он погиб! — и погрозил небесам кулаком.

Братья спешно двинулись по усеянному телами полю, заглядывая в лица раненных, мертвых переворачивая на спину. Но среди примерно сорока осмотренных дяди Джозефа они не обнаружили. Наконец, поиски привели их близко к месту, где собственно и произошло соударение. Из котлов с оглушительными вздохами все еще выходили остатки пара. Спасатели до этой части поля еще не добрались. Участок у края леса отличался неровностями рельефа — ложбины чередовались с пригорками, поросшими можжевельником. Там могли быть скрытые от глаз тела еще многих жертв катастрофы. Братья продолжили поиски с удвоенным

вниманием, напоминая терьеров, рыщущих по следам зверя. Вдруг Моррис, который руководил экспедицией, остановился и трагическим жестом выставил вперед руку с вытянутым указательным пальцем. Джон посмотрел в направлении, обозначенном братом.

На светло-желтом песке в ложбинке между двумя пригорками лежало нечто, бывшее когда-то человеческим существом: изуродованное лицо не подлежало опознанию. Но снежно-белые волосы, пальто, подбитое куньим мехом и все прочие гигиенические и воздухопроницаемые детали гардероба, включая ортопедические ботинки от фирмы «Дэлл и Крамби» — все это указывало на то, что перед ними тело несчастного дяди Джозефа. Только фуражка, видимо, куда-то задевалась в этой суматохе, голова у погибшего была непокрыта.

— Бедный старикан! — вздохнул Джон, проявляя некое подобие человеческих чувств. — Я не пожалел бы десяти фунтов, чтобы загладить те обиды, которых он натерпелся от нас в поезде.

Но на физиономии Морриса, когда он вглядывался в покойника, не было и следа подобных чувств. Он стоял молча, с остановившимся взглядом, грызя ногти, и вся его трагическая фигура выражала полное неприятие случившегося, а на лице отражались следы невероятных умственных усилий. Вот он, последний удар судьбы. Сначала его, школьного сироту, ограбили, потом приковали к безнадежному кожевенному делу, повесили на шею мисс Хезелтайн, затем кузен хитростью отнял у него *тонтину*, и он все это перенес, можно сказать, с достоинством, а вот теперь еще и дядю у него убили.

— Шевелись! — неожиданно приказал Моррис. — Берись за ноги, нужно оттащить его в лес. Нельзя, чтобы его нашли.

— Что за ерунда! — отозвался Джон. — За каким чертом это нужно?

— Делай, что говорю, — рявкнул Моррис, беря покойника за плечи. — Или я один должен его нести?

Они были близко от края леса. От укрытия их отделяло десять-двенадцать шагов. Они зашли немного поглубже в лес и на небольшой полянке опустили свою ношу на песчаную почву. Потом постояли рядом, глядя на труп со смешанным чувством скорби и отвращения.

— И что дальше? — спросил шепотом Джон.

— Как что, похороним его, ясное дело! — ответил Моррис и начал лихорадочно рыхлить землю перочинным ножом.

— Так у тебя не получится, — возразил Джон.

— Если не хочешь мне помогать, подлый трус, — прошипел Моррис, — можешь идти к дьяволу!

— Совершенно идиотская затея, — отвечивал Джон, — но называть меня трусом я не позволю, — и с неохотой присоединился к брату.

Грунт был песчаный и сыпучий, но пронизанный корнями близких сосен. Можжевельник колот им руки, а песок, который они доставали из ямки ладонями, был изрядно пропитан кровью. После часа напряженных усилий Морриса, при не слишком усердной помощи Джона, образовалась ямка глубиной не более трех дюймов. Несмотря на это, они без сантиментов запихали туда тело и засыпали песком. Но, хотя потом и прикрыли могилу ветками можжевельника, в одном месте высывался кончик ноги в начищенном до блеска ботинке. Нервы у обоих братьев были на пределе. Даже для Морриса продолжать это мрачное занятие было свыше сил. Подобно зверьям, братья укрылись в ближайших густых зарослях окружающего леса.

— Больше мы ничего не можем сделать, — сказал Моррис, садясь на землю.

— Может быть, — спросил Джон, — соизволишь, наконец, поделиться со мной, что ты, собственно говоря, задумал?

— Да разрази меня гром, — воскликнул Моррис. — Если ты сам до сих пор не понял, то вряд ли я сумею тебе объяснить.

— Наверняка опять какие-нибудь глупости с *тонтиной*. Но ведь это бессмысленно. Мы проиграли, вот и все дела.

— Повторяю тебе, дядя Мастерман умер. Я в этом уверен. Какой-то голос мне это подсказывает.

— Хорошо, пусть, но ведь дядя Джозеф тоже умер.

— Он не умрет, пока я так не решу — заявил Моррис.

— Если уж на то пошло, — ответил Джон, — если ты прав, и дядя Мастерман давно мертв, то нам достаточно будет разоблачить Майкла, и тогда вся правда выйдет наружу.

— Похоже, ты считаешь Майкла полным идиотом, — съехидничал Моррис. — Ты что, не понимаешь, что он это мошенничество давно готовил? У него все уже на мази: медсестру, врача, погребальную контору — всех подкупил. И свидетельство о смерти лежит готовенькое, только дату вставить. Как только он учует подходящий момент, дядя Мастерман через два дня скончается, а через неделю его похоронят. Но имей в виду, Джонни, на что способен Майкл, на то способен и я. Если он блефует, то и я сумею блефовать не хуже. Если его отцу придется быть вечно живым, то вечно живым будет и мой дядюшка.

— Но ведь это, наверно, незаконно? — спросил Джон.

— Человек должен когда-нибудь решиться и проявить хоть самую

малость моральной смелости, — ответил с достоинством Моррис.

— А если ты ошибаешься, и дядя Мастерман жив и прекрасно себя чувствует? — продолжал сомневаться Джон.

— И в этом случае наша ситуация не ухудшается, — объяснил заговорщик. — Наоборот, улучшается. Когда-нибудь дядя Мастерман все же должен умереть; ведь как было — дядя Джозеф жил долго, а умереть мог в любую минуту; теперь же никаких препятствий нет, все в наших руках. Игра, которую я задумал, может продолжаться до конца света.

— Хотелось бы мне знать, как ты это провернешь, — вздохнул Джон. — Известно ведь, что ты портачишь все, за что ни берешься.

— Интересно, что я такого спортачил? — взвился Моррис. — Да у меня лучшая в Лондоне коллекция сигнетов!

— Ага, и еще кожаная фирма, — в тон ему продолжил брат. — И всем известно, что порядок там, как в балагане.

Моррис продемонстрировал исключительную выдержку, не позволив себе ни взорваться, ни нагрубить в ответ, даже легкого недовольства не высказал.

— Вернемся к делу, которое нам предстоит сейчас уладить, — сказал он, — если нам только удастся перевезти его в Блумсбери, все будет в порядке. Спрячем его в подвале; подвал у нас как будто специально для этого предназначен, а потом останется только найти продажного врача.

— А почему мы не можем оставить его тут? — спросил Джон.

— Мы же не знаем этой местности. А вдруг этот лесок — излюбленное место прогулок для парочек? Надо сейчас думать о настоящих трудностях. Как переправить его в Блумсбери?

Множество предложений было рассмотрено и отброшено. Станция Браундин в расчет, естественно, не принималась, ей суждено было в ближайшее время стать местом всеобщего внимания и пересудов, так что выслать оттуда труп, не привлекая ничьего внимания, не было никакой возможности. Джон несмело предложил добыть бочку из-под пива и отправить покойника в ней, но недостатки этого плана были столь очевидны, что Моррис не стал даже на это предложение отвечать. Столь же неудачной выглядела идея приобретения багажного контейнера, ибо с чего бы это двум пассажирам без багажа вдруг понадобился контейнер? Другое дело, если бы они свежее белье покупали.

— Мы на неверном пути, — пришел, наконец, к выводу Моррис. — Нужно рассмотреть ситуацию в целом, — продолжал он, все больше возбуждаясь, речь его была отрывистой, как будто он размышлял вслух. — Предположим, что мы снимем поблизости какой-нибудь домишко,

примерно на месяц. А владелец домика может купить контейнер без всяких подозрений, не привлекая ничьего внимания. Предположим, что еще сегодня мы найдем что-нибудь подходящее, вечером купим контейнер, а завтра найдем грузовой фургон, а еще лучше обычную повозку, которой сами сможем править, заберем контейнер или что там достанем и доставим его в Рингвуд или Линдхерст, да неважно, на какую станцию. На контейнере можно написать: «Бракованные образцы товара», понимаешь? Джонни, мне сдается, что я, наконец, придумал нечто дельное!

— Звучит вполне разумно, — признал Джон.

— Разумеется, мы должны взять другие имена. Представляться настоящими было бы глупо. Как тебе нравится фамилия «Мастерман»? Помоему звучит солидно и достойно.

— Нет уж, Мастерманом я не стану ни за что на свете. Можешь взять ее себе, если желаешь. Я лучше назову себя Вэнсом^[4], Великим Вэнсом. Это звучит.

— Еще чего, Вэнсом! — воскликнул Моррис. — Ты что себе думаешь, мы тут в игрушки играем, оперетту разыгрываем? С такой фамилией только в мюзик-холле выступать.

— Вот именно, — подтвердил Джон. — Сразу помогает приобрести авторитет. Можно до конца жизни носить фамилию Фортескью, и никто на тебя внимания не обратит; а имя Вэнс сразу говорит о врожденном благородстве.

— Но есть и другие театральные фамилии: Лейбурн, Ирвинг, Броу, Тул...

— К черту, ни одна из них мне не подходит. Могу я хоть немного развлечься?

— Ладно, Бог с тобой, — Моррис понял что здесь Джон ему не уступит. — Раз уж так, то я буду Робертом Вэнсом.

— А я буду Джордж Вэнс, — воскликнул Джон. — Единственный и неповторимый Джордж Вэнс! Все под знамена Великого Вэнса!

Приведя свои костюмы в приличное состояние, братья Финсбюри вернулись кружной дорогой в Браунден в поисках места, где бы перекусить, и подходящего помещения для реализации дальнейших планов. Найти жилье с мебелью в местечке, лежащем на отшибе, вдалеке от оживленных дорог, вообще говоря, не просто, но нашим искателям приключений повезло — судьба послала им встречу с глухим столяром, во владении которого находилось даже несколько домиков, которые имело смысл осмотреть. Столяр выразил горячее желание удовлетворить все пожелания клиентов. Второе из осмотренных его владений отстояло на

полторы мили от соседей. Братья понимающе переглянулись: то, что надо. При ближайшем рассмотрении, правда, у данного жилища выявился и ряд недостатков, причем существенных. Домик стоял в болотистом, поросшем вереском месте; вид из окна заслоняли высокие деревья, стропила под стрехой явно подгнили, а на стенах бросались в глаза неприятные зеленые пятна. Комнатенки были маленькие, потолки низкие, мебели почти никакой. В кухне было на удивление холодно, да и влажность давала себя знать, а в спальне стояла лишь одна кровать.

Моррис обратил внимание хозяина на все указанные дефекты в надежде сбить цену.

— Ну что ж, — заметил столяр, — если господам не нравится спать вдвоем в одной постели, надо было виллу искать.

— И к тому же водопровода нет. Где вы воду берете?

— Из родника, — ответил хозяин, показывая на здоровую бочку около дверей. — Вот ее нужно наполнить водой из родника, который не так уж и далеко. Носить воду можно ведром, вот оно тут.

Рассматривая указанную емкость, Моррис незаметно подтолкнул брата локтем. Бочка была новая, большая, на вид вполне крепкая. И это обстоятельство все перевесило, остальные нюансы не имели значения. Дело было тут же улажено. Плату внесли за месяц вперед, и уже через час братьев Финсбюри можно было видеть возвращающимися в свой ветхий домишко с ключом, символизирующим их временное право собственности, и спиртовкой, на которой они намерены были готовить себе пищу. Кроме того, разжились они пирогом со свиной начинкой впечатляющих размеров и литровой бутылкой виски наихудшего во всем Гемпшире качества. Но и это не все, поскольку братья решили изображать из себя художников-пейзажистов, то договорились о найме двуколки, которую им должны были доставить рано утром. Таким образом, добравшись до дому, они могли не без оснований считать, что все идет по плану.

Джон принялся заваривать чай. Моррис же, кружа по дому, к своей большой радости нашел на полке в кухне крышку от бочки. Теперь упаковка для посылки была у них в полном комплекте. Поскольку соломы он нигде поблизости не обнаружил, то решил завернуть покойника в несколько одеял, которые тем более подходили для этого, что использовать их для других целей любой из братьев вряд ли бы захотел. По мере того, как одна за другой устранялись трудности, настроение у Морриса улучшалось, доходя порой почти до восторга. Оставалась, однако, еще одна проблема, от решения которой зависел успех всего предприятия: согласится ли Джон остаться в этом пристанище на какое-то время в одиночестве?

Пока что Моррис не решался его об этом спросить.

В прекрасном расположении духа сели братья за стол и начали кроить пирог. Моррис известил брата о том, что нашлась крышка от бочки, а Великий Вэнс выразил свое удовлетворение, выбивая дробь вилкой по столу в стиле лучших ударников лондонского мюзик-холла.

— Вот, — назидательно заметил Джон, — я с самого начала говорил, что бочка — это то, что надо.

— Конечно, конечно, — с готовностью подхватил Моррис, поняв, что сейчас самый подходящий момент, чтобы склонить брата к нужному решению. — Я думаю, что тебе надо будет остаться здесь на какое-то время, пока я не дам тебе знак. Я буду везде и всем говорить, что дядя остался на отдыхе в Нью-Гемпшире под твоей опекой. Иначе его отсутствие сразу будет бросаться в глаза.

У Джона отвисла челюсть.

— Что ты плетешь? Можешь сам торчать в этой дыре. Я лично ни за что на свете.

Моррис от волнения побагровел. Ему было ясно, что брата необходимо уговорить любой ценой.

— Вспомни, дорогой мой Джонни, о размерах *тонтины*. Если у меня получится, каждый из нас огребет по пятьдесят тысяч, да больше, по шестьдесят.

— А если не получится? — возразил Джон. — Что тогда? Как тогда будет выглядеть наш банковский счет?

— Я оплачу затраты, — заявил Моррис, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление. — Ты на этом ничего не потеряешь.

— Ну что ж, — рассмеялся Джон. — Если потери ты возместишь, а половина прибыли в случае удачи моя, то ничего не имею против того, чтобы посидеть тут несколько дней.

— Несколько дней! — с трудом сдерживая гнев, воскликнул Моррис. — Да ты больше времени тратишь, пытаешься выиграть пять фунтов на скачках!

— Может, и больше, — пожал плечами Джон. — Такая уж у меня тонкая, артистическая натура.

— Кошмар! — Моррис больше не мог сдержать возмущения. — Я беру на себя все риски, плачу издержки, делюсь прибылью, а ты пальцем не хочешь пошевелить, чтобы мне помочь. Это некрасиво, не по-братски, наконец, это просто непорядочно.

— Но давай все же предположим, — примирительно сказал Джон, на которого резкие слова брата произвели-таки впечатление, — предположим,

однако, что дядя Мастерман жив и проживет еще лет десять. Я что, так и буду тут все это время торчать?

— Ну конечно нет, — ответил Моррис еще более примирительным тоном. — Никто не требует от тебя больше месяца. Если дядя Мастерман до тех пор не умрет, ты сможешь поехать за границу.

— За границу? — обрадовался Джон. — Слушай, а почему мне сразу туда не поехать? Ты мог бы всем говорить, что мы с дядей Джозефом развлекаемся в Париже.

— Не говори чепухи.

— Нет, ты подумай, — настаивал Джон. — Ведь это самый настоящий хлев. И сырой к тому же. Ты же сам говорил, что тут сыро.

— Это я столяру говорил, — напомнил Моррис, — чтобы цену снизить. Уж если на то пошло, видал я дома и похуже.

— Ладно, а что я тут буду делать, — продолжал жаловаться Джон. — Приятелей же я не могу сюда пригласить.

— Джонни, дорогой мой, если ты не хочешь хоть чуточку потрудиться ради *тонтины*, так и скажи, не крути вола, я тогда плюну на все это дело.

— Надеюсь, что в расчетах ты не ошибся. Ну что ж, — Джон тяжело вздохнул. — Присылай мне хотя бы иллюстрированные журналы. Будем бороться с трудностями.

Ближе к вечеру стала напоминать о себе мошकारа, тучами кружившая вокруг дома. Пронизывающий холод вползал во все щели, камин дымил, по стеклам окон барабанил косой дождь. Изредка, когда мрачность настроения достигала апогея, Моррис вытаскивал бутылку виски. Джон поначалу охотно присоединялся к этим предложениям, но продолжалось это недолго. Братья дружно согласились, что это наихудший виски во всем Гемпшире. Лишь те, кто бывал в этом графстве, способны оценить всю уничижительность подобной оценки. В конце концов, даже Великий Вэнс (которого явно нельзя было причислить к тонким ценителям алкоголя) стал отказываться от угощения. Сгущающийся сумрак, которого не могла рассеять единственная свеча, не способствовал улучшению настроения. Джон перестал высвистывать что-то на пальцах, других развлечений не было, и он сидел молча, горько сожалея в душе о сделанных уступках.

— Нет, все-таки целый месяц я тут не высижу, — пожаловался он вслух. — Да и никто бы не высидел. Это невозможно. Тут даже узники Бастилии взбунтовались бы.

Делая вид, что не слышит, Моррис предложил сыграть в кости. На какие только компромиссы не идет человек, выполняющий важную дипломатическую миссию. Кости были любимой игрой Джона, точнее,

единственной, которую он вообще признавал, поскольку остальные, по его мнению, требовали слишком много умственных усилий. В этой же игре ему сопутствовали и талант, и везение. Моррис, наоборот, считал игру в кости ничемным занятием. Возможно потому, что ему вечно в ней не везло, всегда оставался в проигрыше и очень из-за этого переживал. Но неустойчивое настроение Джона внушало опасения, и старший брат был готов на любые жертвы.

В восьмом часу Моррис, испытывая нечеловеческие муки, удосужился проиграть десятка полтора шиллингов. И больше не выдержал, несмотря на почти физическую реальность стоящей перед глазами *тонтины*. Сказав, что отыграется в следующий раз, предложил заняться приготовлением ужина с грогом.

После ужина пора было браться за работу. Из бочки набрали ведро воды, остальную воду вылили, опорожненную бочку подкатали к камину, чтобы просохла. После этого оба брата вышли на улицу и двинулись навстречу своим дальнейшим приключениям под небесами, на которых не светила ни одна звезда.

Глава третья

Просветитель на свободе

Хотят ли люди на самом деле быть счастливыми? Трудно сказать. Не проходит и месяца, чтобы чей-нибудь горячо любимый сын не удрал из дому в надежде стать юнгой на торговом судне, или всеми уважаемый супруг не сбежал бы с горничной куда-нибудь в Техас. Случалось, что пастыри бросали на произвол судьбы свою паству, известны даже случаи, когда судья добровольно раньше времени выходил на пенсию. Посему с непредубежденной точки зрения нет ничего удивительного в том, что и Джозеф Финсбюри в конце концов начал помышлять о побеге. Можно смело признать, что судьба на данном отрезке жизни не слишком к нему благоволила. Мой добрый знакомый мистер Моррис, с которым мне два-три раза в неделю случается быть попутчиком в дороге из Снейсбрук Парка до Лондона, пользуется моим несомненным уважением, но идеалом племянника его, безусловно, назвать нельзя. Джон, тот вообще отличный парень, но если бы он был тем единственным звеном, которое связывает нас с домом, любой предпочел бы заграничное путешествие.

В случае же дяди Джозефа Джон таким единственным звеном (если в принципе к нему приложимо слово «звено») не являлся. Были и другие, более сердечные узы, которые связывали старика с Блумсбери, и речь идет вовсе не о мисс Хезелтайн (которую Джозеф, тем не менее, искренне любил), а о той пачке дневников, в которых заключался весь смысл его жизни. Поэтому решение расстаться с этой сокровищницей мыслей и ринуться в мир лишь с тем интеллектуальным багажом, который помещался непосредственно в памяти, было глубоко трагичным, а уж о мудрости его племянников в этом смысле вообще говорить не приходится. Замысел сей, или, можно сказать, искушение родилось в нем несколько месяцев назад. А когда в руках Джозефа оказался чек на восемьсот фунтов, идея окончательно созрела. Чек этот (который для человека столь бережливого составлял целое состояние) он задержал у себя и решил раствориться в толпе на вокзале Ватерлоо или, если это не удастся, улизнуть из дома как-нибудь вечером и исчезнуть как сон, затеряться среди миллионов лондонских жителей. Вмешательство Провидения и неразбериха на месте происхождения ускорили реализацию замысла.

Он был одним из первых, кто пришел в себя и оказался на ногах после

катастрофы под Браундином, а увидев своих племянников, лежащих без сознания, понял, что его час пробил. И удрал. Конечно, человеку, которому за семьдесят, да после такой аварии, да еще в полной униформе сэра Фарадея Бонда, трудно убежать слишком далеко, но близость леса сулила, по крайней мере, временное укрытие. Вот наш старичок и двинулся туда с неожиданной резвостью, но быстро запыхался, да и пережитое потрясение давало себя знать, поэтому он прилег отдохнуть в тихой рощице и вскоре приуснул. Людям, наблюдающим со стороны за игрой случая, его (случая) изобретательность часто может показаться не лишенной юмора: несомненно, забавным было то обстоятельство, что, когда Моррис и Джон копались в песке, стремясь спрятать труп совершенно чужого для них человека, их дядя спал сном праведника в том же лесочке несколькими ярдами дальше. Разбудил его звук рожка, доносящийся с близкого дорожного тракта, по которому катился, видимо, припозднившийся почтовый фургон. Звук этот не только привел старика в бодрое состояние духа, но и указал направление дальнейшего движения, и уже вскоре Джозеф стоял на тракте, озираясь направо и налево из-под козырька своей фуражки и решая непростой вопрос, что делать дальше. Издалека донесся стук колес, после чего показалась приближающаяся повозка, доверху набитая почтовыми посылками. Управлял ею человек с добродушным лицом и вывеской на груди, гласящей, что это «И. Чандлер, почтовый извозчик». Донельзя прозаическая манера мышления мистера Джозефа сохранила все же некоторые романтические черты. Когда-то они завели его, легкомысленного сорокалетнего оболтуса, на Ближний Восток, а сейчас, в первые минуты обретенной свободы навели на мысль продолжить побег на повозке мистера Чандлера. Выйдет недорого, а если повести дело с умом, то может обойдется и без оплаты, зато, после долгих лет вязаных рукавичек и гигиенической фланели, даже сердце начало биться сильнее в предвкушении того, как он сейчас прокатится с ветерком.

Мистер Чандлер был несколько удивлен видом джентльмена в столь преклонном возрасте и в столь странном наряде, голосующего на дороге в столь безлюдном месте, но как человек участливый, охотно приходящий на помощь ближнему, согласился подвезти незнакомца, а поскольку имел собственное представление о вежливости, то ни о чем своего пассажира не спрашивал. Собственно говоря, молчание вполне устраивало мистера Чандлера, однако, как только повозка тронулась, он обнаружил, что втянут в односторонний диалог.

— Насколько я могу судить по разнообразию пачек и коробок на вашей повозке, по многообразию адресов на этих посылках, а также по

ухоженному виду вашей фламандской лошадки, вы занимаете должность доставщика почты в знаменитой английской транспортной службе, которую по праву называют гордостью нашей страны.

— Именно так, сэр, — скромно подтвердил возница, не очень понимая, какого ответа от него ожидают. — Эти почтовые грузы доставляют нам много хлопот.

— О, я говорю без всяких предубеждений, — продолжил далее Джозеф Финсбюри, — дело в том, что в молодости я много путешествовал. И не было такой вещи, серьезной или малозначительной, которой бы я не интересовался. На море изучал искусство плавания под парусом, узнал множество способов завязывания морских узлов и выучил немало разных технических терминов. В Неаполе научился готовить макароны, а в Ницце — делать цукаты из фруктов. Если случалось посетить оперу, то никогда не забывал прежде приобрести партитуру и ознакомиться с главными ариями, наигрывая их одним пальцем на фортепьяно.

— Да, много вам довелось узнать, — заметил возница, подгоняя коня. — Жаль, что у меня таких возможностей не было.

— А знаете ли вы, сколько раз упоминается в Ветхом Завете слово «кнут»? Если правильно помню, сто сорок семь раз.

— Что вы говорите? — ответил мистер Чандлер. — Никогда бы мне это в голову не пришло.

— Библия содержит три миллиона пятьсот одну тысячу двести сорок девять букв. Стихов же, насколько мне известно, более восемнадцати тысяч. Было много изданий Библии. В Англии ее впервые перевел и распространил Джон Уиклиф, около 1300 года. «Параграфическая Библия», так ее принято называть, — это популярное издание, и называется так потому, что разделена на отдельные параграфы. Другое популярное издание — «Библия Бричса» — названа так то ли по имени своего издателя, некоего Бричса, то ли по названию местности, где была напечатана.

Возница скупно заметил, что «очень может быть», после чего сосредоточил внимание на более актуальном занятии, а именно попытке обогнать воз с сеном, что было не так-то просто, поскольку дорога была узкой, и с обеих ее сторон тянулись глубокие канавы.

— Я заметил, — возобновил свою речь мистер Финсбюри, когда они благополучно миновали воз, — что вы держите вожжи одной рукой, а следует держать их двумя.

— Очень интересно! — воскликнул презрительно возница. — А это почему же?

— Как вы не можете понять, — укорил его мистер Финсбюри. — То,

что я вам говорю, это факт научных исследований, основанный на теории движения, которая является основным разделом механики. По этой отрасли знаний существует множество любопытнейших книжек ценой всего в шиллинг, и мне кажется, что человеку вашего положения было бы небезынтересно с ними ознакомиться. Сдается мне, однако, что развитию в себе наблюдательности вы много внимания не уделяли. Во всяком случае, мы едем вместе уже довольно давно, а что-то я не припомню, чтобы вы привнесли в наш разговор хотя бы один любопытный факт. Это меня огорчает, друг мой. Вот я, например, не уверен, обратили ли вы внимание, что, обгоняя воз с сеном, вы объехали его с левой стороны?

— Ну, с левой, конечно, — ответил возница, повышая голос и несколько воинственным тоном, — иначе пришлось бы иметь дело с полицией.

— А вот во Франции, а также, я полагаю, в Соединенных Штатах вам пришлось бы сделать это справа.

— Ни за что бы этого не сделал! — возмущенно воскликнул мистер Чандлер. — Объехал бы слева.

— Заметил я также, — продолжил мистер Финсбюри, не обращая внимания на последние слова спутника, — что поврежденные части вашего экипажа связаны шнурком. Я всегда осуждал небрежность и неряшливость, свойственные представителям нашего беднейшего класса. В одной из лекций, которую я в свое время прочитал перед благодарной публикой...

— Какой же это шнурок, — возница счел себя оскорбленным, — это вовсе даже шпагат!

— Я всегда осуждал, — не унимался мистер Джозеф, — что как в личной и семейной жизни, так и в трудовой деятельности низшие слои нашего общества отличаются недостатком прилежности, предусмотрительности и экономности, что они попросту донельзя расточительны. Любой пенс...

— И кто же тут, черт возьми, принадлежит к низшим слоям? — возмущенно закричал возница. — Сами вы из низших слоев! Да будь вы этим чертовым аристократом, я бы ни за что не взялся вас подвозить.

Все это говорилось уже с нескрываемой неприязнью; стало ясно, что общего языка они не найдут, и дальнейшая беседа даже для столь словоохотливого человека, как мистер Финсбюри, стала невозможной. Он сердито надвинул на глаза козырек своей фуражки, достал из самого глубокого кармана блокнот и синий карандаш, после чего погрузился в свои расчеты.

Возница в свою очередь начал увлеченно насвистывать, изредка

бросая взгляды на попутчика со смешанным чувством триумфа и боязни. Триумфа — поскольку ему удалось сдержать бурный словесный поток, боязни — чтобы тот, не дай Бог, не возобновился. Даже настигший их проливной дождь не нарушил молчания. Так молча они и доехали до Саутгемптона.

Смеркалось. Витрины магазинов отбрасывали тусклый свет на улицы старого порта. В домах зажигались вечерние огни, и мистер Финсбюри, успокоившись, начал задумываться о ночлеге. Он отложил свои бумаги, прокашлялся и неуверенно посмотрел на мистера Чандлера.

— Не будете ли вы столь любезны, — обратился он к мистеру Чандлеру, — порекомендовать мне здесь какое-нибудь пристанище?

— Ну что ж, — ответил мистер Чандлер после некоторого раздумья, — может быть, «Трегонвелл Армз»?

— Меня это вполне устроило бы, если там чисто, недорогие номера и приятное общество.

— Я раздумывал не над тем, устроит это вас или нет, а над тем, устроит ли это моего приятеля Уоттса, — заявил мистер Чандлер, все еще размышляя, — который держит эту гостиницу. Видите ли, он мой хороший приятель, и в прошлом году помог мне, когда у меня были неприятности. И я как раз думаю, не будет ли с моей стороны плохой услугой, если свалю ему на голову такого постояльца, который его до смерти может известить своими информацией. И не повредит ли это репутации гостиницы, — добавил он с обезоруживающей искренностью.

— Друг мой, — энергично запротестовал старик, — очень любезно с вашей стороны, что довезли меня досюда, но это не дает вам права так со мной разговаривать. Вот вам шиллинг за хлопоты, а если у вас нет желания везти меня в эту вашу «Трегонвелл Армз», то я и сам дорогу найду.

Мистер Чандлер слегка опешил и перепугался. Бурча под нос какие-то извинения, он вернул шиллинг, молча миновал несколько кривых закоулков и узеньких улиц, наконец остановился перед ярко освещенными окнами какого-то здания и громко позвал мистера Уоттса.

— Это ты, Джем? — раздался приветливый голос откуда-то из конюшни. — Заходи внутрь, погрейся.

— Нет, я тут только затем, чтобы высадить одного достойного джентльмена, который ищет ужина и ночлега. Но предупреждаю тебя, будь осторожен, он хуже проповедника общества трезвости.

Мистер Финсбюри с трудом выбрался из повозки, после долгой езды все его члены затекли, да и предыдущие передряги давали себя знать. Приветливый мистер Уоттс, несмотря на не слишком лестные

рекомендации возницы, встретил старика с чрезвычайным радушием и пригласил в гостиную, где в камине вовсю пылал огонь. Вскоре в той же самой комнате был накрыт стол, и мистеру Джозефу подали жареную курицу, слегка уже початую, и большую кружку темного пива из бочки.

После ужина Финсбюри встал из-за стола, чувствуя себя хорошо подкрепившимся, и пересев в кресло поближе к камину, начал приглядываться к остальным гостям, уже предчувствуя в душе все ораторские удовольствия. Присутствующих было десятка полтора, все мужского пола и все (как с удовлетворением отметил для себя Джозеф) принадлежали к трудовому сословию. Склонность людей, занятых физическим трудом, к выслушиванию занимательных историй и дискуссиям на различные темы не раз уже была источником истинной радости для мистера Джозефа. Но для того, чтобы завладеть вниманием даже столь благорасположенной аудитории, следовало приложить определенные усилия. В этом отношении у Джозефа Финсбюри не было соперников. Он нацепил на нос очки, вытащил из кармана пачку бумаг и разложил их перед собой на столе. Пошелестел ими, поразглаживал, пробежал их взглядом, изобразил на лице полнейшее удовлетворение, а затем, нахмутив брови и постукивая карандашом об стол, стал изображать человека, погруженного в решение какой-то сложной задачи. Между тем украдкой он посматривал на собравшихся и убедился, что его маневры не остались без внимания: все взгляды были обращены в его сторону, рты приоткрыты, трубки в них застыли неподвижно. Гипноз действовал. В этот самый момент появление мистера Уоттса послужило необходимым предлогом для начала речи.

— Вижу я, — обратился он как бы к хозяину, но вместе с тем взглядом приглашая прислушаться и всю остальную аудиторию, — вижу я, что некоторые из присутствующих здесь джентльменов смотрят на меня с любопытством. И действительно, не каждый день можно встретить человека, который был бы занят, как я, литературными и научными делами в публичном месте. У меня тут с собой кое-какие расчеты, сделанные не далее как сегодня пред полуднем, относительно прожиточного минимума в нашем краю и в некоторых других странах — тема эта, излишне напоминать, представляет большой интерес для всех трудящихся граждан. Я произвел расчеты прожиточного минимума для групп населения, зарабатывающих восемьдесят, сто шестьдесят, двести и двести сорок фунтов в год. Должен признать, что с доходом в размере восьмидесяти фунтов у меня возникли некоторые трудности, да и расчеты для других категорий далеки от той точности, которой я хотел бы достигнуть;

стоимость стирки белья, например, различна, в разных странах сильно отличаются цены разных сортов кокса, угля и дров. Я вас познакомлю с этими расчетами, и надеюсь, что вы без всякого стеснения укажете на те или иные мелкие ошибки, допущенные мной по невнимательности или по незнанию. Итак, господа, начнем с ежегодного дохода в восемьдесят фунтов.

И далее наш просветитель начал самозабвенно и безжалостно оглашать результаты своих расчетов. Временами он приводил до девяти вариантов для каждой категории доходов, помещая свою расчетную единицу по очереди в Лондон, Париж, Багдад, на Шпицберген, в Басру, на Гельголанд, в Сицилию, в Брайтон, Цинциннати и Нижний Новгород, дополняя числовые данные разнообразными сведениями о каждом из этих географических объектов. Стоит ли удивляться, что большинству присутствующих этот вечер запомнился как один из скучнейших в жизни.

Задолго до того, как расчетный герой мистера Финсбюри, зарабатывающий уже сто шестьдесят фунтов в год, добрался до Нижнего Новгорода, общество слушателей значительно поредело, и в зале осталось лишь несколько нескгибаемых любителей рюмочки да вежливый мистер Уоттс. Правда, то и дело заходили с улицы все новые посетители, но и те, хлопнув свой стопарик, спешили сменить заведение.

Когда молодой человек с годовым доходом в двести фунтов начал обустриваться на острове Сицилия, мистер Уоттс остался уже один на один с нашим экономистом, но, как только этот условный персонаж переселился в Брайтон, и он, последний из следящих за сим маршрутом, отказался от погони.

После многочисленных и разнообразных дневных трудов мистер Финсбюри спал крепко. Встал он поздно и после сытного завтрака попросил счет. Тут он сделал открытие, которое совершали многие и до него, а именно, что просить дать счет и рассчитывать по нему — вещи разные. Отдельные позиции в счете были вполне умеренными, да и общая сумма (что не всегда вытекает из предыдущего факта) оказалась небольшой, но после самой тщательной ревизии карманов, выяснилось, что уважаемый постоялец обладает наличным капиталом в размере одного шиллинга и нескольких пенсов. Пришлось снова пригласить мистера Уоттса.

— Вот чек на восемьсот фунтов, выставленный на лондонский банк, — с достоинством заявил мистер Финсбюри. — Боюсь, однако, что вам придется сделать выбор, то ли самому предъявить этот чек, то ли подождать день-два, пока я его реализую.

Мистер Уоттс оглядел чек с обеих сторон, потер его пальцами.

— День-два? — повторил он вслед за гостем. — Что, у вас нет с собой нисколько наличных?

— Только немного мелочи, — ответил Джозеф.

— В таком случае вы можете прислать мне расчет по почте. Я вам доверяю.

— По правде говоря, — ответил гость, — я имею намерение здесь задержаться. И мне потребуются наличные.

— Если десять шиллингов вас устроят, охотно могу одолжить, — с готовностью заверил его мистер Уоттс.

— Все же я бы предпочел остаться и реализовать чек.

— Э, нет, в моей гостинице вы не останетесь, — твердо заявил мистер Уоттс. — В «Трегонвелл Армз» вы переночевали в последний раз.

— А я вам говорю, что остаюсь! — настаивал мистер Финсбюри. — Это право дано мне законом, принятым парламентом. Попробуйте меня отсюда выставить, если вам хватит смелости.

— В таком случае попрошу заплатить по счету.

— Пожалуйста, — воскликнул мистер Джозеф, швыряя хозяину чек.

— Это в данном случае не является платежным средством, — отвечал мистер Уоттс. — Прошу вас немедленно покинуть мой дом.

— Вы не можете себе представить всю степень презрения, ощущаемую мной по отношению к вам, — заявил Джозеф, подчиняясь обстоятельствам. — Но в какой-то мере я все же дам вам это почувствовать: я не заплачу по счету!

— Да черт с ним, со счетом, — махнул рукой хозяин. — Главное, чтобы вы отсюда исчезли.

— Что ж, пусть будет по-вашему, — ответил Джозеф. — Но, надеюсь, у вас хватит все же вежливости, чтобы сообщить мне, когда отходит ближайший поезд в Лондон?

— Через три четверти часа, — последовал мгновенный ответ хозяина заведения.

Джозеф оказался в трудной ситуации. С одной стороны, ему следовало бы избегать передвижения по железной дороге, поскольку именно там с наибольшей вероятностью могли караулить его племяннички, с другой же стороны, было весьма желательно, даже необходимо как можно скорее предъявить чек в банк, пока Моррис не заявил о том, чтобы денег дяде по нему не выдавали. Поэтому он решил двинуть в Лондон первым же поездом. Оставалось решить только одну проблему: чем заплатить за билет?

Нельзя сказать, что у дяди Джозефа всегда были безупречно чистые ногти, за обедом он предпочитал есть пищу с ножа. В целом он вряд ли в глазах читателя мог заслужить звание истинного джентльмена, но была у него одна положительная черта, перевешивающая все указанные недостатки, — несокрушимое чувство собственного достоинства. То ли пребывание на Ближнем Востоке было тому причиной, то ли сказалась чья-то примесь крови в роду Финсбюри, что иногда приходило в голову некоторым его клиентам. Так или иначе, когда он явился к начальнику станции, то приветствовал его поистине с восточным пышным многословием. В тесной конторке повеяло самумом, расцвели пальмы и запели перские соловьи — дальнейшее описание антуража предоставляю читателям, лучше знакомым с восточной экзотикой. Кроме того, в его пользу свидетельствовала его внешность. Униформа сэра Фарадея, хотя и неудобная и обращающая на себя внимание, во всяком случае не была нарядом, который нацепил бы на себя мошенник, а дорогие карманные часы и чек на восемьсот фунтов дополняли общее благоприятное впечатление. Через пятнадцать минут, когда подошел поезд, мистер Финсбюри был усажен в купе первого класса лично улыбающимся начальником и поручен заботам кондуктора, который полностью взял на себя ответственность за пассажира.

Ожидая минуты отправления, мистер Джозеф стал свидетелем странного происшествия, связанного, как впоследствии оказалось, с судьбами его семьи. Несколько сгибающихся под тяжестью груза носильщиков тащили по перрону ящик, вмещающий какой-то циклопических размеров предмет, и к радости многочисленных зевак с шумом и грохотом загрузили его в багажный вагон. Историкам часто выпадает приятная миссия обращать внимание на планы и (говорим это со всем надлежащим уважением) прихоти Провидения. В багажном вагоне, который увозил Джозефа с Восточного вокзала Саутгемптона в Лондон, уже находилось еще не проросшее (выразимся так) зерно его будущих приключений. Надпись на громадном ящике гласила, что он должен «Храниться на станции Ватерлоо, пока не будет востребован получателем», адресована же посылка была некоему Уильяму Денту Питману. В углу того же самого багажного вагона находилась также бочка, ее адресатом значился «М. Финсбюри, 16 Джон-стрит, Блумсбери. Доставка оплачена». Оба багажа и образовывали тот мощный пороховой заряд, который только и ждал, когда предназначенная для того рука поднесет к нему огонь.

Глава четвертая

Мировой судья в багажном вагоне

Городок Винчестер известен своим кафедральным собором, епископом (к сожалению, он разбился насмерть во время конной поездки), частной школой, большим военным гарнизоном и тем, что через него следуют согласно расписанию несколько поездов лондонской и юго-западной веток. Все это могло бы породить в мозгу мистера Джозефа определенные ассоциации, но его дух в это время уже покинул пределы железнодорожного купе и витал где-то в небесах, наполненных лекционными залами, слушателями и бесконечно продолжающимися докладами. Тело же его, свернувшись калачиком, отдыхало на мягком диванчике купе. Фуражка было лихо сдвинута на затылок, руки прижимали к груди свежий номер «Ежедневной газеты Ллойда».

В купе, где безмятежно почивал мистер Джозеф, зашли двое путешественников, но только за тем, чтобы тут же выскочить обратно. Они успели на поезд в последнее мгновение. Этому предшествовала сумасшедшая парная гонка, затем налет на билетную кассу, напоминающий вооруженное ограбление, потом опять бег со всех ног, и в результате они оказались на перроне, когда паровоз издал последний прощальный пых. В пределах достижимости был только один вагон. Наконец, они оказались внутри. Старший (и одновременно главный) из них заглянул в купе и увидел мистера Финсбюри.

— Боже мой! — воскликнул он. — Дядя Джозеф! Это ужасно!

И тут же выскочил обратно в коридор, чуть не сбил с ног своего приятеля и осторожно прикрыл двери, явно не желая разбудить спящего патриарха. Через минуту они перебрались в багажный вагон.

— Чем тебя так напугал дядя Джозеф? — спросил тот, что помладше, вытирая со лба пот. — Не разрешает курить?

— Э-э, дорогой мой, да будет тебе известно, что дядя Джозеф — это фигура! Очень уважаемый старик, имеет свое дело в кожевенной отрасли, бывал на Ближнем Востоке; семьи у него нет, состояния нет, зато есть язык, дорогой Викхэм, причем язык этот опаснее змеиных зубов.

— Что, такой склочный старикашка?

— Ни в коей мере, попросту редкий зануда. Где-нибудь на необитаемом острове, может, и был бы забавен, но как сосед по купе —

несносен. Ты бы только послушал, как он рассказывает про Тонти, того осла, который придумал *тонтину*. С ума можно сойти от того, как он эту историю рассказывает!

— Черт возьми! — воскликнул собеседник. — Та к ты один из этих *тонтинских* Финсбюри? Я и понятия не имел.

— Ха! А знаешь ли ты, что этот старичок имеет для меня цену в сто тысяч фунтов. И ведь спит себе там один, да и в вагоне больше никого, а? Но я его пощадил, поскольку в политике я консерватор.

Мистер Викхэм, страшно довольный тем, что оказался в багажном вагоне, метался по нему, как мотылек.

— Вот тебе на! — воскликнул он. — А тут тебе посылка! «М. Финсбюри, 16 Джон-стрит, Блумсбери, Лондон». М. — это значит, видимо, Майкл. Ну ты и ловкач! Две квартиры завел?

— Да нет, это для Морриса, — ответил Майкл с другого конца вагона, где удобно устроился на каких-то мешках. — Это мой кузен. Он мне очень нравится тем, что меня боится. Он один из столпов Блумсбери, и что-то там коллекционирует, птичьи яйца или что-то в этом роде. Ручаюсь, что моих клиентов это не заинтересует.

— Слушай, вот была бы отличная шутка, если бы мы позаменяли таблички с адресами, — захохотал мистер Викхэм. — Гляди, тут и молоток есть! Можем все эти посылки разослать по другим адресам!

В это время кондуктор, обеспокоенный голосами, доносившимися из багажного вагона, появился в дверях служебного купе.

— Будет лучше, если господа перейдут сюда, ко мне, — сказал он, выслушав их объяснения.

— Идем, Викхэм? — спросил Майкл.

— И не подумаю. Мне нравится путешествовать среди багажа.

На том разговор и кончился. Остаток путешествия мистер Викхэм проделал по ту сторону дверей, забавляясь известным читателю способом, а по другую ее сторону Майкл с кондуктором вели дружескую беседу.

— Я могу найти для вас купе, — заметил кондуктор, когда поезд начал замедлять ход перед станцией Бишопсток. — Вы можете выйти вот в эти двери, а вашего приятеля я потом приведу.

Мистер Викхэм, которого мы покинули в минуту, когда он принялся за реализацию своей идеи, был очень состоятельным молодым человеком, приятной, но невыразительной наружности и с весьма ограниченным интеллектом. Пару месяцев назад ему довелось впутаться в неприятную историю, в результате чего его стали шантажировать родственники господара Валахии, временно находящегося в эмиграции в Париже. Общий

знакомый (с которым Викхэм поделился своими проблемами) посоветовал ему обратиться к Майклу, а наш адвокат, как только ознакомился с фактами, перешел в наступление, ударил по валашским флангам и по прошествии трех дней полностью разбил неприятеля, принудив его к отступлению за Дунай. Нам туда за ними следовать незачем, тем более что ретировались они под патронажем полиции. Мистер Викхэм, избавленный от того, что он называл валашскими зверствами, вернулся в Лондон, полный столь же глубокой, сколь и докучливой благодарности и восхищения к своему спасителю, который не только подобных чувств к мистеру Викхэму не испытывал, но и, более того, не считал, что ему очень уж повезло с новым клиентом. Потребовалось несколько раз повторять приглашение, чтобы Майкл, наконец, собрался посетить владения семейства Викхэмов. Оттуда они как раз и возвращались. Один глубокий мыслитель уже давно отметил, что Провидение всегда выбирает кого-то в качестве своего орудия, иногда это может быть личность совсем незначительная. И сейчас даже наименее смысленные из читателей ясно поймут, что мистер Викхэм и валашский господарь были материалом и формой в руках Провидения.

Горя желанием отличиться в глазах Майкла, показать, каким редким чувством юмора он обладает и какие номера способен откалывать, молодой лоботряс (который в своем родном графстве числился на каких-то должностях, но скорее символически), когда остался в багажном отделении один, занялся перевешиванием адресных табличек с энтузиазмом революционера. Во всяком случае, когда он, наконец, присоединился к адвокату на станции Бишопсток, лицо его покраснелось от предпринятых физических усилий, а потухшая уже сигара была почти перекушена пополам.

— Ну, это будет хохма! Все адреса перемешал! Эти твои кузены получают ящик величиной с дом. Я уж так постарался, что если кому из потерпевших попадусь, то меня линчуют.

В обществе мистера Викхэма трудно было оставаться серьезным.

— Успокойся, — сказал ему все же Майкл. — Твои бесконечные приключения начинают мне надоедать. Хуже того, они плохо сказываются на моей репутации.

— От твоей репутации и следа не останется, пока от меня избавишься, — ответил тот с усмешкой. — Вставь это в счет, дорогой мой. «За полную утрату репутации: шесть шиллингов восемь пенсов». Но, — продолжил он уже серьезнее, — могу я через это потерять свою должность? Понимаю, что она невелика, но мне нравится быть мировым судьей. Скажи как специалист, может мне это грозить?

— Это не имеет значения: рано или поздно тебя все равно отстранят. На добропорядочного мирового судью ты нисколько не похож.

— Эх, был бы я адвокатом, — ответил мистер Викхэм, — а не скромным землевладельцем! Слушай, а может, организуем *тонтину*? Я внесу пятьсот фунтов, а твое участие будет заключаться в том, чтобы оберегать меня от всех несчастий, кроме болезни и женитьбы.

— Я прихожу к выводу, — усмехнулся адвокат после некоторого раздумья и закурил сигару, — даже почти уверен, что ты — истинная кара божья для нашей бедной Англии.

— Ты действительно так думаешь? — спросил мировой судья, усаживаясь поудобней и радуясь комплименту. — Может я и вправду божье наказание для страны, но не забывай, мой дорогой, что я этой страной финансово ангажирован. Об этом, радость моя, не забывай!

Глава пятая

Мистер Гидеон Форсайт и гигантский короб

Мы уже упоминали, что мисс Хезелтайн случалось иногда в Борнмуте заводить приятные знакомства. Они, правда, длились недолго, ибо двери дома на Джон-стрит снова наглухо закрывались за своими узниками, но и эти краткие часы приносили радость, грусть же, наступавшая после разлуки, смягчалась надеждой. К числу знакомых, приобретенных именно в Борнмуте ровно год назад, принадлежал среди прочих и молодой адвокат мистер Гидеон Форсайт.

Около трех часов в тот самый день, когда мировой судья развлекался с адресами, мистер Форсайт, прогуливаясь в задумчивости и не в лучшем настроении, забрел на угол Джон-стрит; примерно в то же самое время двукратный, громкий, как раскат грома, стук призвал к дверям дома номер 16 на указанной улице мисс Хезелтайн.

Мистер Гидеон Форсайт был в определенной мере счастливым человеком. И был бы еще счастливее, имей он денег побольше, а зависимости от своего дяди — поменьше. Финансовые его возможности ограничивались ста двадцатью фунтами в год, но дядя, мистер Эдвард Хью Блумфилд, дополнял эту сумму неплохой прибавкой и еще большим количеством жизненных советов, облеченных в выражения, которые и на палубе пиратского судна звучали бы слишком крепко. Мистер Блумфилд был личностью весьма примечательной, если говорить об Англии времен Гладстона; за неимением подходящего термина назовем его «поместным радикалом». В зрелом возрасте (в смысле количества прожитых лет, а не жизненного опыта и ума) он привнес в политику радикалов ту шумную эксцентричность, которую мы привыкли связывать с самыми крайними проявлениями консервативного склероза. По сути дела, к интеллектуальному портрету небезызвестного сэра Брэдли^[5] он добавил черты характера и привычки вымирающего уже поколения истинных английских помещиков. Увлекался боксом, не расставался с массивной дубовой палкой, регулярно посещал церковь, и трудно было предугадать, из-за чего он может легче завестись — из-за неодобрительного отзыва в его присутствии в адрес официальной англиканской церкви или из-за того, что

кто-то пренебрег его приглашением на семейное торжество. Было у него также несколько присказок, которыми он подгонял все под общий аршин и которые порой доводили до дрожи всю его многочисленную родню. Самым суровым неодобрением чьего-либо поведения в его устах была фраза «это недостойно англичанина», менее суровым (но не менее действенным) был отзыв «это непрактично». Именно этой оценки удостоился Гидеон в отношении своих методов изучения юриспруденции — до сей поры сугубо теоретических. Об этом дядя заявил ему громогласно, для убедительности постукивая в пол дубовой палкой: либо племянник займется адвокатской практикой всерьез и немедленно найдет себе какое-то реальное судебное дело, либо ему придется ограничить свой бюджет собственными доходами.

Та к что не стоит удивляться, что настроение Гидеона было не из лучших. Привычный образ жизни менять не хотелось, но столь же отчетливо было ясно, что без дядиной стипендии изменения таки произойдут, и куда более серьезные. Откровенно говоря, глубоко вникать в проблемы права у Гидеона не было никакого желания. Он как-то попытался проявить к этим проблемам повышенный интерес, но взаимности не встретил. Тем не менее, он готов был уступить пожеланиям своего дяди, более того, был не против согласиться вообще со всеми взглядами поместного радикала, но существовала одна проблема, которая решению пока не поддавалась: где взять клиента? И это еще не все: если даже предположить, что дело он получит, где уверенность, что он его выиграет?

Неожиданно дорогу Гидеону перегородила толпа. У края тротуара стоял ярко разукрашенный мебельный фургон, из которого торчал, частично опираясь на мостовую, частично покаясь на лоснящихся от пота плечах грузчиков, самый большой из виданных когда-либо во всем графстве Миддлсекс ящик. А на ступенях крыльца ближайшего дома возница вел спор со смуглолицей девушкой.

— Это не наш груз, — утверждала девушка. — Забирайте его отсюда. Даже если вам удастся снять его с повозки, в дом его занести все равно не получится.

— Тогда я оставлю его на тротуаре, и пусть мистер Финсбюри делает с ним, что хочет.

— Но я же не мистер Финсбюри, — возражала девушка.

— Кто вы такая, не имеет никакого значения, — настаивал возница.

— Мисс Хезелтайн, если вы позволите, я помогу, — вступил в разговор Гидеон, подавая девушке руку.

— О, мистер Форсайт! — радостно воскликнула Джулия. — Как я рада вас видеть! Этот ужасный предмет, попавший сюда явно по ошибке, нужно

как-то занести в наш дом. Грузчики утверждают, что придется снимать двери или ломать стену, иначе почтовое ведомство или таможня выпишут нам штраф за то, что оставили груз на улице.

Грузчикам тем временем удалось снять груз с повозки, опустить его на землю, и теперь они стояли, устало опираясь на ящик и поглядывая на двери дома номер 16 с явной опаской. Как по мановению волшебной палочки во всех окнах близлежащих домов появились заинтересованные и весьма довольные зрелищем соседи.

С выражением крайней деловитости и обстоятельности на лице мистер Форсайт измерил с помощью своей трости ширину двери, Джулия же записывала результаты его наблюдений в блокнот. Затем он проделал аналогичные измерения с ящиком и, сравнив данные, убедился, что груз в двери проходит буквально тик в тик. После чего Гидеон сбросил пиджак и жилетку и помог грузчикам снять двери с петель. Наконец, общими усилиями всех присутствующих, включая столпившихся зрителей, удалось сдвинуть груз с места и затолкать его в холл, нанеся последнему непоправимый урон. Когда осела пыль, участники операции поглядели друг на друга с улыбками победителей. Что ж поделаешь, стену они поцарапали и бюст Аполлона разбили, но дело сделали, бесплатному зрелищу для ротозеев был положен конец.

— Уверяю вас, уважаемый мистер, что с такой работой я сталкиваюсь в первый раз в жизни, — сказал главный из грузчиков, он же возница фургона.

Гидеон правильно его понял и в знак согласия сунул в ладонь бригадира несколько соверенов.

— Если вы добавите еще один, я поставлю пиво всем присутствующим, — заявил тот. Когда его просьба была удовлетворена, импровизированная бригада грузчиков в полном составе с криками набилась в фургон, который двинулся в направлении ближайшего приличного кабака. После того, как они скрылись из виду, Гидеон привел в порядок двери и подошел к Джулии. Их взгляды встретились. Неожиданно обоих разобрал безудержный смех, эхо которого разнеслось по всему дому. В Джулии проснулось любопытство, она подошла к ящику, чтобы внимательней его осмотреть, особенно табличку с адресом.

— Это самое удивительное происшествие, какое со мной случалось, — сказала мисс Джулия и снова засмеялась. — Адрес, несомненно, написан рукой Морриса, но не далее как сегодня утром я получила от него письмо, в котором он пишет, что я должна ждать прибытия какой-то бочки. Как вы думаете, еще и бочку привезут?

— «Осторожно. Скульптура», — громко прочитал Гидеон надпись, сделанную на ящике. — Та к стало быть, вы об этом ничего не знаете?

— Нет. Ах, мистер Форсайт, может, мы все-таки посмотрим, что там внутри?

— Разумеется! — воскликнул Гидеон. — У вас есть молоток?

— Идемте за мной, я покажу, где лежит. Для меня полка высоковата. — Джулия открыла двери на лестницу, ведущую в кухню и повела Гидеона за собой. Они нашли молоток и ножовку, а Гидеон с удивлением обратил внимание, что в доме отсутствует прислуга. Заодно выяснилось, что у мисс Хезелтайн очень стройная ножка. Это открытие привело мистера Форсайта в полное смятение, и он с радостью принялся за работу, что позволяло хотя бы отчасти скрыть написанные на физиономии чувства.

Трудился он старательно, нанося молотком удары с размахом, достойным хорошего кузнеца. Джулия же в это время стояла рядом и присматривалась больше к работнику, чем к результатам его действий. И сочла его внешне весьма привлекательным; никогда, например, она еще не видела таких красивых и мощных плеч. А Гидеон, как будто прочитав ее мысли, обернулся к ней и улыбнулся. Ответная улыбка вместе с зарумянившимися щечками, что было девушке очень к лицу, столь подействовали на молодого человека, что он забыл перевести взгляд, и лихо замахнувшись молотком, со всей силы опустил его себе на пальцы. Выдержка, достойная похвалы, позволила ему подавить напрашивающиеся, но не дозволенные в присутствии дамы слова, заменив их невинным возгласом «растяпа!». Но больно было по-настоящему. Гидеон занервничал, попытался продолжить работу, но после нескольких неудачных попыток вынужден был от этого отказаться.

Джулия тут же выскочила из комнаты, а через минуту вернулась, неся тазик с водой, и принялась губкой обмывать пораненную руку.

— Мне очень жаль, — пустился в объяснения Гидеон. — Будь я лучше воспитан, я сначала бы вскрыл ящик, а уж потом долбанул себе по руке. Мне уже лучше, — добавил он, — уверяю вас, мне значительно лучше.

— Я надеюсь, что вы достаточно окрепли, чтобы руководить операцией, — сказала мисс Джулия. — Говорите мне, что нужно делать, а я буду выполнять функции работника.

— Какой прелестный работник, — заметил вслух Гидеон, несколько забывшись. Джулия обернулась и посмотрела на него, как бы слегка нахмутив брови. Поставленный таким образом на место молодой человек

был рад переключить внимание с себя на злополучный ящик. Цель была уже близка. Джулия преодолела последнее препятствие и в отверстии показался ворох соломы. Некоторое время они оба, встав на колени, занимались чем-то вроде уборки сена. Еще минута и под соломой обнаружилось что-то белое и гладкое. Вскоре уже не было никаких сомнений: перед ними была мраморная нога.

— Надо признать, что эта особа весьма атлетического телосложения, — заметила Джулия.

— В жизни ничего подобного не видел, — согласился Гидеон. — Мускулы что твои глыбы.

Постепенно открылась и вторая нога, а затем нечто, напоминающее третью, при ближайшем рассмотрении оказавшееся суковатой палкой, опирающейся на постамент.

— Геркулес! — воскликнул Гидеон. — Можно было уже по ступне догадаться. Я хоть и принадлежу к поклонникам скульптуры, но что касается Геркулеса, считаю, что обязана вмешаться полиция и запретить штампование подобных статуй. Скажу больше, — добавил он, глядя с неодобрением на гигантскую ножищу, — кажется, перед нами самый огромный и самый уродливый Геркулес во всей Европе. Каким чудом он здесь оказался?

— Наверно никто больше не прельстился этим подарком, — сказала Джулия. — Да и нам он зачем, ума не приложу.

— Не говорите так, — запротестовал Гидеон. — Для меня его появление — одно из приятнейших событий в жизни.

— Да, и не скоро его забудете, — добавила Джулия. — Раненая рука вам напомнит.

— Ну что ж, мне пора, — неохотно проговорил Гидеон.

— Нет, нет, — возразила Джулия, — прошу вас остаться и выпить чаю.

— Если бы я был уверен, что вы действительно хотите, чтобы я остался, — проговорил Гидеон, смущенно уставившись на свою шляпу, — я с удовольствием принял бы приглашение.

— Разве я похожа на столь неискреннюю особу? Конечно, я вас приглашаю; кроме того, мне к чаю хотелось бы пирожных, а послать, кроме вас, некого. Вот вам ключ.

Гидеон поспешно нахлобучил шляпу на голову, бросил взгляд сначала на мисс Джулию, потом на Геркулеса, широко распахнул дверь и отправился выполнять поручение.

Вернулся он с большой сумкой, доверху набитой самыми наилучшими и наивкуснейшими пирожными и печеньями, застав Джулию за

накрыванием маленького столика в холле.

— В комнатах ужасный беспорядок, — пояснила она. — Я решила, что здесь нам будет удобней и уютней.

— Замечательно! — с энтузиазмом согласился Гидеон.

— Ах, какие чудесные пирожные с кремом. И эти тоже, с черешней. Ну вот, надо же, вся черешня высыпалась в крем.

— Да-а, — протянул Гидеон, стараясь скрыть смущение. — Я думал, это будет удачное сочетание. Так мне сказала продавщица.

— А теперь, — начала мисс Джулия, когда они наконец приступили к своему скромному чаепитию, — я покажу вам письмо Морриса. Прошу вас прочитать его вслух, может что-то ускользнуло от моего внимания.

Гидеон взял в руки письмо, разложил его на коленях и прочитал следующее:

«Дорогая Джулия!

Пишу тебе из Браундина, где нам пришлось задержаться на несколько дней. Дядя не может прийти в себя после этого ужасного происшествия, о котором ты уже, наверное, знаешь из газет. Завтра я оставлю его с Джоном и приеду в Лондон, но перед этим ты получишь бочку с образцами товара, предназначенными для одного моего приятеля. Ни в коем случае не открывай бочку, оставь ее в холле до моего приезда. Извини за поспешность, будь здорова.

М. Финсбюри

P.S. Очень тебя прошу, оставь бочку в холле.»

— Нет, — сказал Гидеон, — тут нет ни одного слова о статуе. Мисс Хезелтайн, вы позволите задать вам несколько вопросов?

— Да, пожалуйста. Если вы сможете объяснить мне, почему Моррис прислал статую Геркулеса вместо бочки с образцами для приятеля, буду благодарна вам по гроб жизни. И что это, собственно, значит, «образцы для приятеля»?

— Понятия не имею, — признался Гидеон. — Образцы товара, как правило, меньше размером, чем наша милая статуйка. Но я не об этом. Вы что, совсем одна в этом большом доме?

— Да. По крайней мере, пока. Я приехала первой, чтобы привести тут все в порядок и нанять новую прислугу. Но пока не нашла никого

подходящего.

— Значит, вы тут совсем одна. — Гидеон был изумлен. — И вы не боитесь?

— Нет, — решительно ответила Джулия. — Не понимаю, почему я должна бояться быть одной больше чем, скажем, вы. Я, конечно, не столь сильна, но, когда поняла, что буду ночевать в одиночестве, купила револьвер и попросила продавца, чтобы научил меня, как им пользоваться.

— Ну, и как же вы будете им пользоваться? — поинтересовался Гидеон.

— Очень просто, — улыбнулась Джулия. — Нужно потянуть за маленький крючок сверху, потом целиться пониже, потому что револьвер подскакивает при выстреле, потом нажимаешь на маленький крючок внизу, и револьвер стреляет точно так же, как и в руках мужчины.

— И часто вам приходилось стрелять?

— Пока еще не было случая, — честно призналась девушка, — но раз я знаю, как это делается, это сильно добавляет мне смелости. А если еще забаррикадировать двери комодом...

— Хорошо, что ваши опекуны скоро возвращаются. Мне эта ситуация кажется небезопасной. Если бы она продлилась дольше, я мог бы прислать вам мою тетку или экономку.

— Одолжить мне тетку! — воскликнула Джулия. — Великолепная мысль! Я начинаю подозревать, что это вы прислали мне Геркулеса.

— Но, мисс Джулия, — уверял ее Гидеон, — я столь восхищен вами, что не осмелился бы расстраивать вас посылкой такого кошмарного произведения искусства.

У Джулии уже был готов ответ, когда их обоих застал врасплох стук в дверь.

— Ах!

— Дорогая мисс Джулия, вам нечего бояться! — Гидеон положил руку ей на плечо.

— Это, наверно, полиция. Пришли из-за статуи.

Стук в дверь повторился, на этот раз громче и нетерпеливей, к тому же он сопровождался чьими-то недовольными криками.

— Моррис! — изумилась Джулия и побежала открывать.

Перед ними, действительно, предстал Моррис. Непохожий на себя, с бледным, исхудавшим лицом, двухдневной щетиной и диким, налитым кровью взглядом.

— Бочка! — вскричал он. — Где бочка, которая пришла сегодня утором? — вопил, озираясь кругом, а когда взгляд его остановился на

ящике с Геркулесом, глаза чуть не вылезли из орбит. — Что это? — рявкнул Моррис. — Что это за гробина, ты, идиотка? Что это? Где моя бочка?

— Никакой бочки мы не получали, Моррис, — весьма холодно ответила Джулия. — Сегодня привезли именно эту штуку.

— Эту? — взвыл несчастный. — Я не имею понятия, что это такое.

— Адрес написан твоей собственной рукой. Мы чуть дом не развалили, пока ее затаскивали, и больше я тебе ничего сказать не могу.

Моррис глядел на Джулию, онемев от изумления. Он потер ладонью лоб, потом прислонился к стене, чуть не теряя сознание. А обретя все же дар речи, обрушил на Джулию поток столь грязной ругани, что никто из знающих Морриса и предположить бы не мог за ним таких способностей, настоящего джентльмена, безусловно, не украшающих.

— Я бы попросил вас не обращаться к мисс Хезелтайн подобным образом, — решительно заявил Гидеон. — Я этого не допущу.

— Я к ней буду обращаться так, как мне нравится, — заорал Моррис в новом приступе бешенства. — Я с этой паршивкой буду говорить так, как она заслуживает.

— Ни слова больше, предупреждаю вас! — воскликнул Гидеон. — Мисс Хезелтайн, — обратился он к Джулии, — вам не следует больше ни минуты оставаться под одной крышей с этим грубияном, не имеющим понятия о приличиях. Вот вам моя рука. Не возражаете, если я отвезу вас в такой дом, где вам не придется выслушивать подобные оскорбления.

— Мистер Форсайт, — ответила Джулия, — вы совершенно правы. Я не могу здесь больше оставаться. И я убеждена, что поступаю под защиту поистине благородного джентльмена.

Бледный, но решительный Гидеон взял ее под руку, после чего пара начала спускаться по ступенькам крыльца, а Моррис бросился вслед за ними, требуя ключи.

Едва Джулия успела отдать ему ключи, как к дому с форсом подкатил пустой кэб. Оба мужчины бросились чуть ли не под копыта, а когда кэбмен придержал своего лихого коня, к нему подскочил Моррис.

— Шесть пенсов сверх тарифа, — закричал он. — Вокзал Ватерлоо, во всю конскую прыть. Повторяю, шесть пенсов тебе лично.

— Шиллинг, барин хороший, — усмехнулся кэбмен. — Те все-таки были первыми.

— Черт с тобой, пусть будет шиллинг, — махнул рукой Моррис, и в эту самую минуту в мозгу у него сверкнула какая-то мысль, подумать над которой ему предстояло уже на вокзале. Кэбмен стегнул коня, и экипаж скрылся за углом.

Глава шестая

Терзания Морриса, часть первая

Сидя в кэбе, летящем по улицам Лондона, Моррис пытался собраться с мыслями. Бочка с покойником пропала, и ее нужно было отыскать любой ценой. Это понятно. Если по счастливой случайности она еще на станции, все может кончиться хорошо. Но, если ее уже отослали дальше и она попала в чьи-то совершенно чужие руки, все обстоит значительно хуже. Люди, получившие неожиданную и непонятную посылку, как правило, стремятся тут же познакомиться с ее содержимым; пример мисс Хезелтайн (вспомнив про которую, Моррис снова про себя чертыхнулся) это наглядно иллюстрирует. И ежели этот некто упаковочку вскроет...

— О Боже, — возопил Моррис, представив себе такую ситуацию, и поднял руку ко взмокшему лбу. Предосудительные с точки зрения закона действия, рассматриваемые чисто умозрительно, могут их инициатору казаться задуманными блестяще и беспроегрышно, естественно, до того, как он их реализует. Но все начинает выглядеть совершенно иначе, когда уже состоявшийся правонарушитель вспоминает о существовании полиции. Моррис же, принимаясь за дело, наличие этого уважаемого органа охраны общественного порядка во внимание, как он начал осознавать только теперь, совершенно не принял. Надо быть предельно осторожным — строго сказал он сам себе и почувствовал неприятный холодок в области позвоночника.

— На главную станцию или пригородную? — спросил кэбмен.

— На главную, — ответил Моррис, решив в душе заплатить-таки кучеру обещанный шиллинг. Привлекать к себе излишнее внимание было бы ошибкой. Но так и разориться можно. Господи, ну и влетит мне все это в копеечку!

Моррис проскочил через кассу и начал крутиться по перрону. Как раз был перерыв в расписании, и людей на перроне было немного, а те, кто были, преспокойно сидели на лавках. Никто на Морриса внимания не обращал, что было, в принципе, хорошо, но вместе с тем и к цели его никак не приближало. Надо что-то делать, какой-то риск неизбежен. Опасность росла с каждой минутой. Набравшись храбрости, Моррис подозвал одного из носильщиков и спросил, не видел ли тот бочки, которая должна была прибыть в багаже утреннего поезда; ему-де, Моррису, совершенно

необходимо эту бочку разыскать, поскольку это собственность его приятеля.

— Дело срочное, — добавил он, — в бочке были образцы товаров.

— Меня здесь утром не было, — не особо приветливо ответил носильщик, — но могу спросить у Билла. Билл, ты не помнишь, сегодня утром с поездом из Борнмута какая-нибудь бочка с образцами не поступала?

— Насчет образцов не знаю, — отвечал Билл, — но получатель бочки устроил тут жуткий скандал.

— Это почему же? — воскликнул Моррис и, забыв об экономии, сунул носильщику в ладонь пенсовик.

— Видите ли, уважаемый, бочка прибыла около часу тридцати, и до трех за ней никто не обращался. А тогда какой-то коротышка невзрачного вида и духовного, вроде, звания приходит и говорит: «Нет ли у вас какой-либо посылки на имя Уильяма Дента Питмана?» Или Бента Уильяма Питмана, не помню точно. Я говорю: «Не могу сказать с полной уверенностью, но вроде бы какой-то бочонок с таким адресатом был». Коротышка подошел к бочке, и похоже было, что онемел от изумления, когда увидел адрес, а потом начал орать на всех нас, что подсовываем ему совсем не то, чего он ожидает. «Откуда я, черт возьми, могу знать, что вы ожидаете, но если вы Уильям Бент Питман, то эта бочка ваша».

— И что, он ее забрал? — крикнул Моррис, затаив дыхание.

— Оказалось, уважаемый, что он ждал какую-то коробку или ящик. Ящик такой был, это я вам точно говорю, потому что большего сундука я в жизни не видел. Питман же этот пришел буквально в ярость, стал звать начальника, потом послали за извозчиком, который этот ящик доставлял по адресу. Но должен вам, господин хороший, сказать, — физиономия Билла расплылась в улыбке, — я такой пьяной рожи давно не встречал. Кроме лошадей, вся компания была в драбадан. Какие-то господа (единственно, что мы поняли) дали им на чаевые соверен, ну, отсюда и все неприятности.

— И что, все-таки, рассказал извозчик? — продолжал допытываться Моррис.

— Насколько мне известно, немного. Уверял только всех, что за кружку пива готов этого Питмана побить. Журнал с расписками получателей он потерял, а помощники его были столь же пьяны. Все напились, как... — Билл сделал паузу, подыскивая подходящее сравнение, — как лорды! Начальник их тут же всех уволил.

— Ну, ну, — облегченно вздохнул Моррис, — это еще куда ни шло. Извозчик так и не сумел сказать, куда отвез ящик?

— Двух слов не мог связать, — махнул рукой Билл.
— А что сделал... Питман? — осторожно спросил Моррис.
— Погрузил бочку и уехал, злой как черт. Неважно он выглядел.
— Так, значит, бочка пропала из виду, — сказал Моррис, обращаясь, скорее, к самому себе.

— Это точно, — согласился носильщик. — Но на всякий случай можете потолковать с начальником.

— Не стоит. Это уже не имеет значения. Там были просто образцы товара, — сказал Моррис и поспешно удалился.

Снова сидя в кэбе, Моррис начал анализировать ситуацию. Допустим, подумал он, что придется согласиться с неудачей и признать, что дядя Джозеф умер. Тогда он потеряет *тонтину*, а вместе с ней и последнюю надежду получить свои семь тысяч восемьсот фунтов. Но с того момента, как он заплатил шиллинг предыдущему кэбмену, он стал осознавать, что преступление — это вещь дорогостоящая, а с той минуты, когда потерял бочку, понял, что последствия нарушения закона не всегда можно предвидеть. Сначала спокойно, а потом все более увлекаясь, начал он подсчитывать преимущества, которые принесет ему отказ от продолжения всей этой истории. Без убытков, конечно, не обойдется; но, если серьезно задуматься, убытки будут не столь уж и велики; только *тонтина*, которая и так всегда была делом случая и на которую в глубине души он и не рассчитывал. Аргументы казались ему все более и более убедительными, он даже похвалил себя за то, что всегда имел чувство меры. Никогда он, если признаться, не верил, что *тонтина* достанется ему, даже, по правде говоря, никогда не был уверен, что удастся ему отыскать и свои семь тысяч восемьсот фунтов. Во всю эту аферу он впутался, возмущенный явной непорядочностью Майкла. Да, будет лучше, если он откажется от этого рискованного предприятия и займется своим кожевным бизнесом...

— О Боже! — воскликнул он, неожиданно вскакивая. — Я не только *тонтины* не получил, но вдобавок ко всему и торговлю кожами потерял.

Факт этот был ужасен, но сомнению не подлежал. Права подписи у него не было. Он не сможет получить в банке по чеку даже тридцати шиллингов, пока не представит заверенных документов, удостоверяющих кончину дяди. Сейчас он нищий без единого гроша, но, когда он такие документы представит, *тонтина* будет потеряна окончательно. Моррис незамедлительно принял решение: отбросить чертову *тонтину*, как раскаленную железку, и сосредоточить все усилия на том, чтобы спасти торговлю кожами и остатки прочего принадлежащего ему по закону

наследства. Решение пришло в мгновение ока, но уже в следующую минуту масштабы финансовой катастрофы предстали перед глазами во всей своей грандиозности. Объявить, что дядя Джозеф умер? Нет, не может он этого сделать. С той минуты, когда его труп исчез в неизвестном направлении, дядя Джозеф стал (с юридической точки зрения) бессмертным.

Пространство кэба было недостаточным, чтобы вместить Морриса со всей его скорбью. Он рассчитался с кучером и двинулся дальше пешком, не глядя, куда идет.

— Слишком поспешно принялся я за это дело, — констатировал он, печально вздыхая. — Слишком сложным оказалось оно для человека с моими умственными способностями.

Потом ему вспомнился один дядин совет: «Если хочешь какую-то проблему серьезно обдумать, изложи свои мысли на бумаге».

— Кое-что старикан все же соображал, — подумал Моррис. — Надо попробовать, может и найдется такая бумага, на которой удастся все это ясно изложить.

Он зашел в первую попавшуюся закусочную, приказал подать ему хлеба, сыру и письменный прибор. Сначала он долго сидел, с мрачным видом глядя на все это. Попробовал перо. Писало замечательно. Но что писать?

— А, знаю, — воскликнул Моррис. — Робинзон Крузо и его две колонки!

В соответствии с классическим образцом он взял лист бумаги и изобразил на нем следующее:

П л о х о
1. Потерял тело моего дяди.

Х о р о ш о
1. Но его нашел Питман

— Так, минуточку, — сказал себе Моррис, — это я какими-то антитезами мыслю. Начнем сначала:

П л о х о
1. Потерял труп моего дяди.

Х о р о ш о
1. Значит, хоронить его не надо.
2. Могу еще ее спасти, если Питман труп похоронит, а я найду медика, лишенного всякой щепетильности.

2. Пропала тонтина.
3. Утратил права на торговлю кожами и остальное дядино наследство.

2. Могу еще ее спасти, если Питман труп похоронит, а я найду медика, лишенного всякой щепетильности.
3. Нет, если Питман передаст труп полиции.

— Да, но в таком случае я сяду в тюрьму, об этом я забыл, — подумал Моррис. — Даже не знаю, стоит ли дальше развивать эту гипотезу. Легко сказать: надо рассчитывать на худшее, но в таком случае человеку необходимо сохранять полное спокойствие. Что касается третьего пункта, то существует ли вообще выход? Наверно, все же должен быть, иначе вся эта бухгалтерия ни к чему. Есть! Пропади я пропадом! Тот же самый выход, что и в пункте втором! — После чего он поспешно написал снова:

П л о х о
3. Утратил права на торговлю кожами и остальное дядино наследство.

Х о р о ш о
3. Не утрачу, если найду медика, лишенного всякой щепетильности.

— Этот продажный лекарь совершенно необходим, — размышлял Моррис. — Сначала он должен дать мне свидетельство, что дядя умер; так я восстановлю свои права на торговлю кожами. А потом он должен дать свидетельство, что дядя жив. Да, но тут снова приходим к противоречию.

После этого Моррис вернулся к заполнению своих колонок:

П л о х о

4. Сижу почти без гроша в кармане.

5. Это правда, но получить я их там не могу.

6. В кармане дяди Джозефа остался чек на восемьсот фунтов.

7. А если Питман окажется человеком порядочным, он узнает, кто такой дядя Джозеф, и сможет меня шантажировать.

8. Но я не могу шантажировать Майкла, пока у меня не будет твердой уверенности.

9. Мне вскоре понадобятся деньги на текущие расходы в магазине, а нет ни гроша.

10. Да, но это единственное судно, каким я располагаю.

11. Джон тоже скоро запросит денег, а у меня их нет.

12. Продажный врач захочет уплаты вперед.

Х о р о ш о

4. Но в банке денег много.

5. Но... увы, так оно и есть, факт бесспорный.

6. Но если Питман окажется человеком порядочным, он, найдя чек, предпочтет всю эту историю не разглашать.

7. Это так, но если мои предположения насчет дяди Мастермана правильны, то я смогу шантажировать Майкла.

8. Тем хуже!

9. Но этот кожевенный магазин просто тонущее судно.

10. Несомненный факт.

13. А если Питман окажется непорядочным и не подведет меня под арест, он же запро- сит огромных денег...

— Нет, вся эта система получается очень односторонней, — пришел к выводу Моррис. — Совсем не так уж она хороша, как мне представлялось. — Он смял листок и швырнул его на пол, но тут же поднял и разгладил. — Похоже, что финансы — это мой самый слабый пункт. Неужели нет никакой возможности раздобыть где-нибудь денег? В таком большом городе, где все блага цивилизации буквально под рукой, этого просто быть не может! Не надо слишком торопиться! Продать мне нечего? Коллекция сигнетов... — но при мысли о расставании с любимым сокровищем лицо Морриса залилось негодующим румянцем.

— Скорее сдохну! — воскликнул он, после чего надвинул шляпу и вышел на улицу.

Надо где-то достать денег, — колотилось в мозгу. — После смерти дяди деньги в банке принадлежат мне, да они и так были бы мои, если бы не та проклятая несправедливость, что преследует меня с детства, с той поры, когда я еще сиротой учился в торговом училище. Я знаю, что бы сделал другой на моем месте: опустил бы до подделки подписи, хотя еще неизвестно, можно ли называть это подделкой, если дядя Джозеф мертв, а деньги принадлежат мне. Как только подумаю, что дядин труп уже остыл, а я не могу этого доказать, так во мне все переворачивается от мысли: и за что мне такие напасти? Эти семь тысяч восьмьсот фунтов, что мне покою раньше не давали, сейчас таким пустяком кажутся. О Боже, еще позавчера я был вполне счастливым человеком!

Остановившись посреди тротуара, Моррис жалобно вздохнул.

И еще одна проблема. Смогу ли я? В смысле, сумею ли? Почему я в молодости не тренировался писать разными почерками? Повзрослев, человек всегда начинает сожалеть о многих упущенных возможностях. Одно утешение: с точки зрения морали мой поступок нельзя осудить. Я могу попробовать, и если попадусь, то по крайней мере совесть будет чиста. А если получится, но Питман будет упорствовать в своих притязаниях, не останется ничего иного, как связаться с малощепетильным врачом; в таком большом городе, как Лондон, это должно быть нетрудно. Я уверен, что от них тут отбою не будет. Хотя давать объявление в газету о

том, что ищу врача с нечистой совестью, наверно, неразумно. Надо просто поискать соответствующую вывеску над входом и... и... изложить проблему без всяких околичностей. Хотя дело, конечно, деликатное...

Долго еще бродил Моррис по улицам, наконец свернул на Джон-стрит и оказался возле своего дома.

— Даже дом этот мне не принадлежит, пока не докажу, что дядя умер, — буркнул он вслух и захлопнул за собой двери с такой силой, что стекла задрожали во всех окнах.

Давно уже сгустились сумерки, на бесконечной череде лондонских улиц засверкали огнями витрины магазинов. В холле же царила абсолютная темнота и — снова происки дьявола — Моррис споткнулся о Гераклов постамент и растянулся во весь рост. Боль была весьма ощутимой, нервы же напряжены до предела, и к тому же судьбе было угодно, чтобы прямо под рукой упавшего Морриса оказался молоток. В порыве ребяческого гнева он вскочил и со всего размаху врезал молотком по ненавистной статуе. Раздался страшный треск.

— О Боже! Что я опять натворил? — ужаснулся Моррис и начал в темноте искать свечу. — Так, так, — констатировал он, стоя с зажженной свечой в руках и разглядывая искаленную ногу гиганта, от которой откололось не менее фунта мускулатуры. — Повредил настоящую античную вещь, которая может стоить немалые тысячи! — Но в ту же минуту в нем зародилась некая мстительно-спасительная идея. — Надо все обмозговать, — подумал Моррис. — От Джулии я избавился. Никаких нитей, связывающих меня с этой скотиной Форсайтом не существует. Грузчики были пьяны и (что еще удачнее) всех их выгнали с работы. Вот еще одна возможность продемонстрировать свою силу духа! Если меня спросят, скажу, что я ни о чем не знаю.

Через минуту он уже снова стоял перед Гераклом со сжатыми губами, держа в руках лом, а под мышкой мясницкий топор. И затем набросился на остатки ящика, который уже был порядком покорежен стараниями Гидеона. Хватило нескольких точных ударов — и ящик рассыпался, образовав у ног Морриса сначала грудку досок, а сверху ворох соломы.

Только теперь наш торговец кожей смог в полной мере оценить масштабы предстоящей ему работы, и на какую-то минуту в нем зародилось сомнение. Воистину, вряд ли де Лессеп с армией своих рабочих и лошадей имел перед собой более трудную задачу, когда намеревался штурмовать панамские горы^[6], нежели этот худосочный парень, стоящий один на один перед упитанным великаном на постаменте. И тем не менее, они были достойными соперниками: с одной стороны громадная масса, с

другой — поистине богатырский азарт.

— Ты будешь повержен, подлый Голиаф, — громко воскликнул Моррис с воодушевлением, которое могло сравниться только с порывом, который бросил толпы парижан на стены Бастилии. — Ты будешь повержен еще до конца дня. Нет для тебя места в моем доме!

Азарт Морриса особенно подогревало активно не нравящееся ему выражение лица статуи, с этого лица он и начал битву. Существенной помехой оказался значительный рост греческого полубога, составлявший почти три метра без обуви, но уже в первые минуты сражения сознание стало превалировать над материей. С помощью библиотечной стремянки оскорбленный хозяин дома лишил противника указанного преимущества и приступил к отрубанию Ге-ракловой головы посредством мясницкого топора.

Спустя два часа от того, что при желании можно было принять за гигантское изображение шахтера-угольщика, каким-то образом отмытого добела, осталась только груда отдельных частей. Торс сорокалетнего мужчины, лежащий возле пьедестала, голова, откатившаяся к кухонной лестнице и сверкающая оттуда сладострастным взором, ноги, плечи, руки и даже отдельные пальцы, разбросанные тут и там по полу холла. Еще полчаса — и весь этот хлам был выметен в кухню, а Моррис с чувством полного триумфа оглядел поле битвы. Да, теперь он мог полностью отрицать, что когда-либо слышал о какой-то статуе — Геракл исчез бесследно. Вконец обессиленный Моррис с трудом добрался до кровати. Болели плечи и спина, и один пораненный палец постоянно тянулся к губам. Сон долго не мог снизойти к ложу нашего героя, бывшего в плачевном состоянии, и с первыми проблесками утра снова его покинул.

Как будто вступив в сговор со всеми прочими несчастьями, утро выдалось мрачное. По улицам гулял восточный ветер, струи дождя яростно колотили в стекла окон, а когда Моррис одевался, ощутимый сквознячок из камина гулял возле его ног.

Моррис не мог удержаться от грустного сочувствия самому себе — уж погода-то, видя все свалившиеся на него несчастья, могла бы быть и поласковей.

В доме не нашлось ни корочки хлеба, поскольку мисс Хезелтайн (как и все женщины, когда остаются одни) питалась исключительно пирожными. Моррис с трудом насобирав крошки, и они вместе со стаканом кристально чистой (как выражаются поэты) холодной воды составили некое подобие раннего завтрака. После этого наш герой бесстрашно приступил к делу.

Изучение особенностей почерка — занятие чрезвычайно увлекательное. Неискушенному наблюдателю может показаться, что подписи человека в зависимости от ситуации, в которой они сделаны, одна от другой отличаются. Перед завтраком человек подписывается не так, как после ужина. Подпись с похмелья выглядит иначе, чем она же, сделанная в состоянии опьянения. Беспокойство о заболевшем ребенке и известие о выигрыше на скачках тоже скажутся на подписи по-разному. Одно дело, когда ты расписываешься в бюро нотариуса, другое — когда в брачном контракте под влюбленным взглядом невесты. Но для эксперта-графолога, банковского служащего или художника-графика дело обстоит иначе. Для них чья-то подпись — вещь столь же определенная и легко распознаваемая, как для вахтенного матроса на корабле — Полярная звезда.

Моррису все это было известно. Теорию той области изобразительного искусства, которой он собирался заняться, наш деятельный торговец знал досконально. Однако подделка подписи все же есть дело практики. Вот и сидел Моррис в окружении произведенных им многочисленных вариантов подписи своего дяди, как доказательств своей бесталанности, и под наплывом грустных мыслей постепенно терял всякую надежду на успех. Временами ветер начинал завывать в камине за спиной, иногда над крышами Блумсбери проносился столь грозный шквал, что Моррису приходилось вставать и вновь зажигать газовую лампу. В оставленном жильцами доме хозяйничали холод и запустение: ковры с пола были убраны, на диване громоздилась кipa присланных счетов, накрытых грязной салфеткой, на столе — заржавевшие перья и покрытые пылью книги. Все это, однако, были только внешние свидетельства моррисовых неудач, настоящая же причина его безутешного расстройствa лежала перед ним в виде неудавшихся подделок.

— Это, пожалуй, одна из самых удивительных вещей на свете, с которыми мне приходилось сталкиваться, — жаловался он мысленно сам себе. — Похоже, что для этого дела нужен талант, которым я не обладаю. — Моррис еще раз внимательно пригляделся к изображенным им образцам. — Любой канцелярский клерк поднял бы меня на смех. Ну что ж, не остается ничего иного, как попросту скопировать подпись.

Моррис подождал, пока минует очередной шквал ветра и дождя и покажется хоть какой-то просвет в хмуром небе, дарящий подобие дневного света, после чего подошел к окну и на глазах всей Джон-стрит воспроизвел подпись дяди Джозефа. Даже самый нестрогий взгляд оценил бы плоды его усилий как весьма малозначительные.

— Лучше не сумею, — признался он сам себе, печально глядя на дело

рук своих. — Та к или иначе, он умер. — После чего Моррис заполнил чек на сумму тридцать фунтов и двинулся по направлению к Англо-Патагонскому банку.

Там, на месте, у окошечка, где обычно он улаживал свои финансовые дела, стремясь сохранять как можно более равнодушный вид, Моррис предъявил фальшивый чек кассиру, дюжему рыжебородому шотландцу. Шотландец посмотрел на чек, можно сказать, с некоторым изумлением, он долго вертел его в руках и даже какое-то время рассматривал подпись через увеличительное стекло, изумление же постепенно уступало место выражению явной неготовности немедленно обслужить клиента. Извинившись, кассир отправился куда-то в дальние закоулки банка, чтобы через продолжительное время вернуться, беседуя на ходу со своим непосредственным начальником, лысоватым господином весьма представительного вида.

— Я имею честь говорить с мистером Моррисом Финсбюри? — спросил вновь сей джентльмен, глядя на Морриса сквозь очки с двойными стеклами.

— Именно так, сэр, — ответил Моррис. — Что-нибудь не в порядке?

— Как вам сказать, мистер Финсбюри, мы, признаться, несколько удивлены... — сказал начальник, слегка помахивая чеком, — но указанная вами сумма не имеет покрытия.

— Не имеет покрытия? — воскликнул Моррис. — Как же так, мне досконально известно, что на счету должно быть две тысячи восемьсот фунтов ровным счетом.

— Две тысячи восемьсот шестьдесят четыре, если быть точным, — ответил представительный господин. — Но эта сумма была вчера полностью снята.

— Снята? — в изумлении закричал Моррис.

— Лично вашим дядей, — подтвердил собеседник. — И не только это. Мы также оплатили предъявленный им чек на сумму, дай Бог памяти... Сколько там значилось, мистер Белл?

— Восемьсот фунтов, мистер Джадкин, — ответил кассир.

— Дент Питман! — воскликнул Моррис, под которым чуть не подкосились ноги.

— Что вы говорите? — переспросил мистер Джадкин.

— Нет, ничего, это поговорка такая, — пролепетал несчастный Моррис.

— Надеюсь, что ничего плохого не случилось? — заботливо поинтересовался мистер Белл.

— Я единственно могу вас заверить, — заявил Моррис, — что ничего подобного произойти просто не могло. Мой дядя находится сейчас в Борнмуте и не встает с постели.

— Разве? — удивился мистер Белл, забирая чек у мистера Джадкина. — Но этот чек подписан в Лондоне и притом датирован сегодняшним числом.

— Ах, это случайно, по ошибке, — попытался оправдаться Моррис, хотя его лицо и шея залились яркой краской.

— Разумеется, разумеется, — согласился мистер Джадкин, внимательно, однако, приглядываясь к клиенту.

— И... и... — снова начал Моррис. — Если даже нет покрытия, то ведь речь идет об очень незначительной сумме... наша фирма... семья Финсбюри... может дать все необходимые гарантии, что столь небольшое превышение счета...

— Несомненно, мистер Финсбюри, — ответил мистер Джадкин, — если возникнет такая необходимость, мы примем это во внимание. Но мне не кажется, что... короче говоря, мистер Финсбюри, подпись на этом чеке не представляется мне очень четкой.

— Пустяки! — все больше нервничая, ответил Моррис. — Попрошу дядю, чтобы подписал заново. По правде говоря, — продолжил он, снова набравшись храбрости, — дядя так плохо себя чувствует, что был не в состоянии подписаться без посторонней помощи, отсюда и ваши сомнения.

Мистер Джадкин внимательно посмотрел в глаза Моррису, потом перевел взгляд на мистера Белла.

— Возможно, что мы стали жертвой мошенничества. Я прошу вас заверить мистера Финсбюри, что наши детективы сейчас же этим займутся. Что же касается вашего чека, то должен с сожалением заявить, что мы не можем счесть его, как бы это сказать... надлежаще оформленным документом.

Моррис механическим движением забрал чек. Он уже думал о чем-то другом.

— Это означает, — сказал он, — что мы понесли убытки, то есть мой дядя и я.

— Не обязательно, — возразил мистер Белл. — Банк несет ответственность, и либо мы найдем ваши деньги, либо их вам возместим. Вы можете на нас положиться.

Лицо у Морриса вытянулось, но в мозгу у него сверкнула новая искра надежды.

— Вот что, господа, — сказал он. — Оставьте это дело мне. Я сам им займусь. Кое-какие мысли на этот счет у меня есть, а кроме того, детективы недешево обходятся.

— Об этом не может быть и речи, — заявил мистер Джадкин. — Мы рискуем потерять две-три тысячи фунтов. Банк же в случае необходимости готов затратить гораздо больше. Непойманный мошенник — это постоянно действующая угроза. Мы выясним дело до конца, можете быть спокойны.

— В таком случае я беру все убытки на себя, — решительно заявил Моррис. — Категорически запрещаю вам проводить какие-либо расследования.

— Должен перед вами извиниться, но при всем к вам уважении решать такие проблемы с вами мы не можем. Вам придется согласовать это решение с вашим дядей. Если он придет к такому же выводу и либо сам тут появится, либо разрешит мне посетить его на больничном ложе...

— Это совершенно исключено! — воскликнул Моррис.

— Ну вот, вы сами видите, что руки у нас связаны. Нам придется немедленно подключить к этому делу полицию.

Моррис машинально сложил чек и спрятал его в карман.

— До свиданья, — сказал он и непонятно каким чудом нашел в себе силы достойно удалиться.

— Никак не пойму, что они такого подозревают, — размышлял Моррис. — И вообще все непонятно, все их поведение было каким-то странным. Впрочем, уже неважно: все кончено. Деньги со счета исчезли, полиция идет по следу; через два часа Питмана арестуют... и вся история с трупом появится в вечерних газетах.

Если бы Моррис мог слышать разговор, который происходил после его ухода в банке, он был бы не столь напуган возможными последствиями вмешательства полиции, хотя других поводов для беспокойства у него, наверно, прибавилось бы.

— Удивительное дело, мистер Белл, — сказал мистер Джадкин.

— Да уж, сэр, но мы, кажется, нагнали на него страху.

— Вряд ли мы еще когда-нибудь увидим мистера Финсбюри, — ответил начальник. — Это было первое ему предостережение. Наша фирма так давно вела с ними дела, что я предпочел поступить в данном случае как можно более снисходительно. Но вы уверены, что вчера никакой ошибки не произошло? Это был действительно мистер Финсбюри-старший?

— В этом нет никаких сомнений, — рассмеялся мистер Белл. — Он долго объяснял мне принципы банковского дела.

— Ну и ну, — изумился мистер Джадкин. — Если он появится еще раз,

пусть зайдет ко мне. Надо его предостеречь.

Глава седьмая

в которой Уильям Дент Питман обращается за юридической помощью

Норфолк-стрит — которую жильцы мистера Питмана в шутку называли островом Норфолк — не отличалась ни протяженностью, ни красотой, ни благоустроенностью. Случалось увидеть тут малопривлекательной внешности девиц, рассчитывающих на неожиданный профит в виде поставленной кем-то кружки пива или на то, что кто-то услышит издаваемый ими едва различимый амурный шепот. Дважды в день по улице проходил человек, скупающий бездомных кошек. Заглянувший сюда шарманщик быстро удалялся с разочарованным видом. В праздничные дни улица становилась ареной для проявления доблести местной молодежи, и жители ближайших домов имели возможность ознакомиться со всем арсеналом приемов защиты и нападения в современном рукопашном бою. В одном только отношении Норфолк-стрит могла предъявить свои претензии на звание приличной улицы: на ней не было никаких торговых заведений, если не считать одного — питейного, да и оно находилось уже у самой Кингс-роад.

На дверях дома под номером семь красовалась медная табличка с надписью «У. Д. Питман. Художник». И табличка была не вполне медной, и сам дом с первого взгляда не вызывал горячего желания в нем поселиться. Тем не менее, дом этот можно считать примечательным, по крайней мере, для читателя этой повести, ибо в нем, действительно, жил художник — художник в некотором смысле выдающийся, а именно в смысле сопутствующего ему невезения. Его творчеству не была посвящена ни одна статья в специальных иллюстрированных изданиях, никогда нигде не выставлялись на обозрение публики гравюры с названиями «Кот в гостиной» или «Камин в мастерской» (имеются в виду комнаты в доме номер семь), ни одна журналистка не поделилась с читателями своими впечатлениями от той «лишенной аффектации простоты», с которой принял ее мистер Питман в окружении своих шедевров. Я бы охотно исправил все эти упущения, но нас интересует в данном случае не столько сам дом, сколько его задворки.

Там был небольшой садик, украшенный бездействующим фонтанчиком с карликовой скульптурой, несколькими заляпанными грязью

цветочными вазами и двумя-тремя недавно посаженными деревцами, на которых приход весны не оставлял заметных следов. Были там еще две или три скульптуры, представляющие античных сатиров и нимф, притом в наихудшем из возможных стилей. С одной стороны садик ограничивали две мастерские, которые обычно арендовали другие жрецы изобразительного искусства, как правило, более успешные и современные, чем мистер Питман. С противоположной стороны возвышалась более капитального вида пристройка к дому с дверями, выходящими на газон перед входом, где и помещались продукты разносторонней творческой деятельности самого мистера Питмана. Правда, все дневное время он трудился на ниве просвещения в женской школе, но все вечера, которые затягивались иногда и до поздней ночи, принадлежали ему, и он проводил их над очередным «Пейзажем с водопадом», или «Бюстом в мраморе» (как он сам это скромно, но с гордостью называл) какой-либо выдающейся личности, или, если вообще снисходил до такой работы, над изваянием какой-нибудь обыкновенной нимфы (предназначенной для украшения газового светильника на лестничной площадке), либо над статуей «Самуила в детстве» по заказу совета попечителей какого-нибудь дошкольного учреждения. Мистер Питман обучался в Париже и даже в Риме, субсидированный одним любящим родственником, который впоследствии обанкротился ввиду падения спроса на дамские корсеты. И хотя никто не подозревал в нашем художнике наличия хоть малейшего следа таланта, было время, когда считалось, что соответствующим ремеслом он овладел. Но хватило восемнадцати лет так называемой практической деятельности, чтобы все излишние профессиональные знания испарились. Тщетно снимающие у него помещение художники пытались объяснить ему, что нельзя заниматься живописью при свете газовой лампы, также как и ваять нимфу в натуральную величину без натурщицы.

— Знаю я это все, — отвечал он. — На всей Норфолк-стрит никто не знает этого лучше меня. Если бы я был богат, то, конечно, приглашал бы лучших в Лондоне натурщиц, но я бедный человек и научился обходиться без них. К тому же случайные модели исказили бы мое внутреннее видение идеальной фигуры, что плохо отразилось бы на всем моем творчестве. А то, что картины пишу при искусственном освещении, то к этому методу я пришел по необходимости, поскольку днем занят преподаванием.

В ту минуту, когда мы готовы представить его нашим читателям, мистер Питман находился в своей мастерской при гаснущем свете сентябрьского дня. Сидел он в кресле (надо ли добавлять, что в естественной, не напозаказанной позе), а рядом лежала его черная шляпа. Это был

смуглолицый, невзрачный, безобидный, жалкий человечек, одетый во все темное: в сюртук, несколько более длинный, чем носят светские люди, с высоким закругленным по краям воротничком, с выцветшим шейным платком, повязанным самым незамысловатым образом. Подобная внешность могла бы характеризовать лицо духовного звания, если бы не остроконечная борода. Волосы на голове мистера Питмана поредели, а на висках поседели. Бедняга уже был немолод. Немалый же возраст, скромный доход и неудовлетворенность даже столь непритязательных творческих амбиций не способствуют жизнерадостности.

Перед мистером Питманом в углу комнаты, около дверей, стояла внушительных размеров бочка. Куда бы он ни отворачивал свой взгляд, бочка постоянно снова его притягивала, соответственно возвращались и те же самые мысли.

«Вскрыть ее или нет? Отослать обратно? Стоит ли сейчас же связаться с мистером Семитополисом?» — размышлял мистер Питман. — «Нет, — решил наконец, — не буду ничего предпринимать без совета мистера Финсбюри». Он поднялся и взял потертую кожаную папку, из которой достал лист бумаги кремового цвета. На таких листах он обычно писал докладные школьному начальству и записки родителям своих учениц. Папку он положил на подоконник, снял с камина чернильницу и составил письмо следующего содержания:

«Уважаемый мистер Финсбюри! Надеюсь, что не злоупотреблю Вашим расположением, если обращусь к Вам с просьбой нанести мне визит сегодня вечером. Дело, по которому мне необходимо получить Ваш совет, отнюдь не пустяковое. Достаточно сказать, что оно касается судьбы статуи Геракла мистера Семитополиса. Я пишу Вам, будучи крайне взволнован и обеспокоен тем, что, как следует из имеющихся у меня сведений, уникальное творение античного искусства пропало. Также меня гнетет и другая странная загадка, в некотором смысле связанная с предыдущей. Прошу простить меня за не слишком разборчивый почерк и принять мои уверения в неизменном глубоком уважении. Дело срочное. Уильям Д. Питман.»

Через некоторое время, имея на руках это письмо, Питман уже звонил в двери дома номер 233 на Кингс-роад — частной резиденции мистера Майкла Финсбюри. С адвокатом он познакомился на каком-то массовом

общественном мероприятии в Челси. Майкл был общителен, обладал чувством юмора и поддержать знакомство не отказался, а поскольку оно оказалось для него забавным, то со временем переросло в своеобразную дружбу, или, точнее, приятельские отношения, оттеняемые легким чувством превосходства со стороны Майкла. В настоящее время, спустя четыре года после первого знакомства, Питман крутился возле адвоката, как собака вокруг хозяина.

— Мистера Майкла еще нет, — сказала пожилая экономка, которая открыла Питману дверь. — А вы очень неважно выглядите, мистер Питман, — добавила она. — Может быть, зайдете на рюмочку шерри, это поднимет вам настроение.

— Премного вам благодарен, — ответил художник. — Вы очень любезны, но, право, я не в том настроении, чтобы принять приглашение. Попрошу только передать мистеру Финсбюри это письмо и сказать, что если он согласится посетить меня, то пусть заходит через заднюю дверь, со стороны сада; я весь вечер буду в мастерской.

После этого мистер Питман медленным шагом направился домой. Взгляд его на некоторое время задержался на витрине парикмахерской, где с гордым видом красовалась представительная восковая дама в вечернем платье. Он остановился и долго смотрел на манекен в глубокой задумчивости. Несмотря на занимавшие его невеселые мысли, в нем проснулся художник.

«Легко насмеяться над людьми, которые создают такие вещи, — подумалось ему, — но в этом есть нечто возвышенное, нечто трудно определяемое. Именно то, что я старался выразить в моей “Императрице Евгении”». И мистер Питман вздохнул.

Продолжив путь к дому, он все еще размышлял о высоких материях. «Этому в Париже не учат. Это чисто английский взгляд на вещи. Все! Хватит! До сих пор я был словно во сне, пора проснуться, надо стремиться выше, ставить высокие цели», — убеждал сам себя наш преданный служитель искусства. Все послеобеденное время и позднее, когда давал своему старшему сыну урок игры на скрипке, он, забыв о недавних неприятностях, уносился мыслями в страну прекрасного. И как только представилась возможность, с истинным вдохновением поспешил в мастерскую.

Даже вид злосчастной бочки не вверг его в прежнее угнетенное состояние. С огромным энтузиазмом принялся Питман за прерванную работу — бюст сэра Гладстона, который он лепил по фотографии. Преодолев (с неожиданным успехом) трудности, связанные с приданием

желаемой формы затылку (относительно которой фотография никакой информации не давала, а имелись только смутные воспоминания, сохранившиеся после какого-то публичного собрания), он с нескрываемым удовлетворением взирал на то, как ему удался воротничок выдающегося государственного мужа, и только стук в двери вернул его к текущим проблемам.

— Что случилось? — спросил Майкл, подходя к камину, в котором мистер Питман, памятуя о том, как любит тепло его гость, заранее развел огонь. — У меня сложилось впечатление, что у вас какие-то неприятности.

— Ваши слова не передают всей сложности ситуации, — ответил художник. — Статуя мистера Семитополиса не была доставлена по адресу, и подозреваю, что мне придется возместить ее стоимость. Но меня беспокоит даже не это. Я, мистер Финсбюри, опасаясь куда более страшной вещи — разоблачения. Геракла должны были переправить контрабандой из Италии, а это деяние безусловно предосудительное, и человек с моими принципами и с моим положением ни в коем случае не должен был быть к этому причастным. К сожалению, я осознал это слишком поздно.

— Да, дело, действительно, выглядит серьезно, — заявил адвокат, — а значит, потребуется серьезная доза алкоголя.

— Я позволил себе... короче говоря, я позволил себе подготовиться к вашему визиту, — ответил художник, показывая на графин с содовой, бутылку джина, вазочку с лимоном и бокалы.

Майкл приготовил себе выпивку и угостил художника сигарой.

— О нет, благодарю вас, — услышал он в ответ, — когда-то я испытывал слабость к сигарам, но после них долго не выветривается запах из одежды.

— Не страшно, — заметил адвокат. — Мне это не мешает получать удовольствие. Прошу вас, выкладывайте вашу историю.

Питман изложил все, что с ним приключилось, со всеми подробностями. Приехал он сегодня на вокзал Ватерлоо, рассчитывая получить огромного Геракла, а получил вместо этого бочку, в которой не поместился бы даже «Дискобол». Однако же адрес на бочке был написан рукой его римского корреспондента (чей почерк ему был доподлинно знаком). Вещь тем более удивительная, что тем же поездом был прислан ящик достаточно большой и тяжелый, чтобы в нем мог находиться Геракл. Но ящик этот был отправлен по неустановленному адресу.

— Извозчик, как ни печально об этом вспоминать, успел выпить, — продолжал мистер Питман, — и изъяснялся словами, которые я не решаюсь

вам повторить. Он тут же был выгнан с работы начальником станции, который единственный вел себя все время вполне вежливо и рассудительно. Он обещал навести справки в Саутгемптоне. Но мне-то что было делать? Я оставил свой адрес, забрал бочку домой, и помня об известной формуле, я решил, что вскрою ее только в присутствии адвоката.

— И это все? — спросил Майкл. — Не вижу никаких поводов для беспокойства. Геракл застрял где-то по дороге, его привезут завтра или послезавтра. А что касается бочки, то можете быть спокойны, это наверняка знак благодарности от одной из ваших учениц, и в ней не что иное, как устрицы.

— О, прошу вас, не так громко! — попросил художник. — Меня уволят с работы, если кто-то услышит, как неуважительно мы тут вспоминаем наших достойных воспитанниц, а кроме того, устрицы из Италии? И почему адресованы мне рукой мистера Рикарди?

— Ладно, пора на нее взглянуть, — согласился Майкл. — Подтащите ее поближе к свету.

Они вдвоем выкантовали бочку из угла и уместили перед камином.

— Судя по весу, там вполне могут быть устрицы, — рассудительно заметил Майкл.

— Что, прямо сейчас и вскроем? — спросил художник, которому общество приятеля и джин значительно улучшили настроение. И не дожидаясь ответа, начал раздеваться, как перед борцовской схваткой. Он швырнул свой пасторский воротничок в корзину для бумаг, пасторский же сюртук повесил на гвоздь и, взяв в одну руку долото, а в другую молоток, нанес первый удар.

— Великолепно, мой дорогой Уильям, — похвалил адвокат. — Вот это темперамент! Послушайте, а может это романтический визит одной из ваших воспитанниц? В стиле Клеопатры, а? Будьте осторожны и не сделайте дырку в голове у Клеопатры.

Но порыв Питмана был заразителен. Адвокат не в силах был усидеть спокойно. Он выбросил сигару в огонь, вырвал инструменты из рук сопротивляющегося художника и принялся за дело. Немного времени понадобилось, чтобы на его благородном лбу засверкали капельки пота, а элегантные брюки покрылись ржавой пылью. Состояние же долота свидетельствовало о не слишком высокой эффективности действий.

Вскрытие закупоренной бочки — занятие непростое даже если подходить к нему с надлежащей сноровкой. При неумелом же подходе вся конструкция может рассыпаться на части. Но именно на это и были направлены все усилия как художника, так и адвоката. Наконец, был

сброшен последний обруч. Еще несколько смачных ударов, и клепки посыпались на пол, а то, что недавно было вполне исправной бочкой, превратилось в грудку беспорядочно валяющихся досок.

Какая-то мрачная, укутанная в одеяла фигура оставалась несколько мгновений в стоячем положении, затем наклонилась вбок и с глухим стуком свалилась на пол перед камином. Тут же на полу оказался чей-то монокль, который покатился в сторону испуганно вопящего Питмана.

— Заткните пасть! — грубо распорядился Майкл, после чего подскочил к двери и запер ее на ключ. С побледневшим лицом, плотно сжав губы, он подошел ближе, поднял край одеяла и отпрянул, содрогнувшись.

Наступившая в мастерской тишина несколько затянулась.

— Скажите мне честно, — проговорил, наконец, тихим голосом Майкл, показывая на труп. — Вы имеете к этому какое-нибудь отношение?

Художник же смог извлечь из себя только одиночные неразборчивые звуки.

— Выпейте, — приказал ему адвокат, протягивая бокал с джином. — Меня вы можете не бояться. Я все-таки ваш друг, и в беде вас не брошу.

Питман отставил бокал нетронутым.

— Бог свидетель, — пролепетал он, — что для меня это еще одна тайна. В самом страшном сне мне такое не снилось. Я и мухи бы не смог обидеть.

— Слава Богу, — сказал адвокат, вздохнув с облегчением. — Я вам верю, приятель, — добавил, пожимая художнику руку. — А то ведь я было в какой-то момент, — продолжал он с мрачной усмешкой, — я было подумал, уж не избавились ли вы от Семитополиса.

— Если бы даже так и было, какая разница, — причитал Питман. — Для меня все кончено. Я чувствую, что конец уже близок.

— Прежде всего, — заявил Майкл, — нужно избавиться от покойника; откровенно говоря, мне очень не нравится, как он выглядит. — Адвокат почувствовал, как по коже пробежали мурашки. — Куда его можно оттащить?

— Можете спрятать его вон в том шкафу, — пробормотал Питман, — если только решитесь до него дотронуться.

— Кто-то должен решиться, — ответил Майкл, — и похоже на то, что эта роль выпадает мне. Отойдите в тот конец комнаты, повернитесь ко мне спиной и налейте мне джину. Полагаю, это будет справедливое разделение труда.

Через минуту раздался стук закрываемой двери шкафа.

— Все в порядке, — объявил Майкл. — Так гораздо приятнее. Вы

можете уже обернуться, мой бледный Питман. А где мой грог? Да разрази вас гром, это же лимонад!

— Прошу прощения, мистер Финсбюри, но что мы будем делать дальше? — не унимался Питман, хватая адвоката за рукав.

— Дальше? — повторил Майкл. — Дальше мы его похороним под одной из клумб в вашем саду и водрузим одну из ваших скульптур в качестве надгробия. Вы только представьте, как чертовски романтично будем мы выглядеть, совершая ритуал погребения при бледном свете луны. Плесните мне еще немного джину.

— Умоляю вас, мистер Финсбюри, не надо смеяться над моими несчастьями, — взмолился Питман. — Перед вами человек, который всю свою жизнь, не побоюсь этих слов, вел себя в высшей степени примерно. Даже в этот грозный для меня час могу поклясться в этом не краснея. Ну, за исключением этой мелкой истории с Гераклом, но и в ней я сейчас раскаиваюсь. Мне нечего скрывать, и поэтому я никогда не боялся общественного мнения, а теперь... теперь...

— Выше голову, мой дорогой, уверяю вас, что в нашей конторе подобные щекотливые проблемы считаются сущими пустяками. С каждым может случиться, и если вы на самом деле к этому руку не приложили...

— Какие слова я должен найти... — начал Питман.

— Ладно, этим я займусь сам, у вас в таких делах нет опыта. Вопрос, однако, вот в чем: если — а скорее всего так и есть — эта спрятавшаяся в шкафу личность не приходится вам ни сватом, ни братом, ни вашим должником и ни свекром, а также ни, как это говорится, оскобленным вами мужем...

— Но мистер Финсбюри!.. — прервал его пораженный Питман.

— Поскольку, проще говоря, ничто не говорит о том, чтобы это преступление отвечало каким-либо вашим интересам, дело становится абсолютно простым и ясным, мы ничем не рискуем. По сути дела, вся эта история даже немного забавна. Как-то мне уже приходилось ломать голову над подобной проблемой, но по другому поводу. А теперь вот налицо конкретный случай. Я вас из этой беды вытащу, можете не беспокоиться. Сказал вытащу, значит, вытащу. Но пора подумать, что же дальше. Давно я уже толком не был в так называемом отпуске. Завтра я извещу об этом служащих в своем офисе. Нам надо спешить, — добавил он многозначительно, — чтобы не дать шансов другой стороне.

— О чем вы говорите? — спросил Питман. — Какая другая сторона? Инспектор полиции?

— К черту полицию! Если вам не нравится мое, самое, кстати, простое

предложение похоронить покойничка в своем саду, то нам придется найти кого-то, кто сделает это вместо нас. Короче говоря, нам нужно найти человека, который обладал бы меньшей, чем мы, щепетильностью и большей сообразительностью.

— Может, частный детектив? — робко предложил Питман.

— Дорогой мой Питман, временами я умиляюсь, слушая вас, — заметил адвокат. — Кстати, — продолжил он совершенно другим тоном, — мне всегда казалось, что в этой вашей дыре, простите, в вашей творческой мастерской нехватает рояля. Он должен тут быть. Даже если вы сам не играете, ваши многочисленные собраты по искусству могли бы развлечь себя музыкой, пока вы тут э-э... долбите.

— Я могу вам что-нибудь сыграть, если желаете, — услужливо предложил Питман. — Я немного играю на скрипке.

— Я знаю, что вы играете на скрипке, — ответил Майкл. — Но какой толк от скрипки? Особенно, когда на ней играют так, как вы. К нашему случаю подошла бы более полифоническая музыка. Я вам вот что скажу: раз уж вам не успеть купить рояль, я подарю вам свой.

— Благодарю вас, — пролепетал сбитый с толку художник. — Вы хотите отдать мне свой рояль? Это очень любезно с вашей стороны.

— Да, я отдам вам свой рояль, — продолжил Майкл, — для того, чтобы на нем мог поупражняться инспектор полиции, когда его сотрудники будут раскапывать ваш огород.

Питман посмотрел на адвоката с выражением болезненного сочувствия.

— Нет, я не сошел с ума, — покачал головой Майкл. — К сожалению, я говорю исключительно по делу. Поймите, наконец, о чем речь, прошу слушать меня очень внимательно хотя бы с полминуты. Я хочу воспользоваться тем обстоятельством, что мы оба на самом деле и без всяких сомнений невиновны, нас ничто с преступлением не связывает, кроме... вот этого. Если мы от этого избавимся, неважно как, все следы, связывающие нас с этим, исчезнут. Итак, я дарю вам свой рояль; мы привезем его сюда еще сегодня вечером. Завтра мы очистим все его внутренности, поместим там... нашего приятеля, погрузим рояль на извозчика и отошлем на квартиру одного моего знакомого, которого я знаю, правда, чисто внешне.

— Кого вы знаете чисто внешне?

— Более того, — не дал себя прервать Майкл, — расположение комнат в квартире которого я знаю лучше его самого. Раньше эту квартиру занимал другой мой приятель, который сейчас находится в Демирджи^[7], и скорее

всего, в тюрьме. Когда-то я защищал его в суде и притом успешно, удалось спасти все, кроме чести. А поскольку никаких других финансовых возможностей у него не было, то он отдал мне всю свою добычу, а вдобавок ключи от квартиры. Именно там я намереваюсь оставить наш рояль с... ну... назовем это с Клеопатрой внутри.

— Ваш замысел кажется мне очень специфическим, — осторожно заметил Питман. — А что будет с этим бедным молодым джентльменом, с которым вы лишь внешне знакомы?

— Ему это только пойдет на пользу, — заявил снисходительно Майкл. — Ему давно, по-моему, не хватало чего-то подобного для встряски.

— Но его же могут обвинить в убийстве!

— Ну что ж, он окажется точно в такой же ситуации, в какой находимся мы сейчас, — рассудил адвокат. — Поймите же вы, наконец: он тоже невиновен, а людей, мой дорогой, как правило, вешают в результате того неприятного стечения обстоятельств, когда они оказываются-таки виновными.

— И все-таки, — старался переубедить своего собеседника Питман, — весь этот план представляется мне немного странным. Не проще ли будет вызвать полицию?

— И вызвать этим скандал? — спросил Майкл. — «Таинственное происшествие в Челси. Питман, возможно, невиновен». Как это воспримут в вашей школе?

— Уволят немедленно, — признал учитель рисования. — Можно не сомневаться.

— А кроме того, у меня нет никакого желания заниматься подобным делом, если я не могу заодно как следует развлечься за свои деньги.

— Но, дорогой мой друг, для вас это развлечение? — воскликнул Питман.

— Я просто хотел немного поправить вам настроение, — ответил, несколько не смущаясь, адвокат. — В такой ситуации не помешает немного разумного легкомыслия. Впрочем, напрасно мы тут дискутируем. Если вам все же угодно внять моим советам, то вперед, едем тотчас же за роялем. Если нет, то прошу мне об этом откровенно сказать, и тогда вы сами будете улаживать это дело так, как сочтете правильным.

— Вы же знаете, что я привык полагаться на вас всегда и полностью, — ответил Питман. — О Боже, что же это будет за ночь, когда тут, в мастерской такой кошмарный... э-э... предмет. Я глаз не смогу

сомкнуть.

— Но тут же будет еще и мой рояль; это как-то уравновесит ситуацию.

Часом позже к дому Питмана подъехал фургон, и крупногабаритный концертный инструмент был занесен в его мастерскую.

Глава восьмая

в которой Майкл Финсбюри приятно проводит отпуск

Ровно в восемь утра (как и было условлено) адвокат постучал в двери мастерской мистера Питмана. Художник выглядел совсем плохо, гораздо хуже, чем днем ранее. Седины прибавилось, глаза еще больше покраснели, а щеки побледнели. Во всем поведении чувствовалась нервозность, а блуждающий по комнате дикий взгляд неумолимо притягивала дверца шкафа. Но, надо сказать, и внешний вид приятеля немало удивил учителя рисования. Обычно Майкл был одет по последней моде с изяществом преуспевающего дельца, и вкус его можно было бы счесть безупречным, хотя по высшим светским меркам он больше подходил для гостя на купеческой свадьбе. Сегодня же адвокат спустился с этих вершин элегантности. На нем была клетчатая фланелевая рубаша, твидовый костюм цвета, который на портновском жаргоне именуется «вересковым», а на шее был небрежно завязан морским узлом темный платок. Все это великолепие было скрыто под рыжего цвета плащом, на ногах — крепкие туристские ботинки, а сверху красовалась мягкая фетровая шляпа, которую он и снял в размашистом приветствии при входе в мастерскую.

— А вот и я, уважаемый Уильям Дент! — воскликнул Майкл, достал из карманов две полоски рыжеватых волос, приложил их к щекам, как бакенбарды, и исполнил по мастерской несколько балетных па.

Питман жалобно улыбнулся.

— Я бы ни за что вас не узнал.

— Именно этого я и добивался, — ответил Майкл, пряча «бакенбарды» в карман. — А теперь нам предстоит сменить и ваш гардероб, причем полностью, с ног до головы.

— Мне? Переодеваться? Вы думаете уже дошло до этого?

— Дорогой мой, — ответил его приятель, — переодевание добавляет жизни свежих ощущений. Чем была бы жизнь, как сказал со знанием дела великий французский философ, без радостей переодевания? Признаюсь, что не всегда это выглядит слишком изящно, но бывает, что выбирать не приходится, не правда ли, уважаемый профессор рисования? Что делать, нам нужно будет ввести в заблуждение множество людей и прежде всего, мистера Гидеона Форсайта, молодого джентльмена, с которым я знаком

лишь внешне, в том случае, если он будет столь плохо воспитан, что окажется дома в неподходящий момент.

— Если он окажется дома? — испуганно повторил художник. — Но это же будет катастрофа!

— Это не будет иметь никакого значения, — легкомысленно заявил Майкл. — Давайте обследуем ваш гардероб, и я в мгновение ока превращу вас в совершенно нового человека.

В спальне, куда, привел его Питман, развеселившийся адвокат подверг тщательной ревизии убогий гардероб приятеля. Из всего предложенного он остановил свой выбор на короткой куртке из альпака^[8], добавил к ней пару летних брюк, неизвестно почему показавшихся ему подходящими. Затем он с указанным комплектом в руках критически посмотрел на самого художника.

— Не нравится мне этот ваш пасторский воротничок, — изрек он. — Нет ли у вас чего-нибудь другого?

После минутного размышления лицо профессора рисования прояснилось.

— Есть несколько рубашек с мягкими воротничками, которые я носил в Париже еще студентом. Правда, они немного ярковаты...

— То, что нужно, воскликнул обрадованный Майкл. — Вы будете абсолютно кошмарно выглядеть! А-а, вот еще гамаши, — добавил он, доставая из шкафа пару изрядно потрепанных гетр. — Гамаши обязательно! Быстренько надевайте все это, а потом встаньте на улице под окном мастерской и свисните мне где-то минут через сорок. Потом будете меня сопровождать в нашем славном походе.

Отдав указания, Майкл вернулся в мастерскую. В это утро дул сильный восточный ветер. Между статуями в саду крутились легкие вихри, по окошечку в потолке мастерской барабанил дождь. Примерно в то же самое время, когда Моррис вырисовывал сотую версию дядиной подписи, Майкл приступил к выламыванию внутренностей из рояля.

Когда через три четверти часа Питман снова зашел в мастерскую, двери пустого шкафа были распахнуты, а крышка рояля старательно закрыта.

— Ужасно тяжелый этот инструмент, — пожаловался Майкл, после чего занялся нарядом своего спутника.

— Вот что, вам надо сбрить бороду! — заявил он.

— Мою бороду?! — в ужасе вскрикнул Питман. — Я никак не могу ее сбрить. Вообще мне нельзя менять свою внешность. Школьное начальство этого не одобрит. У них очень строгие взгляды на то, как должен выглядеть

преподаватель колледжа; наши молодые воспитанницы так романтичны. Моя борода произвела на них большое впечатление, — добавил он смущенно, — говорили, что она мне не идет.

— Ничего, отрастите потом новую, — ответил адвокат. — Зато без бороды вы будете выглядеть столь отвратительно, что вам будут подавать милостыню.

— Но я же не хочу выглядеть отвратительно.

— Что вы упираетесь, как осел, — Майкл вообще не переносил бород и был рад случаю изничтожить хоть одну. — Давайте, давайте, пора уже в путь.

— Ну, раз уж вы настаиваете, — вздохнул Питман, после чего принес стакан теплой воды, а затем, установив его на треноге из-под мольберта, сначала остриг бороду ножницами, а потом выбрил подбородок. Поглядев на результат, он вынужден был признать, что последние надежды на то, чтобы выглядеть, как настоящий мужчина, пошли прахом. Зато Майкл был доволен чрезвычайно.

— Ей Богу, совсем другой человек. Когда я вам дам еще очки с толстыми стеклами, которые у меня в кармане, вас будет не отличить от французского коммивояжера.

Питман ничего не отвечал, продолжая с безутешным видом изучать свое отражение в зеркале.

Майкл между тем продолжал:

— А вы знаете, что однажды сказал губернатор штата Северная Каролина губернатору Южной Каролины? «Что-то давно мы ничего не пили», — заявил этот глубокий мыслитель, и если вы заглянете в верхний карман моего пальто, найдете там бутылку бренди. Спасибо, мистер Питман, — поблагодарил он, наполняя бокалы.

Художник потянулся к графину с водой, но Майкл его остановил.

— Ни в коем случае, хоть на коленях умоляйте. Это же самое лучший бренди во всей Великобритании.

Питман пригубил напиток и со вздохом отставил бокал в сторону.

— Должен вам заметить, что для отпуска вы наихудший компаньон! — воскликнул Майкл. — Раз вы ничего не понимаете в бренди, то больше вы его и не получите. Ну, а пока я управлюсь с бутылкой, можете заняться делом. Сейчас мне кажется, что я совершил серьезную ошибку. Вы должны были заказать фургон для перевозки еще до того, как переоделись. Нет, Питман, от вас никакого толку. Почему вы мне об этом не напомнили?

— Я не знал даже, что надо заказать фургон, — оправдывался художник. — Но я могу пока снять этот наряд.

— Да, но с возвращением на место бороды могут возникнуть определенные трудности. Нет, это была явная оплошность, и люди за подобные ошибки часто расплачиваются головой, — продолжал адвокат, ничуть не утратив прекрасного настроения и потягивая бренди, — но теперь уж этого не исправишь. Давайте за грузчиками. Пусть они отвезут рояль на станцию Виктория, оттуда служба перевозок доставит его на Кэннон-стрит, и там он будет ждать, пока за ним обратится мистер Форчун де Буазгоби.

— А это не слишком странное имя? — Питман всю старался принять посильное участие в обсуждении деталей операции.

— Слишком странное?! Черт возьми, а ведь верно, нас обоих это могло бы довести до виселицы! Пожалуй, Браун — это и проще, и безопаснее. Так что пусть будет Браун.

— Вы могли бы не так часто вспоминать про виселицу? — взмолился Питман.

— Хорошо, если дело ограничится только моими упоминаниями, мой дорогой! А теперь шляпу в руки и в путь. И не забывайте за все платить вперед.

Оставшись в одиночестве, адвокат поначалу все свое внимание уделил бренди. Настроение у него, и так с утра неплохое, улучшилось еще больше. Наконец он встал перед зеркалом и начал примерять на себя бакенбарды. «Чертовски пышные, — отметил, приглядевшись к своему отражению, — выгляжу, как помощник кассира на пароходе». Тут он вспомнил об очках в грубой оправе, которые намеревался дать Питману. Надел их и не мог налюбоваться на себя в зеркале. «Вот чего мне не хватало! Интересно, кого я теперь напоминаю? Пожалуй, писателя-юмориста...» — после чего стал упражняться, изображая разные типы походки. «Писателю-юмористу подойдет такая походка, но к ней нужен еще и зонтик. А вот походка матроса. А вот колониста из Австралии, решившего навестить родину предков. А так ходит полковник, командовавший сипаями в Индии, раз-два, раз-два». И как раз когда он мерил мастерскую шагами полковника из Индии (идея отличная, но не очень подходящая к характеру грима), взгляд его остановился на рояле. Инструмент закрывался двумя замками, один для верхней крышки, другой — для клавиатуры. Ключик от последнего куда-то задевался, Майкл открыл крышку и пробежал пальцами по немым клавишам.

— Отличный инструмент, — сказал он вслух сам себе, — глубокий, красивый звук, — и придвинул к себе кресло.

Когда мистер Питман вернулся в мастерскую, он застал своего друга,

советника и философа сидящим за роялем и виртуозно исполняющим на немом инструменте какую-то сложную партитуру.

— Батюшки! Напился! — испугался художник и громко окликнул: — Мистер Финсбюри!

Майкл, не вставая с кресла, повернул к нему свое слегка порозовевшее лицо, окаймленное рыжими бакенбардами и украшенное очками.

— «Каприс h-moll на отъезд приятеля», — заметил адвокат, не прерывая своего занятия.

Сердце мистера Питмана переполнилось возмущением.

— Это должны быть мои очки! — заявил он. — Они необходимая часть моего туалета.

— Я решил надеть их сам, — ответил Майкл и добавил вполне резонно: — Если мы оба будем в очках, это будет чертовски подозрительно.

— Жаль, — вздохнул Питман, — я так на них рассчитывал, но раз уж вы настаиваете...

Когда нанятые грузчики выносили инструмент, Майкл сидел в шкафу среди остатков бочки и фортепьянных внутренностей. Как только путь освободился, приятели проворно выбрались на улицу, на Кингсроад вскочили на извозчика и двинулись в центр города. Все еще было холодно, мокро, порывистый ветер хлестал их прямо по лицу, но Майкл не разрешал прикрыть окна в кабине экипажа. Неожиданно он превратился в экскурсовода, знакомящего приезжего гостя с достопримечательностями Лондона.

— Я вижу, сэр, что вы совсем не знаете своего родного города. А может, мы посетим Тауэр? Нет? Ну да, в общем-то это не по дороге. А, вот, — и попросил кэбмена — объедьте, пожалуйста, вокруг Трафальгарсквер! — потом он пожелал сделать остановку в этом историческом месте, отпустил ряд критических замечаний относительно памятников и познакомил художника с некоторыми подробностями (тому ранее совершенно неизвестными) из жизни некоторых известных личностей, которым эти памятники были установлены.

Трудно описать словами те муки, которые испытывал Питман во время поездки. Холод, дождь, непроходящий страх, смутное недоверие к своему предводителю, постоянное ощущение, что он выглядит неприлично в рубашке с мягким воротничком и, наконец, полное падение в собственных глазах в связи с утратой бороды — все это являлось для него ужасной пыткой. Он очень обрадовался, когда они кружными путями доехали в конце концов до какого-то ресторанчика. Еще большее облегчение для него наступило, когда он услышал, что Майкл заказывает отдельный кабинет.

Когда говорящий на непонятном языке иностранец вел их с Майклом по лестнице, Питман с удовлетворением отметил, что народу в заведении немного, и уж совсем здорово было то, что в большинстве своем это были эмигранты-французы. Какое счастье, что никто из них не имел никаких связей с колледжем, где он преподавал, надо думать, что даже их преподаватель французского, хоть и был, несомненно, презренным католиком-папистом, и то вряд ли бы опустил до посещения столь развратного места.

Иностранец привел их в маленькую пустую комнату, всю меблировку которой составляли стол и диванчики. В камине мерцал слабый огонь. Майкл тут же распорядился подбросить угля и подать бренди и содовую.

— Но мистер Финсбюри! — воскликнул Питман. — Ведь мы же не будем больше пить!

— Я не знаю, что собираетесь делать вы, — пожал плечами Моррис, — но ведь что-то же делать надо, а курить перед едой вредно. Это всем известно. Вы, я вижу, вообще не имеете понятия о здоровом образе жизни. — После этого он сверил свои часы с часами, стоящими на камине.

Питман снова погрузился в мрачные размышления. Как случилось, что он оказался смешно остриженный, в дурацком наряде, в обществе пьяного человека в очках в донельзя заграничном заведении и ожидает, когда подадут обед с шампанским? Что подумало бы о нем школьное начальство? А если бы они к тому же узнали обо всех его мошеннических проделках со столь трагическими последствиями?

Из задумчивости его вывело появление иностранца с бренди и содовой. Майкл взял одну рюмку, а другую распорядился дать приятелю.

Питман движением руки выразил свой отказ.

— Позвольте мне сохранить хоть немного ясности в голове.

— Чего не сделаешь для друга. Но я не привык пить один. Прошу вас, — обратился Майкл к кельнеру, — выпейте со мной. — После чего, чокнувшись с кельнером, провозгласил: — За здоровье мистера Гидеона Форсайта!

— Митра Гидеона Форсита, — повторил за ним официант и одним глотком опрокинул рюмку.

— Еще одну, — предложил Майкл с нескрываемой заинтересованностью. — Мне еще не приходилось видеть человека, который бы проделывал это быстрее вас. Это возвращает мне веру в людей.

Официант, однако, вежливо отказался, сославшись на то, что ему нужно вернуться к работе, и вместе с помощником, стоявшим у дверей кабинета, принялся подавать обед.

Майкл ел со вкусом, запивая все поглощаемое превосходным отборным шампанским Хейдсека. Художник же был слишком не в себе, чтобы быть в состоянии что-то проглотить, а его спутник отказывался делиться с ним шампанским именно потому, что тот не ел.

— Одному из нас следует быть трезвым, — рассудил адвокат, — потому вы не получите шампанского даже к ножке куропатки. Нужно соблюдать осторожность, — и добавил, — один пьяный — это прекрасно, два пьяных — катастрофа.

Когда подали кофе и официант удалился, Майкл попытался придать лицу серьезное выражение. Он посмотрел приятелю в глаза (один его глаз при этом слегка косил) и обратился к нему с речью не вполне разборчивой, но зато весьма строгой.

— Шутки в сторону, — заявил он, переходя прямо к делу. — Поговорим серьезно. Слушайте меня внимательно. Я австралиец и зовут меня Джон Диксон, пусть моя скромная внешность не вводит вас в заблуждение. Зато вам будет приятно слышать, что я богат, ужасно богат. В таких делах, Питман, надо быть очень точным, весь секрет в том, чтобы тщательно подготовиться. Я полностью сочинил себе всю биографию от самого рождения и мог бы вам ее рассказать, если бы вспомнил.

— Может быть, я недостаточно сообразителен... — начал Питман.

— Вот именно! — подтвердил Майкл. — Совершенно недостаточно сообразительны; зато вы богаты, гораздо богаче меня. Мне показалось, вам будет приятно сознавать, что вы купаетесь в деньгах. Но вы, к несчастью, всего лишь американец, и притом владелец галошной фабрики. И что самое печальное, не буду от вас скрывать, зовут вас Эзра Томас. А теперь, — сурово спросил Майкл своего спутника, — пожалуйста, скажите мне, кто вы такой.

Несчастный от волнения так боялся пропустить хоть одно слово инструкции, что с ходу и без запинки повторил все свои личные данные.

— Прекрасно! Наш план готов. И что самое главное, в нем нет никаких противоречий.

— Но я ничего не понимаю, — пожаловался Питман.

— В свое время прекрасно все поймете, — сказал Майкл, поднимаясь из-за стола.

— И у нас нет никакого предлога, — продолжал сомневаться Питман.

— По дороге что-нибудь придумаем.

— Но я не умею придумывать, я за всю свою жизнь ничего не смог придумать.

— А вот теперь придется, мой дорогой, и вскоре вы в этом

убедитесь. — На этом Майкл закончил обсуждение, подозвал официанта и приступил к урегулированию счета.

Бедняга-художник не очень прислушивался к их разговору, поглощенный своими невеселыми мыслями. «Конечно, он большой ловкач, но можно ли ему доверять в таком состоянии?» — спрашивал он себя. И когда они снова оказались в экипаже, отважился на вопрос.

— Вам не кажется, сэр, что, учитывая обстоятельства, нам следовало бы отложить дело?

— Откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? — возмущенно спросил Майкл. — Что за чепуха! Выше голову! Все идет прекрасно. Вперед к победе! Питман, где ваше львиное сердце?

На Кеннон-стрит они осведомились о багаже и убедившись, что тот доставлен, занялись поисками фургона. Ожидая, пока повозку приготовят, они зашли в комнату, где хранилась упряжь и присели у печки. Адвокат, прислонившись к стене, слегка приуснул, а бедный Питман, предоставленный сам себе, оказался в компании нескольких лоботрясов, каких всегда можно встретить около транспортных контор.

— Ужасная погода, не правда ли, мистер? — обратился к Питману один из них. — Вам далеко ехать?

— М-м, да, погода не из лучших, — ответил художник. После чего, чувствуя, что следует сменить тему разговора, добавил: — Мой друг австралиец. Он хороший человек, но очень увлекающийся.

— Австралиец? — отозвался собеседник. — У меня тоже брат в Мельбурне. Ваш друг часом не из этих мест?

— Н-нет, не совсем, — ответил Питман, имевший весьма смутное представление о географии далекого континента. — Он живет там, в центральной части, и очень богат.

Лоботрясы с уважением посмотрели на дремлющего колониста.

— Так, так, — заметил другой, — Австралия — большая страна. Вы тоже из тех мест?

— Нет, я не оттуда, — ответил Питман и, явно нервничая, добавил: — И никакого желания не испытываю. — После чего начал тормошить Майкла.

— Что случилось? — спросил тот.

— Фургон почти готов, — строго сказал Питман, — просыпайтесь.

— Хорошо, хорошо, не сердитесь, друг мой, — ответил Майкл, зевая. — Капелька сна еще никому не повредила. Зато я чувствую себя относительно трезвым. Но к чему такая спешка. Что-то я не вижу фургона и не помню, где сейчас наш рояль.

Питман с ужасом представил себе (и по сей день еще представляет), что еще может ляпнуть адвокат в приливе откровенности, но по счастью кто-то вошел в комнату и объявил, что фургон готов. Майкл же был целиком поглощен проблемой, требующей немалых интеллектуальных усилий, а именно попыткой встать на ноги.

— Править будете вы — заявил он художнику, взгромоздившись на сиденье.

— Я? — изумился Питман. — Я никогда этого не делал, я не умею.

— Ладно, ладно, — ответил Майкл с олимпийским спокойствием. — Я тоже не умею. Но пусть будет по-вашему. Чего для друга не сделаешь.

Взгляд, брошенный на посмурневшее лицо хозяина конюшни, заставил Питмана принять решение.

— Вот и хорошо, — с отчаянием заявил он, — правьте вы, а я буду показывать вам дорогу.

Поскольку мы пишем не приключенческую повесть, то не будем описывать в деталях Майкла в роли кучера. Питман, который сидел рядом, сдерживая порывы приятеля и замирающим голосом пытаясь давать ему советы, не знал, чему больше удивляться: отваге новоявленного возницы или его совершенно не заслуженному везению. В конце концов они все же добрались до Кеннон-стрит без повреждений. Рояль мистера Брауна был погружен быстро и четко.

— Должен заметить, — сказал бригадир грузчиков, пересчитывая мысленно количество серебряных монет в горсти, — что рояль ваш оказался смертельно тяжелым.

— Все дело в богатстве звучания, — пояснил Майкл, отъезжая.

До квартиры мистера Гидеона Форсайта дорога была недолгой; дождь по-прежнему сыпал мелкими, но непрерывными каплями. Майкл придержал коней на почти пустой улице, вручил поводья какому-то местному ротозею, после чего оба путешественника слезли с повозки, где смотрелись очень впечатляюще, и пешком направились к месту, где должен был разыгаться решающий эпизод их приключений. Майкл даже выказал легкое ослабление былой уверенности в себе.

— С моими бакенбардами все в порядке? — спросил он Питмана. — Было бы крайне неприятно, если бы меня узнали.

— С ними все замечательно, — успокаивал его Питман, даже не оглядываясь. — А вот насчет своего костюма я беспокоюсь. Не исключена возможность, что я встречу там кого-то из своего начальства.

— Без бороды вас никто не узнает. Только не забывайте, что говорить вам следует медленно. С акцентом вы и так уже говорите.

— Я надеюсь только на то, что молодого человека не окажется дома, — вздохнул Питман.

— А я надеюсь, что он будет один, — ответил адвокат, — это нас избавит от множества трудностей.

Так оно и оказалось. Гидеон лично открыл им дверь и проводил в комнату, обогреваемую скромным огнем в камине. Все стены до потолка были заняты стеллажами, заполненными трудами, отображающими историю и деятельность британской Фемиды. Весь вид комнаты за одним исключением указывал на юридические интересы ее обитателя, а исключением был как раз камин, на котором разместилась обширная коллекция курительных трубок, сортов табака, коробки с сигарами и несколько французских романов в желтых обложках.

— Имею честь говорить с мистером Форсайтом? — начал свое выступление Майкл. — У нас к вам важное дело. Боюсь, что наш визит не вполне соответствует обычному порядку вещей в таких вопросах...

— Я думаю, что вам бы следовало обратиться в юридическую контору, — прервал его Гидеон.

— Ну что ж, раз так, дайте нам адрес вашей фирмы, и завтра мы сможем обсудить нашу проблему в соответствии с принятыми правилами, — говоря это, Майкл уселся в кресло и жестом указал Питману сделать то же самое. — Но так уж получилось, что мы здесь не знаем никаких адвокатских контор, вас же нам рекомендовали, а времени у нас чрезвычайно мало.

— Могу я поинтересоваться, кому именно я обязан вашим визитом? — спросил Гидеон.

— Поинтересоваться вы можете, — согласился Майкл с клоунской усмешкой, — но меня просили вам об этом не говорить, пока... пока дело не будет улажено.

«Наверняка, их дядя прислал», — пришел к выводу Гидеон.

— Меня зовут Джон Диксон, — продолжал Майкл. — Это имя хорошо известно в Балларате^[9]. Присутствующий здесь мой друг, мистер Эзра Томас из Соединенных Штатов, является очень состоятельным фабрикантом галош.

— Одну минуточку, я запишу, — деловито сказал Гидеон тоном опытного адвоката.

— Вы не будете против, если я закурю сигару? — спросил Майкл. В квартиру он входил немного протрезевшим, но теперь начал ощущать, что пары алкоголя и сопутствующая им сонливость снова дают себя знать; поэтому он надеялся, как и многие в его ситуации, что сигара поможет

поддержать разговор на должном уровне.

— Да, да, конечно, — захлопотал Гидеон. — Может, попробуете мои? Смело могу их вам рекомендовать, — добавил он, вежливо протягивая клиенту коробку.

— Честно вам признаюсь, — сказал «австралиец», — что мы возвращаемся со званого обеда, и поэтому я могу иногда выразиться не вполне ясно, но это с каждым можно случится, не правда ли?

— Разумеется, разумеется, — согласился Гидеон, продолжая демонстрировать всю вежливость, на какую был способен. — Вы можете не торопиться, я готов уделить господам достаточно времени.

— Дело, которое привело нас сюда, — продолжил, воодушевляясь, «австралиец», — чертовски деликатно. Мой друг мистер Томас — американец португальского происхождения, он плохо знает наши порядки и, являясь к тому же богатым фабрикантом концертных роялей Бродвуд...

— Концертных роялей Бродвуд? — прервал его несколько удивленный Гидеон. — Мистер Томас совладелец этой фирмы?

— Ах, нет. То не настоящие Бродвуды. Мой приятель производит Бродвуды американские.

— Но мне кажется, что недавно вы сказали, во всяком случае я так записал, что ваш друг производит галоши?

— Поначалу вам в этом деле все будет казаться странным, — заявил «австралиец», лучезарно улыбаясь, — дело в том, что он... интересуется разными отраслями производства, и этими, и многими другими, очень, очень многими, — повторял мистер Диксон с пьяной настойчивостью. — Прядильни мистера Томаса самые крупные в Таллахассе, его табачные плантации — гордость Ричмонда, короче говоря, мистер Томас — мой старый приятель, и я вас очень прошу заняться его делом.

Молодой адвокат с уважением посмотрел на мистера Томаса и был очень тронут его открытым, хотя и несколько беспокойным выражением лица, а также простотой и скромностью манер. «Удивительные люди эти американцы, — размышлял он про себя, — подумать только, что этот совершенно простецкого вида тщедушный малый в рубашке с мягким воротничком, а ворочает такими делами в столь серьезных отраслях!»

— Может, нам лучше, — произнес он уже вслух, — перейти уже к фактам?

— Узнаю человека дела! — воскликнул «австралиец». — Итак, перейдем к фактам. Речь идет о неисполнении обязательств.

Несчастный художник был так изумлен всем услышанным, что не мог удержаться от восклицания.

— Боже мой, — живо отреагировал Гидеон, — это, как правило, очень заковыристые дела. Расскажите мне все подробно, — добавил он мягко, — и раз уж вы обратились ко мне за помощью, то прошу ничего не утаивать.

— Слушай, Расскажи ему, — сказал Майкл, махнув рукой в сторону Питмана. Видимо, он посчитал, что сделал все, что от него требовалось. — Он сам вам все расскажет, — зевая, обратился он к Гидеону. — Вы простите меня, если я на минутку сомкну глаза, я всю ночь был у постели больного друга.

Питман озибался по комнате с совершенно отупевшим видом. В его невинной душе нарастали ярость и отчаяние; приходили в голову мысли о побеге и даже о самоубийстве; и пока художник безуспешно искал какие-нибудь слова, пусть бы даже и ничего не значащие, молодой адвокат терпеливо ждал.

— Речь идет о неисполнении обязательств... — выдавил, наконец, из себя «фабрикант» очень тихим голосом. — Я нарушил обязательство... и грозит дело... — в этом месте Питман, как обычно, когда нервничал, потянулся рукой к бороде, но наткнулся на совершенно непривычную гладкую поверхность подбородка. Надежда и отвага (если о чем-то таком вообще можно было говорить в случае Питмана) покинули его окончательно. Он принялся отчаянно тормошить Майкла.

— Проснись же ты! — по голосу и характеру обращения чувствовалось, что нервы его на пределе. — Я не сумею! Вы же знаете, что не сумею!

— Вы должны простить моего друга, — невозмутимо сказал Майкл, открыв глаза. — Ораторским талантом он не отличается. Дело, в общем, простое. Приятель мой склонен, с одной стороны, к бурному проявлению страстей, с другой стороны — к простому, патриархальному образу жизни. Прошу вас взглянуть на ситуацию именно с этой точки зрения. Итак, неудачное путешествие по Европе и неудачное знакомство с мошенником, выдающим себя за иностранного графа, у которого на выданье дочь-красавица. Мистер Томас позволил себе дать волю чувствам. Он сделал предложение, предложение было принято, он написал несколько писем... написал в стиле, о котором сейчас, несомненно, жалеет. Если эти письма попадут на судейский стол, репутации мистера Томаса будет нанесен непоправимый ущерб.

— Следует ли мне понимать это так... — начал Гидеон.

— Уважаемый мистер Форсайт, — очень внушительно произнес «австралиец», — вы равным счетом ничего не сможете понять, пока не ознакомитесь с содержанием писем.

— Да, ситуация, достойная сожаления, — Гидеон с сочувствием посмотрел на виновника несчастья, но заметив на лице того признаки беспокойства, отвел глаза.

— Это были бы еще пустяки, — жестким тоном продолжил мистер Диксон. — Я очень хотел бы, от всего сердца хотел бы иметь возможность утверждать, что совесть мистера Томаса чиста. Увы, ему нечего сказать в свое оправдание, ибо он был в свое время и до сих пор остается обрученным с первой красавицей в Константинополе, что в штате Джа. Мой приятель вел себя как последняя скотина...

— Штат Джа? — удивился Гидеон.

— Это только общепринятое сокращение: Джа означает Джорджия, так же как «ст.» означает «станция».

— Да, припоминая, мне приходилось встречать в напечатанном виде подобное сокращение, но я не знал, что это так произносится.

— Уверяю вас, что именно так. Ну, теперь вы сами видите, что это несчастное существо можно спасти от бесчестия только с помощью какого-то очень хитрого хода. Деньги для этого имеются, и о них можно не беспокоиться. Мистер Томас завтра же может выставить чек на сто тысяч. Но у нас есть аргументы и получше, мистер Форсайт, чем деньги. Этот самый иностранный граф — он себя называет графом Тарновым — был когда-то владельцем табачной лавки в Бейсуотере, где выступал под своей собственной, и тоже примечательной фамилией Шмидт; а его дочь — если только она вообще его дочь — в то время прислуживала в магазине, а теперь, видите ли, хочет выйти замуж за такого выдающегося человека, как мистер Томас! Надеюсь, вам понятны наши намерения. Мы хотим опередить их, прежде чем они сделают следующий шаг. Мы просим вас поехать в Хемптон-корт, где они сейчас проживают, и угрозами или подкупом, а скорее всего, тем и другим, заполучить от них эти письма. Если вам это не удастся, ну что ж, все в руках Божьих... мистер Томас будет скомпрометирован. По крайней мере, я от него избавлюсь, — добавил Майкл, явно не проявив особого благородства по отношению к своему приятелю.

— Мне представляется, что существуют определенные предпосылки к тому, что наше дело разрешится благополучно, — заявил Гидеон. — У Шмидта были какие-нибудь дела с полицией?

— Мы на это надеемся. Есть все основания так предполагать. Причем, вы обратите внимание на местность: Бейсуотер! Вам это ни о чем не говорит?

Уже в шестой раз в течение разговора Гидеон задумывался, в здравом

ли уме его клиент. «Впрочем, может быть, это все последствия званого обеда с алкоголем?» — решил он, а вслух спросил:

— В пределах какой суммы я могу вести переговоры?

— Ну, скажем, пока что хватит пяти тысяч, — ответил Майкл. — А теперь не смеем вас больше задерживать. Время идет, поездов до Хемптон-корт идет много, а о нетерпении моего друга мистера Томаса, надеюсь, вам напоминать не надо. Вот пять фунтов на текущие расходы и адрес. — Майкл начал было писать что-то на листке бумаги, но передумал и спрятал листок в карман. — Нет, лучше я вам продиктую, почерк у меня совершенно неразборчивый.

Гидеон записал адрес: «Граф Тарнов, вилла Кернол, Хемптон-корт»; после чего написал на другой карточке еще несколько слов.

— Вы говорили, что еще не обращались ни в одну адвокатскую контору. Смеем вам рекомендовать наилучшего в Лондоне специалиста.

— Боже милостивый! — воскликнул Майкл, прочитав адрес своей собственной фирмы.

— О, возможно, вам это имя встречалось в связи с не самыми благозвучными историями, — начал пояснять Гидеон, — но я уверяю вас, что это человек очень порядочный и весьма авторитетный. А теперь, господа, мне остается только спросить, каким образом я смогу с вами связаться.

— Отель Лэнгхэм, разумеется, — ответил Майкл. — Итак, до вечера.

— До вечера, — повторил Гидеон, приветливо улыбаясь. — Я думаю, что могу посетить вас в отеле, сколь бы ни было поздно.

— В любое время, в любое время, — подтвердил адвокат, откланиваясь. А когда друзья очутились на улице, сказал Питману: — А у парня есть голова на плечах.

Можно было едва расслышать, как Питман бурчит себе под носом:

— Полный дурень.

— Ничего подобного. Он знает, кто лучший адвокат в Лондоне, а такой эрудицией не каждый может похвастать. Но признайтесь, наконец, как хитро я все это симпровизировал.

Питман не ответил.

— О! — воскликнул адвокат, останавливаясь. — Что-то не понравилось нашему печальному Питману?

— Вы не должны были говорить обо мне в таком тоне, — вспыхнул художник. — Я ничем не заслужил подобных высказываний. Вы меня глубоко обидели.

— О вас я ни слова не сказал, — оправдывался Майкл. — Я говорил

об Эзре Томасе, а должен вам напомнить, что такого человека не существует.

— Все равно это очень обидно.

Беседуя таким образом, они дошли до угла улицы, где ожидали их верный ротозей из местных, наблюдающий за лошадьми, и жалко выглядящий рояль, по крышке которого барабанил дождь, и его капли медленно стекали по лакированным ножкам. Ротозея послали в ближайший кабачок за подмогой из нескольких мощных парней, после чего начался завершающий этап всей операции. Еще до того, как мистер Гидеон Форсайт занял свое место в поезде, идущем до Хемптон-корт, Майкл сумел открыть двери его квартиры, и нанятая бригада грузчиков, кряхтя и охая, установила большой концертный рояль посреди комнаты.

— А теперь, — сказал адвокат, рассчитавшись с работниками, — еще одна предосторожность. Нам надо оставить ему ключ от рояля, причем так, чтобы он смог его найти. Надо подумать... — После этого он выстроил на рояле небольшую башню из сигар и поместил ключ внутри нее.

— Бедный парень, — вздохнул художник, когда они вышли на улицу.

— Да, его ситуации не позавидуешь, — невозмутимо согласился Майкл. — Но ему это добавит энергичности.

— И раз уж о том зашла речь, — вспомнил благородный Питман, — то боюсь, что я вел себя крайне невежливо. Я, безусловно, не имел права высказывать какие-то претензии в ваш адрес по поводу ваших слов, какими бы обидными они мне не казались, поскольку они не были направлены...

— Ни слова больше, мой Питман! — воскликнул Майкл, взбираясь на сиденье фургона. — Ни слова. Вы вели себя правильно. Ни один порядочный человек не должен выслушивать оскорбления в адрес личности, за которую он себя выдает.

Дождь перестал. Майкл достаточно протрезвел. От трупы они благополучно избавились, и друзья быстро помирились. Поэтому сегодня они возвращались (особенно в сравнении с предыдущим днем) словно с приятной прогулки. А когда они вернули фургон в конюшню, где их никто ни в чем не подозревал и вообще ни о чем не спрашивал, из груди мистера Питмана вырвался вздох нескрываемого облегчения.

— Теперь можно и по домам, — сказал он.

— Питман! — строго сказал адвокат, останавливаясь. — Ваше легкомыслие меня беспокоит. Мы с вами мокли целый день под дождем, а теперь вы хладнокровно предлагаете идти домой! Нет, мой дорогой! Только горячее виски!

И взяв своего приятеля под локоть, решительно повел его в сторону

ближайшего питейного заведения. С сожалением должен отметить, что Питман не особенно сопротивлялся. Теперь, когда душевный покой был вновь обретен, а покойник надежно сплавлен, в характере художника начала проявляться некая бесшабашность. И когда они с Майклом чокнулись рюмками, над которыми клубились облачка пара, Питман вдруг захохотал во весь голос, словно беззаботная курсистка на пикнике.

Глава девятая

Прекрасное завершение «каникул»

Майкла Финсбюри

С Майклом Финсбюри я знаком лично. Мои юридические дела — о, я понимаю, сколь не выгодно признаваться в том, что поверяешь защиту своих интересов такому адвокату, но в конце концов, есть обычное чувство благодарности, да и вообще дело это прошлое — короче говоря, все мои отношения с законом, нынче, слава Богу, вполне невинного свойства, и сейчас в руках Майкла. К несчастью, у меня плохая память на адреса. О каждом своем знакомом я в состоянии запомнить только один его адрес. Назовет мне человек свой адрес при знакомстве, потом переедет куда-нибудь — и все, приятель этот для меня потерян, поскольку память за его перемещениями следить отказывается. Та к вот и получилось, что Майклу я пишу всегда на адрес его конторы, поскольку номера дома на Кингс-роад, где он живет, не помню. Конечно, на званых обедах у него мне случалось бывать. В последнее время, с тех пор, как он сколотил состояние и не так уж активно занимается практикой, подобного рода мероприятия участились. Происходит это так: несколько хороших знакомых, которых объединяет наличие классического чувства юмора (как, например, у меня) случайно встречаются в курительной комнате клуба, и вскоре их можно видеть тянущихся гуськом по аллеям Сент-Джеймс-Парка. Четвертью часа позже компания уже восседает за одним из самых шикарно накрытых столов Лондона.

Но во времена, описываемые в этой повести, в указанном доме на Кингс-роад (будем считать, что его номер 233) было еще тихо. Дружеские приемы Майкл устраивал в залах Николя или Веррея, двери же его частного жилища даже для большинства друзей оставались закрытыми.

Второй этаж, комнаты которого выходили окнами на солнечную сторону, был предоставлен в распоряжение отца. Двери гостиной были постоянно закрыты, а сам Майкл облюбовал для проживания столовую. В этом удобном помещении, оберегаемом железными ставнями от любопытных взглядов пешеходов Кингс-роад, в окружении книг по проблемам права, томиков поэзии и описаний известных уголовных процессов, мы и застаем его во время ужина по завершении путешествия с Питманом. Прислуживает адвокату пожилая дама со сверкающими

глазами и плотно сжатыми губами. Весь ее вид свидетельствует о принадлежности к давним обитателям дома, а каждое сказанное слово — о достойном шотландском происхождении. Чувство почтительной боязни, которое сочетание этих двух качеств способно вызвать даже у самого смелого человека, не было чуждо и нашему герою. Это было впечатляющее зрелище, когда хозяин дома под пристальным взглядом прислуги старался всячески замаскировать в своем поведении следы обширного возлияния в компании Питмана. А когда Майкл, наконец, проговорил:

— Знаешь, Тина, я не прочь бы выпить рюмочку бренди с содовой, — то слова эти были сказаны без особой веры в их убедительность и без надежды на то, что они будут приняты к исполнению.

— Ни в коем случае, мистер Майкл, — последовал мгновенный ответ. — Только красное вино с водой.

— Очень хорошо, замечательно. Ты, конечно, права. У меня сегодня был очень трудный день в конторе.

— Что вы говорите? Да вы и близко к конторе сегодня не подходили.

— Ну, как же, я несколько раз заезжал на Флитстрит.

— Распутничали вы весь день, вот что! — язвительно объявила Тина. — Осторожно! Вы хрусталь разобьете! — вскрикнула она, когда адвокат чуть не уронил бокал со стола.

— Как он себя чувствует? — спросил Майкл.

— Как обычно, мистер Майкл, и видимо, так уж и будет до самого конца. Достойный человек. Но вы не первый, кто сегодня об этом спрашивает.

— Вот как? И кто же еще?

— Вы будете смеяться, — хмуро ответила Тина. — ваш кузен, мистер Моррис.

— Моррис! Что этому прохвосту было надо?

— Что надо? Хотел увидаться с ним, — экономка многозначительно указала пальцем вверх. — По крайней мере, так говорил, но у меня на этот счет свое мнение. Он хотел меня подкупить! Подумать только, подкупить! Меня! — повторила она с нескрываемым презрением. — Джентльмены так не поступают.

— В самом деле? — сказал Майкл. — Уверен, что много он не предложил.

— Вы не ошиблись. — И дальше никакими расспросами не удалось заставить ее назвать сумму, за которую прижимистый родственник хотел ее подкупить. — Но я ему сказала, чтобы не совал свой нос не в свои дела, — добавила Тина воинственно. — Не скоро он снова тут появится.

— Ты же знаешь, что нельзя позволить ему увидаться с моим отцом. У меня нет ни малейшего желания устраивать представление для этой скотины.

— Об этом можете не беспокоиться, — заверила его домохозяйка. — Но самое смешное в том, что... вы соус пролили, вот свежая салфетка... что он думает, будто ваш батюшка умер и вы это от него скрываете.

— На воре шапка горит.

— Вот-вот, я ему слово в слово то же самое сказала! — обрадовано воскликнула Тина.

— Он мне еще за это заплатит.

— А нельзя его каким-нибудь образом к суду привлечь?

— Нет, не думаю, да и не испытываю ни малейшей на то охоты. Только знаешь что, Тина, что-то красное вино не очень мне по вкусу. Это какая-то неудачная бутылка. Будь так добра, и дай мне рюмочку бренди.

Но Тина была непреклонна.

— В таком случае, — сердито заявил адвокат, — я больше есть не буду!

— Вы можете поступать так, как считаете нужным, — ответила невозмутимо экономка и принялась убирать со стола.

— Какая жалость, что Тина такая образцовая прислуга, — вздохнул Майкл, выходя на улицу.

Дождь перестал, ветер еще не успокоился, но теперь уже только приятно освежал. Город в вечерней темноте искрился уличными фонарями и блестел лужами. «Ну вот, так уже лучше», — подумал адвокат, направляясь к центру и не без удовольствия прислушиваясь к стуку колес по мостовой и миллионному эху шагов пешеходов.

На углу Кингс-роад он вспомнил о бренди и зашел в сверкающую витриной забегаловку. Посетителей было немного: кучер с близкой стоянки экипажей, несколько хронических безработных, джентльмен (в углу), желающий продать фотографии, укромно доставаемые из кожаной папки, другому очень молоденькому парнишке с рыжей бороденкой, а также (в другом углу) парочка влюбленных, оживленно о чем-то щебечущих. Но общее внимание привлекал к себе худосочный старичок в черном сюртуке, который явно был тут на новенького. Перед ним на мраморной плите стола возле сэндвича и кружки пива лежала сильно помятая фуражка. Он как раз поднял руку в ораторском жесте и голосом от природы писклявым, но настроенным сейчас на акустику лекционной залы, очаровывал своим искусством буфетчицу, четырех безработных и кучера.

— Я произвел инспекцию всех лондонских театров, — говорил

старик, — и, измерив шагами ширину главных входов, установил, что они до смешного не соответствуют потребностям публики. Двери открываются не в ту сторону, сейчас не помню, в какую именно, но дома у меня записано. Часто во время представления они заперты на ключ, когда зрительный зал буквально забит публикой. У вас, очевидно, не было моих возможностей сравнить эту ситуацию с положением в других странах, но смею вас заверить, что там это давно уже главная забота уважающих себя властей. Неужели вы думаете, что в стране истинной демократии могли бы сохраниться такие свидетельства властных злоупотреблений? Ваш здравый смысл, хоть и не подкрепленный образованием, подскажет вам, что нет. Возьмем, к примеру, Австралию — страну еще более подневольную, чем Англия. Я лично разговаривал с одной из жертв пожара на Ринге, и, хотя этот человек не очень бегло говорил по-немецки, мне удалось получить полное представление о его мнении на этот предмет. Но вас наверняка больше заинтересует вот эта вырезка, посвященная той же проблеме, из венской газеты, которую я вам сейчас прочитаю и тут же, с листа переведу. Как вы сами можете видеть, она напечатана готическим шрифтом, — при этих словах оратор предъявил слушателям означенную вырезку, чтобы они могли удостовериться собственными глазами, причем сделал это с видом фокусника, показывающего публике в первом ряду возникший из воздуха апельсин.

— Приветствую уважаемого дядюшку! Что за встреча! — воскликнул Майкл, положив руку на плечо говорившего.

Тот испуганно обернулся и перед Майклом предстала физиономия дяди Джозефа.

— Это ты, Майкл? Ты один? С тобой никого нет?

— Один, — ответил Майкл, — никого со мной нет. А вы кого ожидали?

— Я имел в виду Морриса или Джона, — с видимым облегчением пояснил старик.

— А с какого счастья мне с ними разгуливать? — спросил племянник.

— В общем-то правильно, — признал Джозеф. — Тебе я могу довериться. Надеюсь, ты мне поможешь.

— Не понимаю пока, о чем вы говорите, дядя, — сказал адвокат, — но если вам нужны деньги, то предупреждаю, что я на нуле.

— Ах, не в этом дело, мой мальчик, — ответил дядя, крепко стискивая племяннику руку, — я потом тебе объясню.

— Вот и хорошо. Я угощаю, что вам заказать?

— В таком случае попрошу еще один сэндвич. Допускаю, что ты

немного удивлен, встретив меня в подобном месте, но дело в том, что я поступаю в соответствии с моим твердым, но малоизвестным принципом...

— Не такой уж он малоизвестный, — усмехнулся Майкл, потягивая бренди, — я сам ему следую, когда вдруг захочется выпить.

Старик, которому хотелось как можно больше расположить к себе Майкла, грустно улыбнулся в ответ.

— Ты всегда такой веселый, — сказал он, — и признаюсь, что это мне, вообще-то, в тебе нравится. А что касается упомянутого принципа, то он заключается в том, что надо приспосабливаться к обычаям той страны (хоть бы и самой захудалой), где человек находится. Во Франции, например, все ходят завтракать в кафе; в Америке же главный пункт питания — так называемые бары самообслуживания; ну а в Англии тот, кто желает быстро перекусить, направляется вот в такой кабачок. Довольствуясь парой сэндвичей, чаем, ну и иногда кружкой пива, человек может в Лондоне неплохо пропитаться на четырнадцать фунтов и двенадцать шиллингов в год.

— Знаю, знаю, — ответил Майкл, — не считая одежды, стирки и обуви. Все вместе, включая сигары и нерегулярную выпивку, лично мне обходится в семьдесят и более.

Этой фразой Майклу удалось в последний раз прервать поток речей дяди Джозефа. Далее он покорно и снисходительно внимал разглагольствованиям дяди, который тут же переключился на политические реформы, с них — на теорию барометра, которую украсило описание ветра бора на Адриатике, после чего речь зашла о наилучшем методе обучения глухонемых арифметике. Немного погодя, парочка двинулась по Кингс-роад.

— Майкл! — перешел, наконец, к делу дядя Джозеф. — Причиной того, что я здесь оказался, является моя ссора с племянниками. Они стали невыносимы.

— Я вас понимаю, дядя, — признал Майкл. — Сам не способен выносить их больше двух минут.

— Они не разрешали мне выступать, — излагал свои обиды старик. — Запирали меня на ключ, да еще всякие грубые слова говорили. Считали, сколько я карандашей трачу для своих увлекательных заметок; газеты от меня прятали, как младенца от диких зверей. Ты же меня знаешь, Майкл. Я живу этими моими расчетами, тем, что имею свой взгляд на мир, такой разнообразный и переменчивый. Перо, бумага и пресса значат для меня не меньше, чем еда и питье. Такая жизнь стала совсем невмоготу, и тут, в неразберихе после железнодорожной катастрофы под Браундином, мне

удалось скрыться. Они, наверное, думают, что я погиб, и попытаются обманом завладеть *тонтиной*.

— А как выглядит ваша финансовая ситуация? — вежливо спросил Майкл.

— В финансовом отношении я просто богат, — радостно ответил старик. — Сейчас я могу себе позволить расходы до ста фунтов в год. Перьев и карандашей у меня в неограниченном количестве. В моем распоряжении Британский Музей с его книгами, а также любые газеты, какие только пожелаю. Странная, однако, вещь, насколько мало человеку в моем возрасте нужно забивать себе голову книжными премудростями. Достаточно газет, в них есть все выводы в готовом виде.

— Я могу вам, дядя, кое-что предложить: вы можете поселиться у меня.

— Дорогой Майкл, ты очень любезен, но все же не вполне осознаешь мою ситуацию. Дело в том, что определенные финансовые сложности все-таки существуют. В роли опекуна я выступил не вполне удачно, и не вдаваясь в подробности, скажу тебе только, что оказался в полной финансовой зависимости от этого злодея Морриса.

— Я вас переодену! — воскликнул с энтузиазмом Майкл. — Подарю вам очки в толстой оправе и бакенбарды.

— Подобные мысли мне тоже приходили в голову, — признался старик. — Но боюсь, что такая перемена обратит на себя внимание соседей в скромном месте моего нынешнего обитания. Аристократы, как тебе известно...

— Но, — прервал его Майкл, — каким чудом у вас вообще появились деньги? Не считайте меня чужим человеком. Я ведь знаю об опекунстве, о том, каких дров вы там наломали, и о том, что существуют документы, по которым вы уступаете все права Моррису.

В ответ Джозеф рассказал племяннику о совершенных им банковских операциях.

— А вот это неправильно, — оценил его действия адвокат. — Этого вы не имели права делать.

— Но ведь все принадлежит мне, — пытался возражать Джозеф, — Майкл, ведь это я основал дело, и я им занимался, значит, все это мое!

— Все это так, но вы подписали бумаги о переуступке прав, вы были вынуждены это сделать в безнадёжной для вас ситуации. А сейчас все может кончиться тюрьмой.

— Не может быть! — воскликнул бедный дядя Джозеф. — Закон не может быть так несправедлив!

— Самое смешное, — продолжал Майкл, — что на сей раз вы этот кожевенный бизнес угробили окончательно. У вас, дядя, конечно, весьма своеобразное представление о юридических нормах, но должен сказать, что мне очень импонирует ваше чувство юмора!

— Не вижу в этом ничего смешного, — обиженно заметил дядя Джозеф.

— Если уж зашла об этом речь, скажите, имеет ли Моррис право подписи в фирме?

— Кроме меня никто.

— Бедолага Моррис! Истинный бедолага! — воскликнул восхищенно адвокат. — И при этом все время ломает комедию, что дядюшка жив, здоров и сидит дома. Ну все, Моррис, судьба отдает тебя в мои руки! Скажите мне, дядя, сколько вообще стоит это все ваше кожевенное дело?

— Стоило когда-то сто тысяч, — с горечью ответил дядя Джозеф, — когда я им занимался. А потом явился этот шотландец, очень способный, особенно в бухгалтерских делах. Ни один бухгалтер во всем Лондоне не мог разобраться, как он там вел учет. Потом пришел Моррис, который вообще в торговом деле не разбирается. А сейчас фирма стоит очень мало. Моррис пробовал ее продать, и ему предлагали только четыре тысячи.

— Пожалуй, мне стоит заинтересоваться шкурами, — решительно заявил Майкл.

— Тебе? — удивился дядя Джозеф. — Не советую. Во всем мире торговли нет ничего более непредсказуемого, чем колебания на рынке кож. Можно сказать, что это невероятно чувствительный рынок.

— А что вы сделали с этими деньгами?

— Я положил их в другой банк и снял двадцать фунтов, — быстро ответил мистер Финсбюри. — А зачем ты спрашиваешь?

— Прекрасно, — ответил Майкл. — Я завтра же пошлю туда своего служащего с чеком на сто фунтов, а ту сумму переведу обратно в Англо-Патагонский банк с каким-нибудь объяснением, которое специально для вас придумаю. Вас это очистит перед законом, а Моррис и так не сможет снять ни пенса, не прибегая к подделке вашей подписи, что, впрочем, не повредит моей небольшой интрижке.

— А я что буду делать? — спросил дядя Джозеф. — Я же не могу жить без денег.

— Разве не ясно? Я пошлю чек на сто фунтов, из которых у вас на счету останется восемьдесят. Когда они закончатся, обратитесь снова ко мне.

— Я все же не хотел бы зависеть от чьей-либо щедрости. — Джозеф

пожевал свой седой ус. — Я хотел бы существовать на собственные средства, тем более, что они у меня есть.

— Да как вы не поймете, — Майкл схватил дядю за локоть, — что я пытаюсь спасти вас от тюрьмы?

Столь серьезный тон Майкла подействовал на дядю.

— Надо мне заняться изучением права, — заявил он. — Это будет новая для меня область знаний. Общие принципы мне, конечно, известны, но частностям я до сих пор должного внимания не уделял, потому-то твоя оценка данной ситуации для меня явилась неожиданностью. Возможно, ты и прав, а для человека в моем возрасте — я ведь уже далеко не безусый юнец — надолго попасть в тюрьму было бы очень вредно для здоровья. Тем не менее, я должен тебе сказать, дорогой племянник, что ты совсем не обязан оказывать мне все эти любезности, никаких причин для этого нет.

— Пусть это вас не заботит, дядя. Я, возможно, отыграюсь на торговле кожами. — И записав дядин адрес, Майкл расстался с ним на углу улицы.

«Какой замечательно милый старик. Недотепа и пустомеля, но как полон жизни! А мне, видно, судьбой назначено быть орудием Провидения. Так, задумавшись на минутку, в чем я сегодня преуспел? Избавился от трупа, спас дядю Джозефа, слегка взбодрил Форсайта и выпил черт знает сколько не самого отборного бренди. Закончу-ка я день тем, что навещу кузена, и тогда действительно выступлю в роли перста судьбы. Кожами можно заняться завтра, сегодня просто по-дружески внесу в это дело оживление».

Примерно минут через пятнадцать после этих размышлений, когда часы пробили одиннадцать часов вечера, орудие Провидения вышло из экипажа и, велев кэбмену ждать, постучало в двери дома номер 16 по Джон-стрит.

Дверь тут же отворил Моррис.

— А, это ты, Майкл, — приветствовал он кузена, предусмотрительно загородив собой узкий проход. — Время уже позднее.

Майкл молча подал ему руку и так крепко стиснул ладонь, что надутый хозяин дома слегка отстранился. Воспользовавшись этим, адвокат проник в холл, после чего направился к столовой, а Моррис следовал за ним по пятам.

— Где твой дядя Джозеф? — спросил Майкл, удобно располагаясь в кресле.

— Он в последнее время плохо себя чувствует. Сейчас он в Браундине. Джон его опекает, а я тут, как видишь, один.

Майкл спрятал усмешку в усы.

— Я хотел с тобой увидеться в связи с одним интересным делом.

— Не требуй от меня согласия на свидание с дядей, раз не хочешь показать мне своего отца.

— Вздор, — ответил Майкл. — Мой отец — это мой отец, а Джозеф такой же мой дядя, как и твой, и никаких особых прав на него у тебя нет.

— У меня и в мыслях ничего такого не было, — упрямо повторял Моррис. — Просто он плохо себя чувствует и никого не может принимать.

— В таком случае я скажу тебе без всяких обиняков. Я пришел предложить тебе определенный компромисс.

Бедный Моррис сначала побледнел как труп, а затем краска обиды на человеческую несправедливость залила его лицо до самых корней волос.

— Да что ты говоришь? — воскликнул он. — Не верю я тебе, ни одному слову не верю. — А когда Майкл заверил его, что говорит вполне серьезно, покраснел еще больше. — Я не согласен. Выметайся отсюда со своим компромиссом!

— Ого! — удивился Майкл. — Ты утверждаешь, что дядя тяжело болен и не хочешь пойти на компромисс? Это выглядит подозрительно.

— О чем ты говоришь? — хрипло спросил Моррис.

— Я говорю только о том, что мне кажется подозрительным или, как бы это сказать, подозрительно пахнет.

— Ты меня в чем-то обвиняешь? — спросил на этот раз угрожающе Моррис, пробуя сменить тон.

— Обвиняю? Не будем прибегать к столь суровым выражениям! А знаешь что, не пора ли нам утопить все наши недоразумения в хорошем стаканчике, как и подобает двум любящим родственникам? «Два милых братца» — что-то подобное есть у Шекспира. Или ему приписывают.

Моррис лихорадочно соображал. «Неужели он что-то подозревает? Или просто стреляет вслепую? Потрафить ему или послать подальше? Надо потрафить, — пришел он к выводу. — Так я выиграю время».

— Ну что ж, — сказал он вслух, всеми силами стараясь изобразить радушие, — давно уж мы вместе не коротали вечеров, Майкл. И хотя тебе известно, что я избегаю употреблять алкоголь, на сей раз сделаю исключение. Извини меня, я на секунду отлучусь в погреб за бутылочкой виски.

— Виски я не пью, — заявил Майкл. — Мне либо немного выдержанного шампанского, либо ничего.

Моррис с минуту стоял в нерешительности, поскольку шампанское стоило дорого, потом молча вышел из комнаты. Он быстро оценил открывающиеся возможности. То, что Майкл вспомнил о самом дорогом в его погребе напитке, было Моррису, как он счел, на руку. «Одну

бутылку?.. — подумал Моррис. — А, черт возьми, дам ему две. Не время экономить. Когда эта скотина напьется, я вытяну из него все секреты».

И вернулся с двумя бутылками. Появились стаканчики, которые Моррис хозяйским жестом наполнил.

— За твое здоровье, брат! — воскликнул он весело. — Чувствуй себя как дома!

Майкл опустошил свой стакан с серьезной миной, стоя у стола, а когда стакан вновь наполнился, вернулся с ним к своему креслу, прихватив заодно бутылку.

— Военные трофеи, — объяснил он. — Труссы спрячутся за стены. Так утверждает наука.

Моррис не нашелся, что на это ответить, и на некоторое время повисло молчание. Но два бокала шампанского, очевидно, подействовали на Майкла.

— Тебе не достает темперамента, Моррис, — заявил он. — Возможно, ты человек и неглупый, но энергичным тебя никак не назовешь.

— Почему ты считаешь, что я человек неглупый? — допытывался Моррис с выражением удовлетворенной скромности.

— Потому что не хочешь идти на компромисс. Хитрюга ты, Моррис, истинный ловкач, — продолжал адвокат. — А вино неплохое. Единственная достойная уважения вещь в семействе Финсбюри — это вино; его трудней получить, чем дворянский титул, значительно трудней. Я не могу понять, почему человек, у которого в погребке есть такое вино, не соглашается на компромисс.

— Когда я тебе то же самое предлагал, ты отказался, — хитро улыбнулся Моррис.

— Я даже не понимаю, почему отказался. И не понимаю, почему ты отказываешься... — рассуждал громко Майкл. — Интересная это вещь, очень интерр-ек! — сная, — продолжал он, с переменным успехом борясь с непослушным языком. — Мне интересно, о чем каждый из нас думает, а тебе нет?

— А как ты полагаешь, чем я руководствовался? — спросил Моррис с хитрецей.

— Какая наглость! — Майкл взглянул на кузена и подмигнул. — Еще минута, и будешь просить выручить тебя из неприятностей. Я знаю, что я посланец Провидения, но не до такой же степени. Выпутывайся сам, как Эзоп и тот с ним, другой. Ведь это ж надо думать, какие несчастья для четырнадцатилетней сиротки — все эти кожаные дела и прочее.

— Я не пойму, о чем ты толкуешь, — заявил Моррис.

— Я и сам не пойму, — признался Майкл. — Прекрасного урожая вино, уважаемые господа, прекрасного. Не пренебрегайте бокальчиком. Но вот такая проблема: пропал дорогой дядюшка. Вот что хотелось бы знать, где очень, очень дорогой дядюшка?

— Я же тебе говорю, что в Браундине. — Моррис уже незаметно стал вытирать пот со лба, эти повторяющиеся намеки сильно на него действовали.

— Легко сказать Брауд... Браундес... нет, оказывается не так легко, — напрягал дикцию Майкл. — Легко говорить, все легко говорить, когда можешь выговорить. Что мне нравится, так это то, что дядюшка пропал абсолютно. Это уму непостижимо! — и он покрутил головой.

— Все очень просто, — Моррис с трудом владел собой. — Никакого секрета нет. Он находится в Браундине после потрясения от этой катастрофы с поездом.

— Да-а, — признал Майкл, — чертовски сильное потрясение!

— Что за тон у тебя? — резко отреагировал Моррис.

— Я об этом знаю из достоверных источников, — сознался адвокат. — Сам мне об этом сказал. Если ты все же скажешь мне что-то другое, я должен буду выбирать между одним сообщением и другим. Вопрос в том... о, уронил бутылку... но шампанское коврику на пользу... весь вопрос в том, дядюшка жив или... или... в гробу лежит?

Моррис сорвался с кресла.

— Ты это о чем? — Моррис почувствовал, как у него перехватило дыхание.

— Я о том, что ковер — это прек-ек! — расная вещь. Чудесная вещь на кожаной основе. Передай мой привет дяде Шампану... — Майкл поднялся.

— Ты уже уходишь? — спросил Моррис.

— Очень жаль, друг мой. Надо ухаживать за больным, — ответил Майкл, наступая ему на ногу.

— Нет, ты никуда не уйдешь, пока не объяснишь мне всех своих намеков, — разъярился Моррис. — В чем, собственно, дело? Зачем ты приходил?

— Не сердись, — сказал адвокат уже от дверей. — Я приходил как посланец Провидения. — Держась рукой за стену, он дошел до входной двери, с трудом отворил ее и спустился с крыльца на тротуар. Уставший ждать кэбмен увидел его и спросил, куда ехать.

Майкл заметил, что Моррис идет вслед за ним; неожиданно его осенило: можно его еще напугать...

— К Скотленд-ярду, — сказал он громко, держась за колесо, чтобы не

потерять равновесия. — Едем в Скотленд-ярд, что-то этот мой братец мне подозрителен. Надо бы все выяснить! Давай к Скотленд-ярду!

— Вы ж несерьезно, — отозвался кэбмен, с той снисходительной симпатией, с какой в народе относятся к подвыпившим джентльменам. — Лучше я отвезу вас домой, а завтра пойдете в Скотленд-ярд.

— Вы мне советуете не ехать в Скотленд-ярд по-дружески или как юрисконсульт? — заинтересовался Майкл. — Ладно, забудем о Скотленд-ярде, едем в бар «Радость».

— «Радость» уже закрыта.

— Ну тогда домой, — столь же радостно согласился Майкл.

— Но куда, господин хороший?

— Что-то не помню адреса, — сказал Майкл, забираясь на сиденье. — Езжай в Скотленд-ярд, там и выясним.

— Но у вас, наверно, есть визитная карточка, — спросил кэбмен, — дайте мне ее.

— Потрясающая интеллигентность у салата! — пробормотал адвокат, подавая извозчику свою визитку.

Тот прочитал при свете фонаря:

— Майкл Финсбюри, 233 Кингс-роад, Челси. Правильно, сэр?

— Угадал. Ну и поехали, если дорогу видишь.

Глава десятая

Гидеон Форсайт и концертный рояль

Возможно, читатель знаком с известной повестью «Кто перевел стрелки часов?», принадлежащей перу некоего Э.Х.Б., которая несколько дней заполняла витрины привокзальных киосков, после чего бесследно исчезла с лица земли. Я не знаю, как это происходит, но факт остается фактом: прежние книги исчезают, уступая место новым. Может быть, это Вечный Читатель — Время зачитывается старыми изданиями, возможно, в этом есть какое-то особое предназначение Провидения, в чьей власти судьбы и писателей, и их творений, но не исключено, наконец, что сами писатели взяли это дело в свои руки, создали тайную организацию и, пользуясь паролем, которого не выдадут никому даже под страхом смерти, собираются небольшими группами по ночам, чтобы под началом энергичных предводителей совершать свои очистительные набеги на книжные лавки города. Так или иначе, устаревшие книги исчезают, подтверждением чему служит факт существования только трех экземпляров повести «Кто перевел стрелки часов?». Один находится в Британском Музее, надежно скрытый под фальшивым названием, другой — в подвальных хранилищах Юридической библиотеки в Эдинбурге (вместе с нотами), а третий, в сафьяновом переплете с тиснением — у мистера Гидеона Форсайта. Столь завидную судьбу, постигшую этот экземпляр, легче всего было бы объяснить восторженным отношением Гидеона к сей повести. Несколько трудней было бы обнаружить поводы для такого восторга (особенно тем, кому она хоть раз попалась на глаза), но следует помнить, что родительские чувства — извечная человеческая слабость, Гидеон же (а не его дядя, чьими инициалами он остроумно воспользовался) и был автором повести «Кто перевел стрелки часов?», хотя предпочитал в этом не признаваться. Обмолвился, правда, как-то несколькими приятелям, когда книга была еще в печати, но после ее не слишком удачного появления на прилавках писательская скромность взяла верх, и теперь тайна сия хранится более надежно, чем, например, тайна авторства «Уэверли».

Как ни странно, экземпляр этого произведения все еще покоился в запыленном одиночестве в киоске на станции Ватерлоо (мы возвращаемся в нашем рассказе на один день назад). Гидеон, купив билет до Хемптон-

корт, как раз проходил мимо и снисходительно улыбнулся детищу своих былых интеллектуальных упражнений. До чего же смешными выглядят сейчас его литературные амбиции! И сколь не соответствует его теперешнему положению эта ребяческая забава! Сейчас, взявшись за свое первое дело, он почувствовал себя, наконец, взрослым мужчиной, а муза — покровительница детективных романов, дама, вероятно, французского происхождения, покинула его обитель и вернулась на Геликон, чтобы продолжить водить хороводы в обществе своих остальных сестер.

Во время поездки разум молодого адвоката был занят весьма здравыми и практичными мыслями: ему уже виделся в воображении небольшой сельский домик на лесной поляне среди вековых дубов, где он обустроит свое семейное гнездышко. Чем дальше он погружался в эти мечтания, тем больше вводил усовершенствований в проект — тут добавил конюшню, там теннисный корт, еще где-нибудь надо устроить лодочную пристань.

«Совсем еще недавно, — думалось ему, — я был беззаботным щенком, которого ничто не волновало, кроме собственных удовольствий. Интересовала меня только гребля, да детективные романы. Когда проходил мимо старосветского деревенского поместья с большим огородом, конюшней, пристанью, удобными комнатами, даже не задумывался о канализации. Как же человек с возрастом взрослеет!»

Интеллигентный читатель уже догадался, что причиной такого направления мыслей была мисс Хезелтайн. Гидеон привел Джулию в дом мистера Блумфилда, и когда почтенный джентльмен осознал, что перед ним стоит униженная и оскорбленная личность, то с присущим ему темпераментом занялся защитой ее прав. Когда человек с его характером приходит в состояние сильного возбуждения, ему необходимо действовать.

— Еще неизвестно, кто из них хуже, — выкрикивал Блумфилд, — старый мошенник или молодой щенок. Я напишу в «Пэлл Мэлл» и пригвозжу их к позорному столбу. Мы должны пригвоздить их к позорному столбу! Это наш общественный долг. Ты ведь сказал, что этот тип из тори. Что? Дядя у них радикал? Тогда нет сомнений, что и он подвергается гонениям. Это, конечно, меняет дело, но не настолько, чтобы я не исполнил свой долг.

Он тут же нашел новое приложение для своей жажды действий. А именно, мистер Блумфилд пришел к выводу, что мисс Хезелтайн необходимо спрятать. Его пассажирская лодка готова принять беженку, как раз пару дней назад она вернулась из очередного похода. Это будет идеальное укрытие.

Отныне каждое утро мистер Блумфилд и Джулия отправлялись в

дорогу в очень раннюю пору, не взирая на резкие порывы холодного восточного ветра. Напрасно умолял Гидеон, чтобы и его взяли в компанию.

— Нет уж, Гидеончик, — говорил ему дядя, — за тобой наверняка следят, ты должен держаться от нас подальше.

Молодой адвокат даже и не пробовал рассеять этих опасений, поскольку предполагал, что, если вся история утратит романтическую ауру, для дяди она сразу станет неинтересной. Сдержанность его была вознаграждена. Поместный радикал, положив руку на плечо племянника, заявил:

— Я понимаю, чего тебе надо, Гидеончик. Но если хочешь добиться руки этой девицы, то должен взяться за работу.

Эти приятные слова способствовали приподнятому настроению нашего юриста в часы ежедневных занятий по курсу права, сопровождали его мечтания в дороге до Хемптон-корт, и даже когда он, сойдя на станции, начал готовиться к предстоящему трудному разговору, голос дяди Неда и глаза Джулии не покидали его ни на минуту.

Но тут неожиданности посыпались как из рукава. Во всем Хемптон-корте не нашлось ни одной виллы Кернол и ни одного графа Тарнова. Это было странно, но, если принять во внимание не полную определенность полученной от клиентов информации, какое-то объяснение можно было себе представить. Мистер Диксон был после хорошего обеда и мог напутать с адресом. Что можно предпринять в такой ситуации разумного, профессионального и по-мужски решительного? — задал себе мысленный вопрос Гидеон и тут же сам себе ответил: телеграмма, и притом предельно лаконичная. Через несколько минут по проволоке уже летело послание следующего содержания: *«Диксону, отель Ленгхэм. Вилла и личность неизвестны, очевидно, адрес ошибочен; приезжаю ближайшим поездом. Форсайт»*. И уже вскоре он вылезал из кэба перед входом в отель, и лицо его по-прежнему выражало деловитость и усиленную умственную деятельность.

Смею предположить, что Гидеон никогда в жизни не забудет про отель Ленгхэм. То, что он не отыскал графа Тарнова, это было еще полбеда, но отсутствие каких-либо следов Джона Диксона и Эзры Томаса озадачило его куда серьезней. В голове у Гидеона бестолково и хаотично закрутились вопросы: в чем дело? что все это значит? что делать дальше? Ответов он не нашел, а посему снова сел в экипаж и поспешил домой. Там он сможет спокойно и без помех осмыслить ситуацию. Гидеон поднялся по лестнице, вставил ключ в замок и открыл дверь с тенью тайной надежды в душе.

В доме было темно. Гидеон знал свою квартиру и помнил, где хранятся

спички. Но, уверенно двинувшись по направлению к камину, он неожиданно наткнулся на что-то очень большое в том месте, где ничего такого находиться было не должно. Когда он выходил из дому, то запер за собой двери и, вернувшись, застал их тоже запертыми, следовательно, никто чужой зайти сюда не мог. Не могла же сама мебель сменить свое положение. И все же вне всякого сомнения что-то тут находилось. В темноте он вытянул перед собой руку. Да, здесь стояло что-то большое, гладкое и холодное.

— Боже милостивый, — воскликнул он, — кажется, это рояль! — И в ту же минуту вспомнил о спичках у себя в кармане. Когда он зажег одну, перед глазами предстал действительно рояль, большой и дорогой инструмент с дождевыми потеками и царапинами непонятного происхождения. Пламя спички отражалось в гладкой поверхности, как звезда в стоячей воде, на противоположной же стене качалась громадная тень странного существа.

Спичка догорела, обжегши Гидеону пальцы, и комната снова погрузилась во тьму. Он дрожащими руками засветил лампу и подошел ближе. Да, сей предмет был самым настоящим роялем и стоял именно там, где никак находится не мог. Гидеон открыл крышку и ударил по клавише. Тишину не нарушил ни один звук. «Со мной все в порядке?» — обеспокоено подумалось ему, после чего он придвинул кресло и стал упорно пытаться извлечь из рояля хоть какой-нибудь звук то быстрыми арпеджио, то сонатой Бетховена, которая (как он помнил с лучших времен) была самым громким творением этого композитора. И ничего. Он дважды ударил кулаком по клавишам. Тишина стояла гробовая.

Молодой адвокат вскочил на ноги.

— Сбрендил, причем капитально, — воскликнул он. — И никто, кроме меня, об этом не знает. Наихудшая из божьих кар.

Пальцы наткнулись на цепочку от часов. Гидеон буквально выхватил часы из кармашка и приложил к уху. Тиканье было слышно отчетливо.

— Похоже, я не оглох, — сказал он себе. — Просто сошел с ума. Окончательно и бесповоротно.

Гидеон затравлено осмотрелся вокруг. Затуманенный взгляд остановился на кресле, в котором недавно восседал мистер Диксон. Рядом на столике лежала недокуренная сигара.

«Нет, это был не сон, — продолжал он размышлять, — но Бог свидетель, что с мозгами у меня не все в порядке. Мне, например, кажется, что я проголодался. А может, это очередная галлюцинация? Надо проверить. Поужинаю как следует в последний раз. Поеду в Кафе Рояль, а

уж оттуда, если придется, прямо в психушку».

Выходя из дому, он задумался, каковы должны быть первые проявления его нового психического состояния? Бросится на официанта? Съест стакан? А когда он сел в кеб и велел вести себя к Николя, вдруг возникло опасение, что такого заведения вообще не существует.

Сверкающий газовыми светильниками вход в ресторан слегка развеял его опасения. С радостью увидел он знакомого официанта, заказ сделал вполне осмысленный, а ужин оказался вполне достойным и съеден был с аппетитом. «Боже праведный, — подумал Гидеон, — неужели еще есть надежда? Может, я поторопился с выводами? Так ли на моем месте вел бы себя Роберт Скилл?» Роберт Скилл (наверно, излишне пояснять) был героем повести «Кто перевел стрелки часов?». В представлении автора это был яркий, живо описанный персонаж, но критически настроенные читатели находили фигуру Роберта малоубедительной. Впрочем, это обычная ситуация с детективными повестями: читатель всегда на порядок умнее автора. На Гидеона, однако, имя Роберта Скилла обычно оказывало чудодейственное влияние, добавляло уверенности и даже отваги. Решено, он должен поступить так, как поступил бы этот необыкновенный человек. Люди часто приходят к подобным решениям. Генерал в трудных обстоятельствах берет пример с Наполеона; попавший в беду священнослужитель взывает к облику святого Павла; писатель перед принятием важного решения вспоминает о Шекспире. В случае Гидеона было ясно одно: Скилл был человеком действия и немедленно предпринял бы какой-то решительный шаг (неважно, какой), а единственным шагом, который приходил сейчас в голову Гидеону, было возвращение домой.

Когда же он этот шаг совершил, воодушевление его покинуло. Снова стоял он, тоскливо взирая на источник своих сомнений. До клавиш дотрагиваться уже не хотелось. Независимо от того, молчали бы они до сих пор или разразились бы звуками труб, призывающих на Страшный суд, решимость Гидеона была утрачена окончательно. «Может это чья-то дурная шутка? — думал он. — Но это была бы очень уж дорогостоящая и слишком изощренная шутка. С другой стороны, чем же еще это может быть, как не шуткой? Конечно, розыгрыш». И тут он как раз заметил нечто, как будто подтверждающее его последние умозаключения: строение из сигар, которое воздвиг Майкл перед уходом из квартиры. «А это еще что? — удивился Гидеон. — Снова какая-то бессмыслица». Он разрушил сигарную пирамиду. «Ключ? Что еще за новости? И зачем поставлено на самом виду?». Он обошел вокруг рояля и обнаружил в нем отверстие. «Ах, так вот от чего этот ключ! Совсем ничего не понятно». Произнеся вслух эти

слова, он вставил ключ в отверстие, повернул и поднял крышку рояля.

Мы поступили бы очень неблагородно, если бы стали здесь описывать ужасные муки, пережитые Гидеоном этой ночью, перечислять все посетившие его безрассудные намерения и приступы отчаяния.

Когда за окном раздались птичьи трели, приветствующие новое утро, Гидеон находился в полном изнеможении. Взъерошенный, с покрасневшими глазами, он сидел в кресле, все еще не решив, что ему делать дальше. Бедняга встал и мрачно посмотрел на окно с приспущенной шторой, за которым на пустой улице в сером утреннем свете все еще поблескивали желтые огоньки непогашенных фонарей. Случаются такие утра, когда кажется, что город проснулся со страшной головной болью. Данное утро именно таким и было. Тем не менее, птичий будильник разбудил в Гидеоне какие-то остатки духа.

«Вот и день настал, — думалось ему, — а я все еще в прострации. Пора с этим кончать». Он запер крышку рояля, положил ключ в карман и двинулся на поиски чашки кофе. Идя по улице, он постоянно обращался к небу с речью, полной страхов, обид и жалоб. Обратиться в полицию, выдать ей труп, расклеить по всему Лондону листы с приметами Джона Диксона и Эзры Томаса, заполнить станицы газет заголовками: «Таинственное происшествие в юридических кругах — мистер Форсайт освобожден под залог» — это был, конечно, выход, и довольно безопасный, но чем больше Гидеон о нем думал, тем меньше он ему нравился. Не получают ли таким образом разглашения факты, не слишком лестные для его репутации? Даже дитя раскусило бы этих мошенников, а он развесил уши как... как последний лопух. Уважающий себя юрист никогда не вступил бы в разговор с клиентами, которые заявили столь странным образом, он же их со всем вниманием выслушал. Ба, если бы только выслушал! С ходу бросился выполнять их поручение, он, новичок в адвокатуре, не спросив совета у опытного коллеги. Он, по сути, взялся за дело, которым положено заниматься частному детективу. И, к сожалению, — тут он в очередной раз покраснел — взял у них деньги.

— Нет, — сказал он сам себе вслух, — вопрос совершенно ясен. Репутация будет полностью похоронена. За пять фунтов я перечеркнул свою карьеру.

Ни один интеллигентный джентльмен, поставленный перед альтернативой: незаслуженная виселица или заслуженный публичный позор, долго колебаться не будет. После трех глотков горячей, сильно пахнущей и мутной жидкости, которую на лондонских улицах принято считать напитком из кофейных зерен, Гидеон принял решение. Он

обойдется без полиции. Должен быть найден другой выход, и для этого придется всерьез влезть в шкуру Роберта Скилла. Что сделал бы он? Как джентльмену следует избавиться от трупа, который попал к нему случайно, без нарушения закона с его стороны? Ему вспомнились известные из литературы или из газет похожие ситуации, в частности, на шумевшая история с неким горбуном. Но подумав, Гидеон решил, что этот способ ему не подходит, не сумеет он прислонить труп к стене дома на углу Тоттенхем-кортроад, не привлекая нездорового интереса прохожих. Мысль запихать тело в камин представлялась физически нереализуемой. Также не стоило брать в расчет варианты с выбрасыванием покойника из окна поезда или с крыши омнибуса. Более реальным казался план с наймом яхты и спусканием трупа за борт, но он для человека со скромными финансовыми возможностями был дороговат. Нанять яхту — дело само по себе не простое, а ведь пришлось бы еще и команду набрать, что уж совсем непреодолимо.

И в ту же минуту Гидеон вспомнил о лодке своего дяди. «Предположим, что некий композитор (скажем, по фамилии Джимсон) не переносит лондонского уличного шума. А ему приходится торопиться с окончанием оперы, нет, лучше оперетты под названием... э-э... «Апельсиновый чай». Музыка Джимсона, молодого маэстро, одного из самых перспективных представителей новой британской школы, энергичный рокот барабанов в первых тактах увертюры и так далее». В голове у Гидеона уже сложился полный образ Джимсона и его музыки. И тогда что может быть естественней приезда Джимсона на лодочную пристань с концертным роялем, где он может снять лодку с пассажирской каютой, чтобы завершить там работу над партитурой «Апельсинового чая». Правда потом будет трудней объяснить его исчезновение и оставленный в лодке пустой внутри рояль. Впрочем, и тут при желании можно что-нибудь придумать. Например, Джимсон не смог справиться с какой-нибудь сложной фугой и в приступе бешенства решил избавиться от свидетеля своей творческой неудачи, спровадив его в речные волны. Психологически это так правдоподобно для современных молодых музыкантов!

— Черт меня побери! Так я и сделаю! — воскликнул Гидеон. — Именно Джимсона мне и не хватало!

Глава одиннадцатая

Маэстро Джимсон

Поскольку мистер Эдвард Хью Блумфилд заявил, что намерен поселиться в окрестностях Мейденхеда, для маэстро Джимсона было естественным обратить свое внимание в противоположном направлении — к Падвик-вилидж. Он помнил, что как-то неподалеку от этой деревеньки видел на реке старую, заросшую водорослями прогулочную лодку на приколе среди зарослей вербы. В те беззаботные времена, когда он плыл по реке под более легальным именем, вид этой развалины затронул в нем какие-то романтические струны. И сейчас, уже почти полностью закончив сочинять свою нынешнюю «легенду», он чуть было не подверг ревизии весь замысел, желая более уподобить его приключениям Роберта Скилла, но, по счастью, остановился все-таки на первоначальном варианте.

Внешне Джимсон выглядел как скромно одетый и воспитанный молодой человек, но обладающий общительным характером, и для него не составило труда разыскать владельца упомянутой лодки. Еще легче удалось уговорить хозяина передать лодку в его временное распоряжение. Плата была установлена почти символическая, действие договора начиналось немедленно по внесению аванса и получению ключа, после чего Джимсон вернулся ближайшим поездом в город, чтобы заняться организацией транспортировки рояля.

— Я вернусь завтра утром. Мне необходимо побыстрее закончить свое сочинение, — заявил он хозяину лодки как можно более уверенным тоном.

Ровно в полдень следующего дня Джимсона можно было увидеть шагающим по дороге из Падвика к Хевиншему. В одной руке он нес корзинку с провиантом, а в другой кожаную папку, содержащую, как следовало понимать, партитуру оперетты «Апельсиновый чай». На дворе стоял сентябрь, в темно-сером небе проносились стайки ласточек, а в оловянном зеркале Темзы отражалась осенняя листва. В Англии это самая благодатная для души пора, и наш композитор, хотя и не лишенный неприятных хлопот, шел посвистывая. Выше по течению от деревни Падвик места можно назвать пустынными. На противоположном берегу взгляд упирается в стену деревьев какого-то частного парка, за их верхушками видны трубы каминов скрытого в парке поместья. Та же сторона, где стоит деревня, поросла вербами. В их зарослях и стояла на

якоре прогулочная лодка, полуразрушенная и полусгнившая, столь кишашая комарами и крысами и так твердо гарантирующая ревматизм решившимся поселиться здесь смельчакам, что сердце самого отчаянного из них могло бы дрогнуть. С берегом лодку соединяла доска, и втаскивая ее на борт, Джимсон испытал чувство, будто он поднимает мост, ведущий к осажденному замку. Местное крысиное население давало о себе знать стуком когтей под палубой и редкими всплесками за бортом. Когда Джимсон со скрипом повернул ключ в двери каюты, картина, представшая перед ним, была не менее удручающей, чем вид снаружи: толстенный слой пыли, запахи нечистот и сырости делали это место мало подходящим даже для настоящего композитора, поглощенного работой над своим творением, что уж говорить о молодом джентльмене, угнетаемом страхами и ожидающем прибытия трупца.

Он сел за стол, расчистил на нем небольшой уголок и принялся за завтрак, принесенный в корзинке. Джимсону по идее полагалось как можно меньше показываться наружу, а то мало ли кого заинтересует его присутствие, стало быть ничего другого не оставалось, как сидеть в этой замызганной каюте. Поскольку он это предвидел, а кроме того, старался сыграть выбранную роль как можно более правдоподобно, то захватил с собой не только письменные принадлежности, но также и нотную бумагу большого формата и в количестве, достаточном для удовлетворения амбиций самого плодовитого композитора.

— А теперь за работу, — бодро сказал он сам себе, утолив голод. — Здесь должны остаться неопровержимые следы творчества этого чертового сочинителя. — После чего смело вывел на первом листе:

«АПЕЛЬСИНОВЫЙ ЧАЙ»

оп. 17

Дж. Б. Джимсон

(в обработке для голоса и рояля)

«Вряд ли они именно так начинают — размышлял Джимсон, — но я ведь не собираюсь писать всю партитуру, а кроме того, мой Джимсон — большой оригинал. Да, было бы уместно посвящение кому-нибудь». И после недолгих раздумий написал:

*«Уильяму Юарту Гладстону его покорный слуга,
композитор».*

«Ну, а теперь не помешало бы и сколько-то нот. Увертюру лучше пропустим, это дело трудное. Сочиним-ка арию для тенора в тональности... о, тут надо бы что-то сверхсовременное, например, семь диезов подряд». Он изобразил вполне профессионально выглядевшие соответствующие знаки на нотном стане, а затем какое-то время в задумчивости приглядывался к кончику пера. Музыканту-любителю, для которого единственным источником вдохновения является чистый лист бумаги, нечасто приходит в голову готовая мелодия, да и выбранная им тональность с семью диезами для неопытного сочинителя представляет определенные трудности. Он отбросил начатый нотный лист («это придаст фигуре Джимсона еще более убедительные черты!»), после чего, в надежде уговорить музу смириться, испачкал еще несколько листов, пробуя разные тональности, но результаты оказались столь мизерными, что это его неприятно удивило. «Странно, — подумал он, — то ли у меня фантазии меньше, чем я думал, то ли просто сегодня неудачный день. Но Джимсон все же должен что-то после себя оставить», — и снова склонился над своим творением.

Между тем, пронизывающий каюту холод начал его донимать. Гидеон прервал свое неблагоприятное занятие и начал, к явному неудовольствию крыс, энергично мерить шагами каюту. Но холод не отступал. «Ерунда какая-то получается — подумал он. — Жаль, но ничего не поделаешь, придется рискнуть, потому что подхватить тут простуду у меня нет ни малейшего желания. Надо отсюда выбираться». Он вышел на палубу и впервые с момента вселения взглянул на реку. И замер в удивлении. На расстоянии в несколько сотен ярдов среди верб стояла на якоре еще одна прогулочная лодка, вся новенькая и чистенькая, как с иголочки. На носу была прикреплена весельная шлюпка, на окнах — белые занавески, а над мачтой развевался флаг. И чем дольше Гидеон приглядывался к этой посудине, тем больше росло его изумление. Ибо сходство ее с лодкой его дяди было поразительным. Более того, можно было бы голову дать на отсечение, что это она и есть, если бы не два обстоятельства. Во-первых, дядя намеревался направиться в Мейденхед; но это можно было объяснить склонностью к непостоянству, столь характерной для мужского менталитета. А во-вторых, и это было главным противоречием, в обычаи мистера Блумфилда не входило вывешивание флагов на стоянках, а если бы вдруг это и произошло, цвета флага были бы другими. Наш поместный радикал, как и большинство джентльменов с истинно мужским характером, набирался жизненной мудрости в коридорах Кембриджа, флаг же над указанной лодкой похвалялся цветами того гнезда консерватизма, колыбели

мягкотелости, изнеженности и пустого щегольства, каким являлся Оксфорд.

И все же сходство было несомненным.

И пока Гидеон предавался созерцанию и сомнениям, двери каюты открылись и на палубу вышла молодая дама. Наш адвокат почувствовал, что ноги у него подкашиваются, и скрылся в своей каюте. Это была Джулия Хезелтайн! В окно он видел, как она спускает на воду шлюпку, садится в нее и плывет в его сторону.

— Все кончено, — пробормотал он и упал в кресло.

— Добрый день, мисс! — послышалось над водой, и Гидеон узнал голос хозяина своей лодки.

— День добрый, — ответила Джулия. — Мы, кажется, знакомы? Ах, да, вы тот самый добрый человек, который разрешил мне рисовать на этой старой лодке.

— Именно так, мисс, — ответил мужской голос. — Но теперь должен сказать, что больше вы там рисовать не сможете. Потому что я ее сдал внаем.

— Сдали внаем? — удивилась Джулия.

— Да, на месяц. Удивительно, правда? Сам не знаю, кому она могла понадобиться.

— Как романтично! — воскликнула Джулия. — И кто же это такой?

Джулия в своей лодке, а хозяин в своей были так близко от Гидеона, что он слышал каждое слово.

— Какой-то музыкант, по крайней мере так он назвался, мисс. Хочет написать лоперу.

— Что вы говорите! Это чудесно. Нужно будет мне вечером подплыть сюда тихонько и послушать, как он импровизирует! А как его зовут?

— Джимсон.

— Джимсон, — повторила Джулия, напрасно роясь в памяти. Впрочем, среди представителей новой английской волны столько разных новых имен, что из них мало кто на слуху, пока не получит дворянского титула. — Вы уверены, что его фамилия звучит именно так?

— Да, я просил его повторить разборчиво. Джимсон его зовут. А лопера его называется... как какой-то сорт чая.

— Сорт чая? — не переставала удивляться Джулия. — Что за странное название для оперы! О чем она может быть? — Гидеон услышал очаровательный смех. — Я постараюсь познакомиться с мистером Джимсоном, уверена, что это очень милый человек.

— Ну что же, мисс, мне пора. Видите ли, я в это время должен уже

быть в Хевершеме.

— Не буду вас задерживать, мистер. До свиданья.

Гидеон сидел в своей конуре, отданный на растерзание собственным мыслям. Вот он сидит тут, прикованный к гниющей посудине, а будет прикован еще крепче привезенным вскоре трупом. Мир же вокруг кипит жизнью, и некоторые молодые девушки мечтают развлечься за его счет. Это означало полный крах, но как раз не это удручало Гидеона больше всего в данную минуту. Его возмутила крайняя легкомысленность мисс Хезелтайн. Кажется, она готова завязать знакомство с первым встречным, без всякой осмотрительности, которой следовало бы придерживаться приличной девушке. Обменивается любезностями с этим деревенщиной-перевозчиком, да еще и этот тип вроде Джимсона ее заинтересовал! Уж не готова ли и на чашку чая его пригласить. И ради такой девушки он, Гидеон... какой удар для мужского сердца!

Грустные размышления были прерваны звуками, которые вынудили его вскочить и плотно прикрыть двери в каюту. Мисс Хезелтайн взошла на палубу лодки. Начатый ей эскиз обещал получиться удачным; судя по тишине, решила она, мистер Джимсон еще не появился. Поэтому можно было воспользоваться случаем и закончить начатую работу. Она уселась на корме, открыла альбом для эскизов и коробку с акварельными красками и вскоре уже что-то напевала, склонясь над своим (как когда-то принято было называть) приличествующим для дамы занятием. Иногда она переставала напевать и пыталась вспомнить те или иные правила, принятые в искусстве рисования, причем правила, характерные для старого доброго времени. Сейчас считается, что мир и его вечное украшение — молодые девушки — существенно продвинулись в сторону изысканности и утонченности; но Джулия обучалась рисованию, скорее всего, под присмотром Питмана и поэтому придерживалась исключительно старомодных принципов.

Тем временем Гидеон стоял за дверями, боясь пошевелиться, боясь вздохнуть, боясь подумать о том, что наступит дальше, словом, испытывая все муки узника, находящегося в буквальном смысле в безвыходном положении. Утешением было лишь то, что вечно так продолжаться не может; что бы ни случилось (пусть даже виселица, как в отчаянии, но видимо, ошибочно, ему предвиделось), все будет избавлением. Возведение в уме чисел в третью степень показалось ему самым удачным способом избавления от угнетающих мыслей, и он предался этому нудному занятию со всей страстью и энергией.

И пока они занимались каждый своим делом — Гидеон сложными вычислениями, а Джулия наложением красок на бумагу — Провидению

угодно было послать в то самое место на той самой реке астматически пыхтящий пароход. Вызванные им волны у обоих берегов вздымались и опадали, заставляя шелестеть прибрежные камыши. Ожила даже старая, забытая Богом лодка, стоявшая неподвижно с незапамятных времен, и заколыхалась на воде, словно корабль в открытом море. Волна уже почти отступила, частые вздохи парохода доносились издалека и были еле слышны, когда громкий вскрик Джулии заставил Гидеона вздрогнуть. Встав на стул и выглянув осторожно в окно, он увидел, что Джулия в отчаянии смотрит, как река уносит по течению ее шлюпку. Начинаящий адвокат (у которого, как нам известно, недостатков хватало) на сей раз проявил быстроту соображения, достойную своего персонажа Роберта Скилла; в мгновение ока он оценил все возможные последствия, мгновенно же соскочил на пол и влез под стол.

Джулия же еще не в полной мере сориентировалась в ситуации. Она понимала, что лишилась шлюпки, и мысль о предстоящем объяснении с мистером Блумфилдом радости не доставляла, но о том, что она оказалась в ловушке, девушка не подозревала, поскольку помнила о доске, связывающей лодку с берегом. Она обошла палубу по кругу и обнаружила, что дверь каюты открыта, а доски на месте нет. Ясно было, что Джимсон пришел и находится где-то на лодке. Видимо, он очень застенчивый человек, раз никак не отреагировал на появление чужого человека в своих владениях. Мысль об этом наполнила ее сердце отвагой. Теперь-то Джимсону придется показаться, уж она его вытянет из укрытия, ведь доска такая тяжелая, что одна она с ней не справится. Джулия постучала в дверь каюты.

— Мистер Джимсон! — позвала она. — Мистер Джимсон, я прошу вас выйти! Вам придется рано или поздно выйти, потому что без вас мне отсюда не выбраться. Ну что за глупости, в конце концов! Я прошу вас! Я вас очень прошу!

Ответа так и не было.

«Если он здесь, то, наверно, не вполне нормальный», — подумала Джулия слегка испуганно. Потом ей пришло в голову, что Джимсон мог поплыть куда-нибудь на шлюпке. «В таком случае мне придется заглянуть внутрь», — решила она, открыла дверь и вошла в каюту. У сидящего под столом, выпачканного непонятно в чем Гидеона замерло сердце.

На столе были остатки трапезы. «Кажется, он любит хорошо поесть. Наверно, очень приятный человек. Интересно, он такой же симпатичный, как мистер Форсайт? «Миссис Джимсон»... — это, пожалуй, звучит не так красиво, как «миссис Форсайт», но Гидеон — это ужасное имя. А вот его

ноты; просто чудесно. «Апельсиновый чай» — ах, так вот что за «сорт чая». Джулия звонко рассмеялась. «Adagio molto espressivo, sempre legato» — прочитала она (Гидеон был неплохо подкован по части композиторской терминологии), — как интересно! Столько комментариев и всего четыре ноты. О, а вот еще «Andante patetico». Потом пригляделась внимательней к нотам. «О Боже! — подумала, — он, видимо, ужасно современный! Одни диссонансы. А что за мелодия? Странно, но она мне кажется очень знакомой». Стала напевать и тут же рассмеялась:

— Та к ведь это же «Пропусти-ка дядю, Том»! — воскликнула она громко, и сердце Гидеона преисполнилось горечи. — Andante patetico! Да он просто обманщик!

В этот момент из под стола раздался странный сдавленный звук, напоминающий кудахтанье курицы, со звонким «а-а-пчхи!» в конце. Вдобавок бедняга треснулся головой о крышку стола, что в свою очередь сопровождалось протяжным стоном.

Джулия мгновенно отпрыгнула к дверям и уже там (подобный инстинкт свойственен только храбрым людям) повернулась, чтобы смело взглянуть в лицо опасности. Никто за ней, однако, не гнался. Звуки из-под стола не прекращались, там чья-то плохо различимая в полумраке фигура корчилась в приступе чихания. И больше ничего.

«Странные манеры у этого человека, — подумала Джулия. — Он явно не из высшего света».

Тем временем конвульсии, сотрясавшие нашего адвоката, способствовали тому, что накопившаяся годами пыль поднялась столбом, а приступ чиха уступил место пароксизму кашля.

Джулию это подвигло на то, чтобы вступить с горемыкой в диалог.

— Мне кажется, что вы серьезно простужены, — сказала она, подходя ближе. — Не нужно меня стесняться, мистер Джимсон. Вылезайте из-под стола, здесь вам будет лучше.

Мистер Джимсон смог ответить только безудержным кашлем. Минутой позднее девушка уже стояла на коленях и их головы едва не стукнулись под столом лбами.

— О Боже! — крикнула Джулия, вскакивая на ноги. — Это мистер Форсайт, он сошел с ума!

— Я не сошел с ума, — понуро заявил Гидеон, переходя в вертикальное положение. — Дорогая мисс Хезелтайн, я готов поклясться чем угодно, что я в здравом уме.

— Вы в здравом уме?! — воскликнула мисс Хезелтайн, с трудом переводя дух.

— Я признаю, что кому-то непосвященному мое поведение может показаться необычным...

— Если вы в своем уме, то как прикажете все это понимать? — На щечках девушки заиграл рассерженный румянец. — Я вижу, что с моими чувствами вы вообще не считаетесь!

— Согласен, черт возьми! Согласен и признаю, что... — забормотал Гидеон, еще не решивший, какую степень искренности он может себе позволить.

— Это было ужасно! — упорно продолжала настаивать Джулия.

— Я понимаю, сколь много я потерял в ваших глазах, — заявил Гидеон. — Но дорогая мисс Джулия, прошу меня выслушать. Мое поведение хоть и может выглядеть несколько странным, тем не менее вполне имеет свое объяснение. Я ни за что в жизни не могу согласиться и не соглашусь утратить уважение девушки, которую я обожаю. Я понимаю, что сейчас не самый подходящий момент для такого признания, и все же повторяю: девушки, которую я обожаю.

Заявление это возымело действие, мисс Джулия успокоилась и почти улыбнулась.

— Ну, ладно, — сказала она, — давайте уйдем из этой ужасно холодной комнаты и посидим на палубе.

Адвокат послушно поплелся за ней.

— А теперь, — сказала она, удобно расположившись на скамье около рубки, — рассказывайте. Я вас слушаю. — Но видя, что стоящий перед ней молодой человек явно не испытывает охоты к объяснениям, неожиданно разразилась смехом. Смеялась она очаровательно. Ее веселый дисканточек летел над водой свободно, как птичья трель, отражался от другого берега и, казалось, естественно вписывался в общую панораму этой живописной местности. Только одно существо в округе внимало этому смеху без тени веселости, и это был ее несчастный обожатель.

— Мисс Хезелтайн! — начал он тоном, в котором можно было различить оттенок укоризны. — Я обращаюсь к вам как человек, желающий вам добра: такое ваше поведение можно расценить как очень легкомысленное.

У Джулии расширились глаза.

— Я не отрекаюсь от своих слов. Уже та свобода, с какой вы беседовали с перевозчиком, больно меня ранила. А уж ваша готовность завязать знакомство с Джимсоном...

— Но ведь это вы и есть Джимсон — попыталась защититься девушка.

— Далеко от того, чтобы это отрицать, но вы об этом не знали. Ну что

для вас мог значить какой-то Джимсон? Кто такой Джимсон? Нет, мисс Хезелтайн, вы ранили меня в самое сердце.

— Честное слово, это уже слишком. Мне просто даже смешно, — ответила Джулия твердо и решительно. — Вы ведете себя совсем уж непонятно, обещали объяснить свое поведение, а вместо этого начинаете на меня нападать.

— Я отдаю себе в этом отчет, — заявил Гидеон. — Признаюсь вам во всем. Когда вы узнаете все обстоятельства, я уверен, что заслужу прощение.

После чего он сел рядом с Джулией и поведал ей обо всех своих злоключениях.

— Ах, мистер Форсайт, — воскликнула она, когда молодой человек закончил свой рассказ. — Мне так вас жаль! И я сожалею, что смеялась над вами, но вы действительно выглядели очень смешно. Но теперь я сожалею, и если бы знала все с самого начала, то ни за что бы не смеялась. — Сказав это, Джулия протянула ему руку.

Гидеон сжал ее руку в своих ладонях и не отпускал.

— И вы после всего не думаете обо мне плохо?

— Из-за того, что вы были столь неразумны, что влипли в такие неприятности? Нет, мой бедный мальчик, конечно, нет. — И под впечатлением минуты Джулия подала ему вторую руку. — Вы можете на меня рассчитывать.

— Правда? — спросил Гидеон.

— Правда, правда.

— Я всегда рассчитывал и буду рассчитывать. Признаюсь, что момент не совсем подходящий, но у меня нет друзей... по крайней мере, таких, которых мог бы назвать настоящими друзьями.

— У меня тоже нет друзей, — сказала Джулия. — Но вам не кажется, что пора вернуть мне мои руки?

— Еще одну минуточку! Пожалуйста! У меня так мало друзей...

— Я полагаю, что это не лучшая похвала для молодого джентльмена, что у него нет друзей.

— Нет, нет! У меня толпы друзей, — воскликнул Гидеон. — Я не то хотел сказать. Понимаю, что момент не подходящий, но если бы вы могли, если бы захотели понять!..

— Мистер Форсайт...

— Не обращайтесь ко мне таким ужасным образом, — умолял адвокат. — Прошу вас звать меня Гидеон!

— Ах, ни за что. Мы так недолго знакомы...

— Ничего подобного, — запротестовал Гидеон. — Мы познакомились уже давно, еще в Борнмуте. Я с тех пор никогда о вас не забывал. Скажите, что вы обо мне тоже помнили. И называйте меня Гидеоном.

— А это не будет слишком легкомысленно... как в случае с Джимсоном?

— Я знаю, что я полный кретин, — почти кричал адвокат, — но мне это безразлично. Пусть я кретин, и вы можете надо мной смеяться, сколько вам угодно. — А когда на губах Джулии появилась улыбка, Гидеон снова обратился к вокальному жанру: — «В стране моих грез...» — запел он, пожирая глазами предмет своего обожания.

— Совсем как в оперетте, — тихо прошептала Джулия.

— И правильно. Или я не Джимсон? Было бы странно, если бы я не смог исполнить серенаду своей любимой. Да, я специально так сказал, моя Джулия. У меня нет ни пенса, я свалил крупного дурака, но, несмотря на все, я хочу добиться тебя. Джулия, посмотри на меня. Неужели ты решишься сказать мне: «Нет»?

Джулия в ответ лишь взглянула на него. Трудно сказать, что именно прочел он в этом взгляде, но можно быть уверенным, что ответ его удовлетворил, поскольку читал он его довольно долго и с удовольствием.

— А дядя Нед даст нам немного денег, и у нас будет на что жить, — нарушил в конце концов молчание Гидеон.

— Что за наглость! — раздался вдруг веселый голос откуда-то сбоку.

Гидеон и Джулия отпрянули друг от друга с необычайной поспешностью. Хотя до объятий дело у них и не дошло, сидели они в очень непосредственной близости. И теперь стояли оба перед мистером Блумфилдом, пунцовые от смущения. Сей джентльмен, проплывая по реке, перехватил упущенную Джулией шляпку и, догадавшись, что произошло, решил застать мисс Хезелтайн, занятую, по его мнению, рисованием, врасплох. К его удивлению в один силок попали сразу две пташки. Сейчас, когда он смотрел на эту пару испуганных, затаивших дыхание голубков, из всей массы распиравших его чувств верх взял инстинкт старого сводника.

— Что за наглость! — повторил он. — Ты, я вижу, полностью уверен в своем дяде Неде. Но я тебе, кажется, не раз говорил, чтобы ты держался подальше.

— Подальше от Мейденхеда, — ответил Гидеон.

— И то правда, — признал мистер Блумфилд. — Видишь ли, я решил, что лучше, если ты не будешь знать нашего адреса. Эти мерзавцы, братья Финсбюри, наверняка бы его у тебя выпытали. И этот поганый флаг я вывесил, чтобы сбить их со следа. Но это ладно, Гид, ты ведь обещал мне,

что займешься делом, а я застаю тебя лоботрясничающим в Падвике.

— Прошу вас не сердиться на мистера Форсайта, — вступила в разговор Джулия. — У него ужасные неприятности.

— Что еще, Гид? — спросил дядя. — Подрался или залез в долги?

По убеждению поместного радикала, это были два единственных несчастья, которые могли постигнуть джентльмена; оба имели место в его собственной биографии. Однажды он неосмотрительно подписал вексель своего приятеля, и это обошлось ему в кругленькую сумму, а приятель потом долго ходил, умирая от страха встретить за углом мистера Блумфилда с его дубовой палкой. Что касается драки, то наш радикал был всегда к ней готов. Как-то раз, когда он (в ранге председателя клуба радикалов) вышвырнул из зала своих оппонентов, дело зашло даже дальше. Некий мистер Холтум, кандидат от консерваторов, прикованный долгое время к больничной кровати, готов был признать под присягой, что был избит «этим грубияном», а поскольку чувствовал, что близок его конец, то собирался придать этому утверждению вид официального предсмертного заявления. Поэтому наш радикал был чрезвычайно рад, когда узнал, что мистер Холтум в полном здравии вернулся в свою пивоварню.

— Гораздо хуже, — стал объяснять Гидеон. — Фатальное стечение совершенно невероятных обстоятельств. Похоже на то, что какая-то банда убийц решила использовать меня, чтобы замести следы. Как вы, дядя, сами увидите, во всей этой истории существенно то, что я учусь на адвоката, — и он второй раз за день вынужден был описать все перипетии, связанные с появлением концертного рояля.

— Я напишу об этом деле в «Таймс»! — воскликнул мистер Блумфилд.

— Вы хотите, чтобы меня вообще из адвокатов выгнали?

— Исключено! Не пори чушь, не может быть, чтобы до этого дошло. Правительство у нас сейчас вполне приличное, либеральное, и они мою просьбу без внимания не оставят. Слава Богу, времена тори остались в прошлом.

— Дядя, это не поможет.

— Ты совсем голову потерял! Все еще собираешься сам от трупа избавляться?

— Не вижу другого выхода.

— Полная чепуха, — заявил дядя, — и я не хочу больше об этом слышать. Я категорически настаиваю, чтобы ты воздержался от любых действий, связанных с этой аферой.

— Чудесно! Я передаю это дело вам, и можете делать с трупом все, что

считаете правильным.

— Упаси меня Бог! — запротестовал председатель клуба радикалов. — Я с этим не хочу иметь ничего общего!

— В таком случае позвольте мне самому решить, как поступать, — сказал племянник. — Поверьте, я нутром чую, что надо делать в такой ситуации.

— Можно подбросить труп клубу консерваторов, — предложил мистер Блумфилд. — Там и так гнездо заразы. Это скомпрометирует их в глазах избирателей, а нам даст возможность развернуть мощную кампанию в местной прессе.

— Ну уж нет, дядя. Или вы хотите нажать на этом политический капитал? Тогда я предоставляю покойничка в ваше полное распоряжение.

— Нет, нет, Гид, что ты. Я просто подумал, что неплохо было бы так сделать. Но сам я к этому рук не приложу. Более того, я считаю, что наше с мисс Хезелтайн присутствие здесь далее абсолютно невозможно. Нас может кто-нибудь увидеть, — добавил он, оглядываясь на реку. — Мое же положение в обществе таково, что моим сторонникам это может сильно навредить. А кроме того, пора ужинать.

— Что? — изумился Гидеон, доставая часы. — И в самом деле! Боже мой, ведь рояль уже давно должен быть тут!

Мистер Блумфилд как раз усаживался в свою шлюпку, но, услышав эти слова, остановился.

— Я сам видел, как его доставили на станцию, — объяснил адвокат. — Даже извозчика нанял; у него еще какие-то дела там были, но обещал, что будет здесь не позже четырех. Наверняка рояль уже открыли и труп обнаружили.

— Тогда надо срочно удирать отсюда, — заявил мистер Блумфилд. — Это единственный выход, и любой мужчина это признает.

— Да, но предположим, что все в порядке, — в отчаянии воскликнул Гидеон. — Допустим, что рояль привезут, а меня здесь не будет. Кто его получит? Я сам своей трусостью себя погублю. Дядя, нужно разузнать в Падвике. Мне там нельзя появляться, а вам можно. Вы бы покрутились около полицейского участка, а?

— Нет, Гид, нет, дорогой мой племянник, — заявил мистер Блумфилд тоном человека, понуждаемого сунуть голову в пасть зверя. — Я тебя люблю всей душой, и, слава Богу, я рожден англичанином, и вообще... но с полицией я дела иметь не хочу.

— Так вы меня покидаете? Тогда прямо так и скажите.

— Я просто предлагаю соблюдать осторожность, — возразил мистер

Блумфилд. — Настоящий англичанин, дорогой мой, всегда должен руководствоваться здравым смыслом.

— Может, позвольте и мне кое-что сказать? — спросила Джулия. — Мне кажется, будет лучше, если Гидеон уйдет с этой ужасной лодки и подождет вон там, в кустах. Когда рояль привезут, он может оттуда выйти и получить его; если же явится полиция, он может проскользнуть на нашу лодку, а там ему уже не нужно быть мистером Джимсоном. Он ляжет в постель, а мы сожжем его одежду, и все тогда будет в порядке. Вы, мистер Блумфилд, такой известный человек и таким уважением пользуетесь, что никому и в голову не придет, что вы можете быть замешаны в какой-то афере.

— Эта молодая леди рассуждает очень здраво, — заявил поместный радикал.

— Я и сама не считаю себя дурочкой, — не стала скромничать Джулия.

— А что будет, если не будет ни рояля, ни полиции? — спросил Гидеон.

— А тогда, — сказала Джулия, — когда стемнеет, вы, Гидеон, пойдете в деревню. Я могу вас сопровождать и уверена, что никто нас ни в чем не заподозрит, а если даже и так, я скажу, что тут какое-то недоразумение.

— Я этого не позволю. Не позволю вам, мисс, никуда идти, — решительно вмешался мистер Блумфилд.

— Почему? — спросила Джулия.

Но мистер Блумфилд вовсе не собирался объяснять причину своего несогласия. Не мог же он сознаться, что просто боится остаться один на один со столь двусмысленной ситуацией. И, как часто поступают люди, стараясь замаскировать свое смущение, решил прибегнуть к высокому стилю.

— Дорогая мисс Хезелтайн, да спасет меня Бог от столь недостойной мысли, чтобы указывать настоящей даме, как ей следует...

— Ах, только в этом дело, — прервала его Джулия. — В таком случае пойдем все втроем.

«Влип», — подумалось нашему радикалу.

Глава двенадцатая

Концертный рояль появляется в последний раз

Англия считается немзыкальной страной; не рассуждая, однако, о популярности шарманщиков, не выдвигая никаких доводов насчет обилия в этой стране барабанов, беремся утверждать, что существует один инструмент, который вне всякого сомнения можно назвать народным.

Всякому приходилось слышать, как кто-то упражняется на фортепьяно, на скрипке, на кларнете, но начинающий музыкант, играющий на свирели, никому не заметен. Его слышно только тогда, когда он уже достиг определенных успехов в своем деле. Провидение хранит человеческий слух от первых попыток извлечения звуков в верхней октаве.

Поэтому трудно не удивляться тому, что происходило на зеленой лужайке недалеко от деревни Падвик. На козлах багажной повозки сидел щуплый, светловолосый, скромного вида паренек. На коленях у него покоились вожжи, кнут лежал сзади. Лошадь шла себе вперед не управляемая и не подгоняемая. Кучер же (а может быть, его помощник), отрешившись от земных забот, вознесся духом в высокие сферы, взгляд устремил в небеса, а все внимание сосредоточил на свирели, из которой пытался извлечь мелодию песенки «О пахаре». Слушатель, нечаянно оказавший на этой лужайке, удовольствия бы явно не получил. Вот вам и начинающий свирельщик!

Светловолосый парнишка (имевший фамилию Харкер) повторял мелодию уже раз в девятнадцатый, когда обнаружил, что он тут не один.

— Замечательно! — обратился к нему мужской голос со стороны дороги. — Именно о таком исполнении я всегда мечтал. Разве что можно чуточку помягче, — как бы в размышлении предложил голос. — А ну, давай еще разок!

Сконфуженный Харкер посмотрел на говорящего. Он увидел крепкого, загорелого, гладко выбритого мужчину, вышагивающего рядом с повозкой походкой профессионального унтер-офицера и помахивающего веточкой в такт мелодии. Костюм его выглядел изрядно потрепанным, но чистым, а выражение лица — уверенным.

— Я только начинаю учиться, — выдавил из себя Харкер, заливаясь румянцем. — Не думал, что кто-то меня слышит.

— Ничего себе! — заметил мужчина. — Поздновато начинаешь. Позволь, я покажу тебе, как это делается. Подвинься, я сяду рядом.

Вскоре мужчина войсковой наружности уже восседал на козлах с инструментом в руках. Он профессиональным жестом встряхнул его, приложил к губам, какое-то время выждал, как бы советуясь с музой, а затем над лужайкой зазвучала мелодия песенки «Девушка, которая меня ждет». Исполнителем он был скорее громким, чем искусным. Не хватало ему богатства тонов, присущего птичьему пению; всей прелести песенки «Цветок вишни» он бы наверняка не передал. Он не опасался резкости звучания, напротив, даже демонстративно ее подчеркивал, зато в смысле зажигательности, скорости, точности и плавности исполнения ему не было равных. Не говоря уже о выразительных взглядах, искоса бросаемых на единственного слушателя, что полностью компенсировало все огрехи исполнения. Харкер внимательно слушал. «Девушку, которая ждет» он выслушал в сильном расстройстве, после же «Солдатской радости» зависть его покинула, а остался только энтузиазм.

— А теперь ты, — сказал спутник, протягивая ему пищалку.

— О нет, после вас ни за что! — воскликнул Харкер. — Вы настоящий музыкант.

— Что ты, такой же любитель, как и ты. У меня один стиль, у тебя другой, и мне, кстати, твой стиль больше нравится. Просто я давно начал, еще пацаном, когда и вкуса-то толком не имел. Вот поживешь с мое, будешь и ты на этой дудке играть, как на кларнете. Ну-ка, сыграй еще раз ту штучку. Как она там? — спросил незнакомец, как бы стараясь вспомнить мотив «Пахаря».

Безумная надежда зажглась в сердце Харкера. Неужели это возможно? Неужели и его игра может кому-то понравиться? В самом деле, иногда и ему самому казалось, что его свирель звучит просто замечательно. Может, он гений? А тем временем его новоиспеченный приятель пробовал одну за другой разные мелодии.

— Нет, — сказал несчастный Харкер, — здесь не совсем так. Вы позвольте, я покажу. — Он приложил дудку к губам, и мелодия рванулась навстречу беде. Когда он сыграл ее раз, потом другой, потом третий, когда незнакомец попробовал еще раз, и снова у него не вышло, когда, наконец, Харкер осознал, что он, сопливый дебютант, по сути дела, дает урок настоящему флейтисту, а у флейтиста особых успехов не наблюдается — никаких слов не хватит, чтобы описать тот ореол славы, который взошел над осенним пейзажем. Как передать читателю — разве что он сам флейтист-любитель — до каких высот тщеславия вознесся наш возница?

Отметим лишь один факт, четко характеризующий ситуацию: с этого момента играл только Харкер, а спутник слушал и похваливал.

Но при этом он не забывал о полезной воинской привычке соблюдать осторожность и поглядывал внимательно то вперед, то назад. Определял на глазок ценность грузов на повозке, пробовал отгадать, что находится в пачках из плотной коричневой бумаги и в большой корзине, а концертный рояль отметил для себя, как вещь «сложную для сбыта».

Неподалеку от дороги, на краю лужайки он заметил сельскую корчму с клумбой красных роз перед ней. «Посмотрим, что за место», — решил он, а вслух предложил Харкеру зайти «пропустить стаканчик».

— Но я не пью, — начал было сопротивляться Харкер.

— Слушай, парень, — прервал его приятель, — я тебе скажу, кто я такой. Я сержант-знаменосец Бренд из полка Бланкз. И этого достаточно, чтобы понять — пьющий я человек или нет?

«Может да, а может нет», — мог бы в этом месте вступить греческий хор и продолжил бы далее, что эти слова еще не объясняют, почему сержант-знаменосец шляется по деревенским лугам-дорогам в лохмотьях, и еще, возможно, добавил бы, что он вынужден был однажды воинскую службу на благо страны оставить, и все это время между армией и встречей с Харкером провел в тесном помещении с решетками на окнах. Но греческого хора не было, мужчина же с военной выправкой объяснил недотепе, что одно дело пить, а другое — опрокинуть с приятелем стаканчик.

«Под голубым львом», поскольку именно так называлась корчма, корнет познакомил своего нового приятеля, мистера Харкера, с целым набором полезных смесей, употребление которых позволяет пить, но не напиваться. Он объяснил, что подобный навык совершенно необходим в армейской службе, чтобы уважающий себя офицер был всегда способен отдать рапорт начальнику, а на смотре не посрамить честь корпуса. Самая действенная из смесей получалась в результате доливания в полкварти темного легкого пива одной рюмки лондонского джина. Этот рецепт мы рекомендуем и интересующимся читателям, которым он, возможно, окажется полезным и на гражданке. Последствия же употребления этого напитка мистером Харкером были просто потрясающими. Взгромоздиться на собственную повозку он без посторонней помощи не сумел, а когда наконец оказался на козлах, ограничил свои действия демонстрацией хорошего настроения и привязанности к музыке, сопровождая это взрывами громкого смеха, которым охотно вторил сержант, а также извлечением беспорядочных звуков из своей пищалки. Бравый сержант тем

временем постепенно завладел вожжами. Не было никаких сомнений, что всем английским дорогам он предпочитал самые безлюдные, поэтому на оживленных трактах этой повозки нельзя было встретить. Она громыхла по заросшим травой проселкам, петляющим среди редких кустарников и деревьев, прячась от посторонних глаз в их тени. Кроме того, он не оставлял своими заботами мистера Харкера, поскольку, когда повозка проезжала мимо очередной корчмы (а это случалось не раз), сержант лично слезал с козел и, разжившись новой бутылкой, вновь трогался в путь. Без карты этой части графства Миддлсекс невозможно описать сложный маршрут сержанта, а мой издатель не дал согласия на такое увеличение стоимости издания. Могу только сказать, что вскоре после того, как стемнело, фура остановилась на лесной дороге. Сержант снял с нее бездыханное тело Харкера и аккуратно положил его на придорожную траву.

«Вряд ли придет в себя до рассвета», — подумал он про себя. Затем обыскал карманы спящего, нашел в них семнадцать шиллингов и восемь пенсов серебром, затем, забравшись снова на повозку, погнал ее вперед.

«Было бы неплохо выяснить, где я нахожусь, — размышлял наш унтер-офицер, — ага, вот поворот». Он повернул и оказался у берега реки. Неподалеку весело сверкали огни прогулочной лодки, а еще ближе, так близко, что нельзя было не заметить, оказались три фигуры — дама и два джентльмена, идущие в его сторону. Бренд доверился сумраку и поехал им навстречу. Один из джентльменов, плотный мужчина, шел по середине дороги. Подойдя ближе, он поднял палку, предлагая повозке остановиться.

— Простите, сэр, вы не встречали здесь почтовой фуры?

Было темно, но корнету показалось, что тот из мужчин, что посубтильнее, сделал движение, как будто хотел прервать своего спутника, но поняв, что не успеет, отодвинулся в сторону. В другой ситуации Бренд, может, и придал бы этому значение, сейчас же он слишком был занят мыслями о собственной безопасности.

— Почтового фургона? — переспросил он неуверенным голосом. — Нет, сэр, не встречал.

— Понятно, — принял к сведению спрашивающий и посторонился, пропуская повозку с корнетом. Дама присматривалась к повозке с явной заинтересованностью; второй же мужчина держался в тени.

«Черт его знает, что у них на уме», — подумал корнет и, оглянувшись, увидел, что тройка сгрудилась посреди дороги и о чем-то совещается. Бывает, что даже самые геройские солдаты не оправдывают своей репутации, и страх иногда закрадывается в сердце любого смельчака. Слово «сыщик» сорвалось с уст корнета, и он, не щадя кнута, погнал

прибрежной дорогой в направлении Большого Хевершема, пустив почтовую клячу в галоп. Блеснули и погасли огни прогулочной лодки, понемногу удалялся и вскоре совсем затих топот копыт. Трое над берегом снова оказались в полной тишине.

— Странная вещь, конечно, — воскликнул «тонкий» джентльмен, — но ведь это та самая фура.

— А я заметила рояль, — заявила дама.

— Да, это, несомненно, та самая повозка, только кучер другой.

— Может быть тот самый, мой Гидеон, может быть, — кивнул крупный мужчина.

— Тогда почему он удрал? — спросил Гидеон.

— Наверно, лошадь понесла, — предположил поместный радикал.

— Чепуха! — возразил Гидеон. — Я слышал, как он щелкнул кнутом. Неимоверно. Это выше человеческого понимания.

— Я вот тут подумала, — сказала девушка, — он свернул за угол... А если нам пойти... как это в книжках пишут... по его следам? Может там есть какое-нибудь жилье, может кто-нибудь его видел?

— Конечно, мы можем это сделать, хотя бы для развлечения, — поддержал ее Гидеон.

Развлечение, а скорее даже удовольствие для Гидеона заключалось в близости мисс Хезелтайн. Дядя Нед, для которого эта радость была недоступна, с самого начала всю затею не одобрял, а когда он представил, что ему предстоит плутание в кромешной тьме по лесной дороге с канавами по обеим сторонам, где нет ни единой живой души, наш радикал приостановился.

— Не морочьте мне голову, в этом нет никакого смысла, — заявил он.

На смену затихшему стуку копыт вдруг пришел другой, непонятный звук.

— Это еще что? — воскликнула мисс Джулия.

— Понятия не имею, — ответил Гидеон.

Старик вытянул перед собой палку как рапиру.

— Гид! — строго сказал он. — Гид, я...

— Ах, мистер Форсайт! — крикнула девушка. — Ни шагу дальше. Вы же не знаете, что там. Это может быть что-то ужасное!

— А хоть бы и сам дьявол, — рванулся вперед Гидеон. — Я должен проверить.

— Гид, осторожнее, — напутствовал его дядя.

Молодой человек начал приближаться к источнику звуков явно зловещего характера. Это было нечто среднее между мычанием коровы,

ревом корабельной сирены в тумане и комариным писком, а регулярность их повторения еще усиливала впечатление. У края канавы лежало что-то темное, по форме напоминающее человеческое тело.

— Это человек, — подтвердил Гидеон, — это просто человек. Похоже, спит, поскольку храпит. О-ла-ла! Что-то с ним не то, просыпаться не хочет.

Гидеон достал спички и в их свете распознал светловолосую голову Харкера.

— Так это же наш возница, пьяный в стельку. Теперь мне все ясно. — И, когда его спутники подошли ближе, представил им свою версию происшедшего, весьма близкую к истинной.

— Пьяная скотина! — заключил дядя Нед. — Сдадим его в кутузку, пусть получит по заслугам.

— Ничего подобного, — запротестовал Гидеон. — Никто не должен видеть нас вместе. Более того, я ему чрезвычайно благодарен, потому что произошло наилучшее из того, что могло случиться. Мне кажется, дядя, что я, наконец, от него избавился.

— От кого? — спросил поместный радикал.

— От наваждения! — крикнул Гидеон. — Этот осел украл повозку вместе с покойником. Что он будет делать с трупом, меня не касается, я и знать не хочу. У меня руки развязаны. Джимсона больше нет. К черту Джимсона. Дядя, дай мне руку. Джулия, любимая, я...

— Гидеон! Гидеон! — призвал его к порядку дядя.

— Но, дядя, что же в этом зазорного, если мы скоро поженимся. Вы же сами сказали там, на лодке.

— Я сказал? — изумился дядя Нед. — Я уверен, что ничего такого не говорил.

— Умоляй его! Скажи ему, что он говорил, вызвай к его сердцу, — бросился Гидеон к Джулии. — На него можно всегда положиться, если его тронешь.

— Милый мистер Блумфилд, — начала Джулия. — Я уверена, что Гидеон возьмется за ум и будет изучать право. Я сама за этим прослежу. И вы же знаете, как это положительно влияет на молодых людей, так все говорят. Хотя я признаю, что у меня за душой ни пенса... — она в смущении замолкла.

— Моя дорогая леди, как вам уже этот негодник сказал на лодке, у дяди Неда денег хватает, и он ни на минуту не забывает о том, как бессовестно вы были обмануты. Пока никто не видит, лучше будет, если ты поцелуешь своего дядю Неда. Слушай, ты, лоботряс, — продолжил дядя Нед, когда церемония состоялась. — Эта прелестная мисс станет твоей,

хотя ты этого и не заслуживаешь. А теперь возвращаемся на лодку — и в город.

— Чудеса! — воскликнул Гидеон. — А утром не будет и следа от лодки, Джимсона, почтовой фуры и рояля. Когда Харкер утром проснется, решит, что это ему приснилось.

— Однако, — заметил дядя Нед, — есть еще один человек, который проснется в другом настроении. Этот тип с повозкой убедится, что одурачил сам себя.

— Дядя Нед! Джулия! — снова воскликнул Гидеон. — Я счастливейший человек на свете, сердце у меня из груди чуть не выскакивает, на ногах крылья выросли. Все мои беды кончились. Джулия моя. Разве время сейчас для злопыхательства? Меня обуревают только добрые чувства. И я кричу: да поможет ему Бог!

— Аминь! — добавил дядя Нед.

Глава тринадцатая

Злоключения Морриса, часть вторая

Во времена, когда литература была поистине изящным искусством, я не решился бы здесь возвращаться к проблемам Морриса, но наш рассказ идет в ногу с веком: мораль и нравы, представленные в нем, часто заслуживают самого сурового осуждения. Если же вдруг окажется, что повествование сие позволит хотя бы одному благородному, но неопытному джентльмену не сбиться с пути истинного (например, на политическом поприще), труд наш можно считать не напрасным.

Мы застаем Морриса ранним утром после ночи, проведенной вместе с Майклом. Это было пробуждение человека, попавшего в черную полосу неудач, после тяжелого и глубокого сна без сновидений. Он обнаружил, что руки у него дрожат, покрасневшие веки разлипаются с трудом, горло пересохло, а инстинкт утоления голода полностью парализован. «Бог свидетель — о еде даже думать противно», — подумал он. Одеваясь, Моррис снова размышлял над своей ситуацией под разными углами зрения.

Предпринятый обзор всех проблем и неприятностей подтвердил, что бурный поток событий несет его неведомо куда. Для удобства читателя мы попытаемся перечислить эти проблемы в некоторой последовательности, но в мозгу нашего героя они беспорядочно клубились, как облако пыли, взметенное смерчем. Упорядочивая их по пунктам, мы должны признать, что каждая из них могла бы служить сюжетом для отдельной приключенческой повести.

Проблема первая: куда делся труп (или тайна Дента Питмана)? Вне всякого сомнения, этот тип был одной из грознейших фигур преступного мира. Честный человек не предъявил бы к оплате чека; тот, кто не лишен человеческих чувств, не отнесся бы столь хладнокровно к ужасному содержимому бочки; только аморальная личность способна украдкой от него избавиться. Из всего сказанного неотвратимо вытекало, что Питман был поистине чудовищем. «Наверняка уже спрятал тело где-нибудь в кухне под полом, — думал Моррис, припомнив читанную когда-то детективную повесть. — Негодяй этот, сейчас, видимо, роскошествует на украденные деньги. Пока все тихо, и поводов для беспокойства нет. Но, учитывая привычки людей вроде Дента Питмана (который, ко всему прочему, был, скорее всего, еще и горбатым), восемьсот фунтов можно легко прокутить за

неделю. И когда деньги кончатся, что предпримет Питман?» Дьявольский голос в душе Морриса отвечал: «Начнет меня шантажировать».

Проблема вторая: обман с *тонтиной*, или жив так дядя Мастерман или нет? Вопрос этот, с которым Моррис связывал все свои надежды, все еще не был ясен. Он пробовал запугать Тину, пытался ее подкупить — ничего не вышло. Конечно, у него, у Морриса, есть моральные принципы, но ловкого брата-адвоката высокой моралью не пошантажируешь. Кроме того, после разговора с Майклом эта идея Моррису разонравилась. Можно ли вообще шантажировать Майкла? И сумеет ли он? Очень сомнительно. И даже не потому, что он Майкла побаивается, — на такое самоутешение Моррис был еще способен — но надо иметь твердую почву под ногами, а он — на что он может опереться? Насколько же в жизни все сложнее, чем в книгах! Если бы дело происходило в романе, он прежде, чем взяться за дело, встретился бы на Оксфорд-роад с угрюмым, сутуловатым типом, вступил бы с ним в сговор, и уж тот-то знал бы, что делать. Например, пробрался бы ночью к Майклу в дом и обнаружил бы там вместо дяди восковую куклу; потом, правда, он бы Морриса либо шантажировал, либо просто пришел. А в жизни Моррис может сколько угодно кружить по улицам Лондона, пока не свалится от усталости, и ни один, самый завалящий уголовник даже не взглянет в его сторону. Впрочем, не стоит преувеличивать: ведь есть еще Питман!

Третья проблема: избушка в Браундине, или сообщник, который не получил обещанной награды.

Ведь у него есть сообщник, который сидит забытый в сырой халупе посреди Хемпшира с пустым кошельком. Как с этим быть? Надо бы ему что-нибудь послать, хотя бы перевод на пять шиллингов, чтобы убедился, что о нем не забыли, и смог бы купить себе пива и табаку. «Но что я могу поделать?» — грустный Моррис обследовал свои карманы, где обнаружилось полкроны и сколько-то медяков. Для человека в его ситуации, спорящего со всем миром, неопытного в таких делах, впутанного в какую-то необыкновенно хитрую аферу, даже такая сумма была недоступна. «Джону придется как-то выкручиваться самому, другого выхода нет. Но в таком случае, — спросил внутренний голос, — как долго он еще вытерпит?»

Наконец, четвертая проблема: продолжать торговлю кожами или ликвидировать дело? В этом вопросе у Морриса никакой новой информации не было. В конторе он так пока и не решился появиться, но понимал, что тянуть больше нельзя, и если бы даже какие-то сомнения на этот счет оставались, вчерашние намеки Майкла звучали слишком зловеще,

чтобы о них не помнить. Похоже, что ему придется в офис заглянуть, но что он там будет делать? Права подписи у него нет, и как бы ни старался, подделать ее он не сможет. Так что наличных ему добыть не удастся. А когда наступит критический момент, когда любопытные взгляды начнут обшаривать каждый уголок и следить за каждым его движением, рано или поздно встанут два вопроса, на которые он ответить не сможет. Где мистер Джозеф Финсбюри? И что это за странный визит в банк? Спрашивать легко. А вы попробуйте-ка ответить! Человек, которому подобные вопросы задают — уже кандидат на то, чтобы угодить в тюрьму, да что там! — на виселицу. Моррис постарался прогнать эту мысль из головы и даже отложил бритву. «Итак, у нас налицо: бесследное исчезновение драгоценного дядюшки (как выразился Майкл), а также необъяснимое поведение самого кузена, который перед тем семь лет никаких братских чувств не проявлял. А ведь вероятность судебной ошибки не исключена! Ну уж нет, — мысленно возмутился он, — убийство они мне не пришьют, уж это увольте! Впрочем, откровенно говоря, в уголовном кодексе уже не осталось преступления, кроме разве что поджога, в котором меня нельзя было бы обвинить. А ведь я абсолютно честный, законопослушный человек и не требую ничего, кроме того, что мне причитается. Право — это очень противоречивая вещь».

Придя к такому выводу, Моррис, не закончив бриться, спустился в холл и обнаружил в почтовом ящике письмо, почерк на котором был ему хорошо знаком. «А вот и Джон объявился! Ни раньше, ни позже. Уж он-то мог бы меня пощадить», — с грустью подумал Моррис в явном противоречии со своими же недавними покаянными мыслями, но конверт вскрыл.

«Дорогой Моррис! — гласило послание. — Что ты там себе, дьявол тебя поберет, думаешь!? Я сижу в этой жуткой дыре, залезаю в долги, а окружающим это сильно не нравится. И не зря, потому что по мне видно, что я нищий. У меня даже постельного белья нет, ты только подумай. Должны же у меня быть хоть какие-то гроши, а то это просто издевательство. Я этого не потерплю, да и никто бы не стерпел. Давно бы уже съехал, да на билет денег нету. Ты там часом с ума не сошел? Видимо, не представляешь себе, каково мне тут. Даже марку мне дали в долг. Ей Богу. Твой верный брат Дж. Финсбюри».

«Мог бы и повежливей написать, — заключил Моррис, засовывая письмо в карман и выходя из дому. — Чем я ему помогу? Придется на парикмахера тратиться, сам побриться не могу, такой взвинченный. Где я

ему денег возьму? Конечно, ему несладко, но он что себе воображает, что мне тут жареные голуби в рот влетают? Одно утешение, что смыться оттуда он не может. Нехорошо так думать, но ситуация у него, как у покойника. Жалуется? Ха! Он не слышал еще о Денте Питмане! Если бы он влип, как я, тогда бы, может, имел право жаловаться».

Впрочем, Моррис понимал, что его возражения несправедливы, во всяком случае, не вполне справедливы; в душе его происходила борьба. Он не мог не признать, что братец Джон сидит в Браундине в кошмарных условиях, лишенный новостей, денег, постельного белья, общества и развлечений. Побрившись и быстро проглотив что-то на завтрак в ближайшем кафе, Моррис решил пойти на определенный компромисс.

— Бедняга Джон! — сказал он себе. — Он попал в западню. Денег я ему послать не могу, но я знаю, что я сделаю: пошлю ему свежие газеты, это его немного взбодрит. И потом ему проще будет получить кредит, если увидят, что он какие-то посылки получает.

Сказано — сделано. По дороге в контору (куда он, как человек бережливый, отправился пешком) Моррис купил экземпляр дешевого иллюстрированного еженедельника, потом после некоторого колебания, добавил к нему еще несколько изданий. И Джону будет что почитать, и у Морриса совесть успокоится...

В награду за добрые дела в офисе его ждали хорошие новости. Начали поступать заказы; неожиданно возник спрос на некоторые залежалые виды кожевенного сырья, и цена на них резко подскочила. Моррис, который уже начал забывать, что добрые вести в природе бывают, чуть не расплакался, как малый ребенок. Во всяком случае, он прижал к груди своего заместителя, бледного человечка с вечно поднятыми бровями, и был готов премировать (хоть бы скромной суммой) каждого сотрудника. Ангельский хор пел в его душе, когда он сел за свой стол и занялся разборкой почты. Этот старенький бизнес еще способен приносить прибыль!

И в эту благословенную минуту в офисе появился некий мистер Роджерсон, кредитор, от которого не ожидали, что он будет настаивать на немедленной уплате долга, поскольку он имел с фирмой давние и регулярные отношения.

— Ах, Финсбюри, — сказал пришедший с некоторым смущением. — Я решил, что должен вас уведомить, вы понимаете, сейчас трудно с наличными, пришлось мне один вексель... вы понимаете, все сейчас жалуются и короче говоря...

— В обычаях нашей фирмы никогда не было, мистер Роджерсон... — начал было Моррис, побледнев, — но только прошу дать мне время,

посмотрим, что сможем сделать, и надеюсь, что к вечеру мы будем в состоянии перевести что-то на ваш счет.

— Да, но дело в том, что... — попытался объяснить Роджерсон. — Меня соблазнили. Вексель уплыл из моих рук.

— Уплыл из ваших рук? — повторил Моррис. — Это не вполне корректно по отношению к нашей фирме.

— Но я получил всю сумму, не сходя с места, все сто процентов.

— Всю сумму? — воскликнул Моррис. — Это неслыханно, чтобы кто-то выкупал вексель за полную стоимость. И кто же это такой?

— Я его не знаю. Его фамилия Мосс.

«Еврей, конечно, — размышлял Моррис, когда Роджерсон ушел. — И зачем ему вексель на такую сумму от нашей фирмы? Величина долга свидетельствовала лишь о расположенности к нам мистера Роджерсона», — Моррис был вынужден это признать. Но сейчас она говорит и кое о чем другом, а именно о том, что некий Мосс был в этом векселе заинтересован. Почему? Получалось, что к загадке Питмана добавилась еще и загадка Мосса.

— И это сейчас, когда все начало так удачно складываться! — воскликнул Моррис, стукнув кулаком по столу. И почти сразу же ему было доложено о приходе мистера Мосса.

Мистер Мосс оказался пожилым крючкотвором с импозантной внешностью, постоянной усмешкой на лице и с раздражающей вежливостью. Он был явно кем-то подослан, в обстоятельствах дела не ориентировался, знал только, что его клиент хотел, чтобы вопрос был обязательно урегулирован. При этом, если мистер Финсбюри пожелает, чек может быть с отложенной датой платежа, пусть даже на два месяца.

— Но я ничего не понимаю, — жаловался Моррис. — Зачем вам понадобилось выкупать чек за полную стоимость?

Мистер Мосс этого не знал. Таково поручение клиента.

— Но ведь это противоречит всем правилам торгового бизнеса, — заявил Моррис. — В это время года не принято требовать возврата долгов. А что вам поручено сделать, если я откажусь от немедленной уплаты долга?

— Тогда я должен увидаться с мистером Джозефом Финсбюри, владельцем фирмы. Мне велено настаивать на такой встрече, ибо мне дали понять, что вы официально фирму представлять не можете. Это не мои слова.

— О встрече с мистером Джозефом не может быть и речи. Он болен.

— В таком случае мы передаем дело адвокату. Минуточку. — Мистер

Мосс открыл блокнот и подозрительно быстро нашел там нужную запись. — Да, а именно адвокату мистеру Майклу Финсбюри. Это не может быть ваш родственник? В таком случае дело было бы улажено без особых трудностей.

Оказаться в руках Майкла?.. Нет, этого Моррис решительно не мог допустить. Он сдался. «Чек с двухмесячным сроком оплаты не так уж и страшен. За два месяца меня или в живых не будет, или в тюрьму сяду». Он велел предложить мистеру Моссу кресло и газету.

— Я схожу к мистеру Финсбюри, который лежит дома на Джон-стрит и попрошу его подписать чек.

Дорога туда и обратно, эх, проклятая столица! Посчитал сбережения: после сделки с Моссом у него останется двенадцать с половиной пенсов. «А что самое худшее, дядю Джозефа придется “переселить” в Блумсбери. Бедняге Джонни уже незачем сидеть в Хемпшире, — размышлял Моррис. — Вообще непонятно, как дальше продолжать эту комедию. В Браундине было нелегко, а в Блумсбери будет вообще невозможно. Хотя Майкл как раз что-то похожее и вытворяет. Но у него полно сообщников. И шотландец этот, и вся шайка. Вот если бы у меня они были!»

Необходимость — мать изобретательности. Прижатый обстоятельствами Моррис подделал подпись так быстро и точно, что сам удивился, и через неполных три четверти часа вручил его мистеру Моссу.

— Прекрасно, — подвел итог мистер Мосс. — Еще мне поручено вам передать, что чек предъявлен к оплате не будет, но чтобы вы были осторожны.

Комната поплыла перед глазами Морриса.

— Что? Что еще такое? — воскликнул он, хватаясь руками за стол, чтобы не упасть. Лишь секундой позже несчастный осознал, что он почти кричит, а вся кровь отхлынула от лица. — Что вы хотите сказать? Почему я должен быть осторожным? Что весь этот маскарад означает?

— Не имею понятия, — с усмешкой ответил Мосс. — Эти слова мне велено вам передать. Я передаю их слово в слово.

— А как зовут вашего клиента?

— Это пока тайна.

— Но это не банк? — хриплым голосом спросил Моррис, наклонившись к собеседнику.

— Больше я ничего не могу вам сказать, мистер Финсбюри. До свидания.

«До свиданья», — мысленно повторил ему вслед Моррис. Но уже спустя минуту сам схватил шляпу и как сумасшедший выскочил из офиса.

Пробежав три улицы, он со стоном остановился. — «О Боже! Надо было одолжить денег у заместителя! Но теперь уже поздно возвращаться. Это странно бы выглядело. Увы, я без гроша, совсем без гроша, как безработный».

Он вернулся домой, сел на стул в столовой и закрыл лицо руками. Даже Ньютону не приходилось размышлять столь напряженно, как нашей жертве стечения обстоятельств. Тем не менее ни к какому четкому выводу он не пришел. «Может, меня интеллект подводит, а может, — он подскочил с кресла, — это чья-то злобная сила меня преследует. Такое невезение само собой не может так долго длиться. А проблема сейчас одна — надо немедленно достать денег. О моральных принципах уже речи нет, этот этап я прошел. Деньги, деньги нужны, и единственный шанс — это встреча с Питманом. Питман преступник, и уже поэтому в непростой ситуации. Но ведь что-то от восьмисот фунтов должно у него остаться. Надо заставить его поделиться, а если денег у него уже нет, то расскажу ему о *тонтине* и тогда у меня в помощниках будет человек, готовый на все, вдвоем мы справимся».

«Хорошо, но как добраться до Питмана? — продолжал размышлять Моррис. — Объявление дать? Как тогда изложить просьбу о встрече? И где? Уж конечно не на Джон-стрит, настоящего адреса таким людям, как Питман, никогда нельзя давать. Но и не у Питмана, который наверняка живет в каком-нибудь жутком районе в мрачном доме, откуда можно и живым не выйти. Что ж, и у хорошего сообщника есть свои минусы, — вздохнул Моррис и потряс головой. — Вот уж не снилось мне, что буду мечтать о таком товарище». И тут ему пришла в голову гениальная мысль: «Вокзал Ватерлоо! Место публичное, но в какие-то часы бывает, что и безлюдное. К тому же это место, которое заставит Питмана нервничать, намекнет ему, что его тайна известна». Моррис схватил листок бумаги и быстро набросал текст объявления.

«УИЛЬЯМ БЕНТ ПИТМАН — если случайно увидит это сообщение — может узнать кое-что благоприятное для себя в конце главного перрона станции Ватерлоо в ближайшее воскресенье между 14 и 16 часами.»

Перечитал еще раз свое произведение. «Кратко и ясно, — решил он, — “Кое-что благоприятное, для себя” — не слишком, может быть, точная формулировка, но звучит привлекательно и оригинально. Это ведь не показания под присягой. А теперь надо достать пару пенсов, чтобы где-то перекусить и заплатить за объявление и... нет, не могу пока тратить деньги

на Джона, но пошлю ему еще несколько газет. Где же добыть денег?»

Он подошел к шкафу с сигнетами, но тут в нем проснулся коллекционер.

— Нет, этого я не сделаю! — крикнул Моррис. — Ничто не заставит меня тронуть коллекцию! Лучше украсть! — Он заскочил в гостиную и похватал несколько безделушек, привезенных дядей Джозефом из его путешествий: пару турецких туфель, веер из Смирны, мушкет, отобранный, кажется, у эфесского бандита и целую горсть оригинальных, хотя слегка щербатых морских ракушек.

Глава четырнадцатая

Уильям Дент Питман узнает кое о чем благоприятном для себя

В воскресенье утром Уильям Дент Питман встал в обычное время, но не столь легко, как обычно. Следует пояснить: днем ранее у него появился жилец. Майкл Финсбюри, который гостя привел и внес за него плату, честно предупредил хозяина, не без доли присущего ему юмора, что жилец обладает некоторыми чертами характера, которые иногда делают общение с ним трудно переносимым. Питман поэтому готовился к худшему, но вскоре к своей радости убедился, что у него поселился чуть ли не ангел. Ужин оказался на редкость приятным, хозяин просидел в мастерской до часу ночи, очарованный красноречием гостя, значительно пополнив запас своих знаний, и сейчас, при утреннем туалете, с удовольствием вспоминал вчерашний вечер и предвкушал радость от общения с таким интересным человеком в будущем. «Да, мистер Финсбюри — это весьма ценное знакомство», — думалось ему, и, входя в малую гостиную, где уже был накрыт стол для завтрака, он приветствовал нового жильца весьма сердечно, почти как старого приятеля.

— Чрезвычайно рад вас видеть, — начал Питман свое приветствие, — надеюсь, что вам приятно спалось.

— За свою долгую жизнь я привык к постоянным переменам и совершенно не понимаю людей, привыкших к однообразному течению жизни и потому жалующихся на какие-то неудобства, когда им случается переночевать в незнакомом месте.

— Очень этому рад, — любезно ответил учитель рисования, — однако, я вижу, что отвлек вас от газеты.

— Еженедельники — это символ нашего времени, — заявил мистер Джозеф Финсбюри. — В Америке, я слышал, они заменили всякое другое чтение, поскольку полностью удовлетворяют потребностям граждан. Там есть новости со всего света, сообщения о наводнениях, пожарах и развлечениях для публики; есть свой уголок для политиков, для дам, разделы, посвященные шахматам, религии и даже литературе. Несколько острых злободневных статей позволяют судить о состоянии общественного мнения. Столь громадное значение нельзя переоценить. А какой кладезь знания для просвещения людей! Проблема эта чрезвычайно интересна, но я

говорю об этом только в порядке отступления, вас же хочу спросить, являетесь ли вы тоже регулярным читателям ежедневной прессы?

— В газетах, к сожалению, мало что может заинтересовать людей искусства, — ответил Питман.

— В таком случае, — продолжил Джозеф, — объявление, которое уже два дня появляется в разных газетах и сегодня снова было повторено, возможно, прошло мимо вашего внимания. Имя с незначительным отличием очень напоминает ваше. Я вам прочитаю.

«УИЛЬЯМ БЕНТ ПИТМАН — если случайно увидит это сообщение — может узнать кое-что благоприятное для себя в конце главного перрона станции Ватерлоо в ближайшее воскресенье между 14 и 16 часами.»

— В самом деле так написано? — воскликнул Питман. — Покажите, пожалуйста! Да, тут, конечно, должно быть Дент. Что-то для меня благоприятное? Мистер Финсбюри, прошу меня простить, я понимаю, что вам это может показаться странным, но существуют причины семейного характера, по которым я бы желал, чтобы об этом объявлении было известно только нам с вами. Я вас заверяю, что ничего плохого за этим не кроется, причина чисто семейная, исключительно семейная, и еще могу вас успокоить, что все обстоятельства дела известны нашему общему другу, а вашему к тому же знаменитому племяннику мистеру Майклу, который не перестал меня меньше уважать.

— Вашего слова мне достаточно, — заявил дядя Джозеф, сопровождая свои слова почтительным жестом на восточный манер.

Получасом позже учитель рисования застал Майкла в постели за чтением книги в прекрасном настроении и благорасположении духа.

— Привет, Питман, — поздоровался он с гостем, откладывая книжку. — Что привело вас сюда в такое необычное время? Вам же, дорогой мой, надлежит быть в церкви.

— Не до церкви мне, мистер Финсбюри, — пожаловался учитель рисования. — Нас тут новая история ожидает. — После чего протянул Майклу газету с объявлением.

— Что это? Что еще за новости? — Майкл уселся на кровати. Нахмутив брови, он с полминуты изучал сообщение. — Питман, мне этот документ совсем не нравится.

— Тем не менее, что-то надо с этим делать.

— Мне казалось, что станцией Ватерлоо вы уже сыты по уши, — заметил адвокат как бы рассуждая. — Или в вас проснулись какие-то

нездоровые инстинкты? С того момента, как вы сбрили бороду, вы на себя не похожи. Я готов поверить, что именно в бороде и помещался ваш разум.

— Мистер Финсбюри, я много думал над этим делом и, если позволите, изложу вам свои выводы.

— Валяйте! — разрешил адвокат. — Только прошу не забывать, что сегодня воскресенье, и следует избегать неприличных выражений.

— Я рассматриваю три возможности, — начал Питман. — В первом случае дело может быть связано с... э-э... с бочкой, во втором — со статуей мистера Семитополиса, а в третьем — с моим шурином, который уехал в Австралию. Если это первый вариант, что вполне возможно, лучше всего об этом деле забыть.

— Суд склонен присоединиться к вашему мнению, — кивнул Майкл.

— При второй возможности, — продолжил учитель, — моим несомненным долгом является сделать все, чтобы отыскать пропавший шедевр.

— Дорогой мой, ведь Семитополис неожиданно проявил чрезвычайную любезность, он покрыл все расходы и даже сохранил за вами комиссионные. Чего же вы еще хотите?

— Я, с вашего позволения, должен заметить, что необычайное благородство мистера Семитополиса обязывает меня удвоить старания. Всей этой затее сопутствовало крайнее невезение, и была она — не вижу необходимости это скрывать — с самого начала нелегальной. Тем более я должен вести себя как джентльмен, — закончил Питман, слегка зардевшись от смущения.

— Мне нечего вам возразить, Питман, — пожал плечами Майкл. — Я тоже когда-то намеревался всегда вести себя, как полагается джентльмену, но принимая во внимание устройство мира, а в особенности нашего адвокатского сообщества, такое решение было бы абсолютно односторонним.

— Ну, а в третьем случае, — рассуждал дальше Питман, — если это дядя Тим, то можно не сомневаться, что на нас свалилось состояние.

— Это не дядя Тим, — заявил адвокат.

— А вы не обратили внимания на это выражение: «кое-что благоприятное для себя»? — быстро спросил Питман.

— Ягненок вы мой невинный! Это просто один из самых распространенных в английском языке оборотов, и доказывает только то, что автор послания осел. Сейчас я разрушу ваш карточный домик. Мог бы дядя Тим перепутать ваше имя?

— Нет, это на него не похоже, — признал Питман. — Но кто его знает,

что могло у него с головой случится там в Балларате.

— Если так рассуждать, то объявление могла дать и королева Виктория, мечтающая наделить вас герцогским титулом. Согласитесь, что это не слишком правдоподобно, хотя и не противоречит законам природы. Нам же следует принимать во внимание менее сказочные варианты, поэтому королеву Викторию и дядю Тима я вычеркиваю. Теперь о второй позиции в вашем списке, связанной со скульптурой. Но кто тогда дал объявление? Ведь не Рикарди же, который прекрасно знает ваш адрес. И не тот тип, который получил груз со статуей, потому что он не знает вашего имени. Да, да, я уже слышу, как вы называете фурмана с вокзала. Он, возможно, и запомнил ваше имя, но не совсем точно, а адреса вашего не знал. Да, это может быть фурман. Вопрос однако в том, есть ли смысл с ним встречаться?

— А почему нет?

— Представьте себе такую возможность: он хочет с вами встретиться потому, что нашел журнал с адресами доставки, связался с владельцем груза и теперь — запомните мои слова — действует по поручению убийцы.

— Это было бы чрезвычайно прискорбно, но мой долг по отношению к мистеру Семитополису...

— Питман! — прервал его Майкл. — Не надо ничего изображать перед своим адвокатом. Не разыгрывайте из себя героя, это вам не идет. Я же читаю ваши мысли. Вам все еще мерещится дядя Тим.

— Мистер Финсбюри, — отвечал учитель рисования, покраснев. — Вам не приходилось бывать в трудной финансовой ситуации, и вы не обременены семьей. Гвендолен подрастает, она подает большие надежды, уже была подтверждена в прошлом году. Вам будет легче понять мои родительские чувства, если я вам скажу, что она до сих пор не обучена танцам. Мои сыновья в интернате. Грех жаловаться, мне не пристало критиковать систему образования в нашей стране, но все же я мечтаю о том, чтобы Гарольд стал профессиональным музыкантом, а маленький Одо проявляет несомненные склонности к духовной карьере. Я не тщеславный человек...

— Понятно, понятно, — снова прервал его Майкл. — Вы так прямо и признайтесь, вы уверены, что это дядя Тим.

— Это может быть дядя Тим, — упирался Питман, — и в таком случае я прошляпил бы удачу, и как бы я тогда мог смотреть в глаза своим детям? Я не говорю уже о жене...

— Да, — согласился Майкл, — о ней вы никогда не говорите.

— И если бы оказалось, что ее брат вернулся из Балларата... —

продолжал Питман.

— ...с головой не в порядке, — вставил Майкл.

— ...с богатым состоянием, то ее радостное нетерпение можно лишь представить себе, но не описать словами.

— Бог с вами, — махнул рукой Майкл. — Допустим, что вы правы. Что вы предлагаете?

— Отправиться на станцию Ватерлоо, но переодетым.

— Вы один туда пойдете? Будем надеяться, что это не слишком рискованно. Но будьте любезны меня известить, когда вас арестуют.

— Ах, мистер Финсбюри, я смел надеяться, что, может быть, мне удастся вас уговорить... — замялся Питман.

— Что!? Устраивать маскарад в воскресенье? — воскликнул Майкл. — Питман, вы совершенно не уважаете моих принципов!

— Мистер Финсбюри, я не в состоянии выразить вам всю свою благодарность. Но позволю себе задать один вопрос: если бы я был очень богатым клиентом, вы бы согласились?

— Вы что, серьезно полагаете, что в моих обычаях шлаться с клиентами по Лондону переодетым? Или вы думаете, что какая бы то ни было сумма заставила бы меня хотя бы взглянуть на всю эту историю? Даю вам слово, что нет. Но не буду скрывать, мне любопытно, как вы проведете этот разговор. Это куда более сильное искушение, чем золото. И вообще, забава может оказаться неплохой, — Майкл неожиданно рассмеялся. — Ладно, Питман, идите, готовьте костюмы в вашей мастерской.

Около двадцати минут третьего пополудни в тот знаменательный день мрачное здание вокзала станции Ватерлоо, в чем-то напоминающее ригу или овин, было пустынным и тихим, как заброшенное святилище. К некоторым перронам притулились неподвижные поезда. Иногда раздавалось эхо одиноких шагов; извозчицы кони извлекали своими копытами странные звуки из булыжной мостовой; где-то посвистывал заплутавший в паутине путей локомотив. Главный перрон был погружен в дремоту. Кассы были заперты; обложки повести мистера Хаггарда, в обычные дни образующие яркую декорацию книжных киосков, сегодня укрылись за ставнями. Изредка появлялся сонный служащий вокзала, и даже такие местные завсегдатаи, как нищие, а также немолодая «дама» в сером плаще и с сумочкой предпочли в этот день перебраться в более людное место. Подобно тому, как в самых отдаленных уголках небольшого тропического острова всегда чувствуется пульс океана, так и здесь едва доходящий шум и рокот свидетельствовали о том, что вокруг простирается громадный Лондон.

Старые знакомые Джона Диксона из Балларата и Эзры Томсона из Соединенных Штатов были бы обрадованы, увидев их входящими в указанное время на перрон.

— Какие имена мы себе выберем? — спросил Питман, нервно поправляя очки, которые на сей раз ему было позволено надеть.

— У вас, мой дорогой, выбора нет, вам придется назваться Бентом Питманом. Я же, кажется, выгляжу так, что мне подошла бы фамилия Эпплби. Есть в ней какое-то старосветское звучание, от нее пахнет яблочным пирогом из Девоншира. Да, и раз уж о том зашла речь, не промочить ли нам горло? Разговор предстоит трудный.

— Я бы предпочел сделать это после разговора, — ответил Питман. — Честно говоря, хочется поскорей со всем этим разделаться. Не знаю, есть ли у вас такое чувство, но мне кажется, что мы оказались в совершенно глухом и безлюдном месте, где всякому звуку сопутствует очень странное эхо.

— Неприятное ощущение, не правда ли? В любую минуту может произойти что-то неожиданное... Как будто в каждом из вагонов сидят полицейские, которые только и ждут сигнала начальника лондонской полиции с серебряным свистком во рту. На воре шапка горит, а, Питман?

Слегка обеспокоенные, они прошли весь перрон и на западном его конце разглядели щуплую фигуру, прислонившуюся к колонне. Фигура эта, несомненно, была погружена в глубокое раздумье и, устремив взор в вокзальное пространство, не замечала, что кто-то к ней приближается. Майкл приостановился.

— Эге! — сказал он. — Неужто это и есть автор послания? Ежели так, то я сматываю удочки. — Но слегка подумав, добавил более веселым тоном: — Впрочем, нет. Давайте отвернемся на минутку. И отдайте мне очки.

— Но ведь вы согласились, что в очках буду я, — запротестовал Питман.

— Да, но этот человек меня знает.

— Он вас знает? А как его зовут?

— Он доверил мне свои тайны, — заявил адвокат. — Могу вам только сказать, что, если это он дал объявление (что весьма вероятно, потому что он явно подвержен мании преследования), вы можете с чистой совестью выдвигать свои требования. Он у меня в руках.

Очки сменили владельца. Питмана хорошие новости несколько приободрили, и наша парочка подошла ближе к Моррису.

— Вы ожидаете мистера Уильяма Бента Питмана? — спросил учитель

рисования. — Это я.

Моррис поднял голову. Передним стоял невзрачный человек в белых гетрах и рубашке с неприлично низким воротничком. В полушаге за ним стоял другой, более плотный мужчина в плаще, в очках и в охотничьей шляпе. Решаясь на то, чтобы вызвать нечистых духов из самого пекла, Моррис должен был учитывать, что они таки в самом деле появятся. Но в первую минуту он испытал некоторое разочарование. Приглядевшись же повнимательней, сформулировал свое впечатление более четко: никогда в жизни он не видел более нелепо одетых людей.

— Я должен поговорить с вами наедине, — заявил Моррис.

— О, пусть вас не смущает присутствие мистера Эпплби, — ответил Питман. — Он все знает.

— Все знает? Вы что, осведомлены, о чем я собираюсь с вами разговаривать? — спросил Моррис. — Речь пойдет о бочке.

Питман побледнел, но это было признаком не страха, а искреннего возмущения.

— А, так это вы! — крикнул он. — Вы преступник!

— Вы все еще настаиваете, чтобы я говорил в его присутствии? — спросил Моррис, не обращая внимания на суровые обвинения.

— Все и было в его присутствии. Он как раз и открывал бочку; так что ваша преступная тайна ему известна так же, как и Провидению, и мне самому.

— Ах вот как, — ответил Моррис. — А что вы сделали с деньгами?

— Понятия не имею ни о каких деньгах, — заявил Питман.

— Не надо прикидываться. Я вас выследил. Вы явились на вокзал, святотатски переодевшись священником, завладели моей бочкой, ограбили труп, затем сняли со счета и присвоили денежки. Я был в банке! Я следил за каждым вашим шагом, и все ваши возражения смешны и бессмысленны.

— Моррис, не увлекайся, — сказал вдруг мистер Эпплби.

— Майкл! — воскликнул Моррис. — И ты здесь?

— Вот именно. И я здесь. И здесь, и везде, дорогой мой. Каждый твой шаг зафиксирован; детективы ходят за тобой, как тени, и каждые полчаса шлют мне донесения. Я не считаюсь с расходами.

Лицо Морриса стало пепельно-серым.

— Ладно, мне уже все равно, меня ничто не остановит, — кричал он. — Вот этот человек получил деньги по моему чеку. Это кража и я требую вернуть мне деньги!

— Ты допускаешь, чтобы я тебе солгал? — спросил Майкл.

— Не знаю. Мне нужны деньги.

— Так вот, кроме меня никто к трупу не прикасался, — начал Майкл.

— Ты? Майкл! — Моррис отпрянул в изумлении. — Так почему же ты не известил всех о его смерти?

— Ты о чем, черт возьми, толкуешь?

— Кто сошел с ума, я или ты? — не успокаивался Моррис.

— А может быть, Питман? — предположил Майкл.

Трое мужчин таращились друг на друга в изумлении.

— Это кошмар какой-то, — пожаловался Моррис. — Ужасно, но я не понимаю ни слова из того, что вы мне говорите.

— Уверяю тебя, что и я ничего не понимаю, — утешил его Майкл.

Снова наступила пауза, в течение которой Моррис с дебильным выражением лица тыкал пальцем в своего кузена.

— Я что, совсем рехнулся? Откуда у тебя бакенбарды?

— А, это ерунда, не обращай внимания.

Во время очередной паузы Моррис испытал чувство, как будто он повис на гигантских качелях, вознесших его сначала вверх, а затем низвергнувших на перрон вокзала.

— Попробуем подвести итоги, — сказал Майкл. — Если все это сон, то я хотел бы, чтобы Тина меня разбудила и подала завтрак. Вот этот мой приятель, мистер Питман, получил по почте бочку, которая, как оказалось, была предназначена для тебя. В бочке был труп мужчины. Ты каким-то образом его, очевидно, пришил...

— Я его пальцем не тронул, — запротестовал Моррис. — Этого-то я все время и боялся. Ты подумай, Майкл! Разве это похоже на меня? У меня много недостатков, но я и мухи не способен обидеть; а тут такая потеря для меня. Он погиб в железнодорожной катастрофе.

Веселье, неожиданно овладевшее Майклом, было столь бурным и продолжительным, что оба его собеседника окончательно уверились, что с ним не все в порядке. Майкл пытался удержаться от хохота, но безуспешно, он накатывал волнами. Во всей этой жуткой сцене смех Майкла был самым пугающим элементом. Общий страх сблизил Морриса и Питмана, они испуганно смотрели друг на друга.

— Моррис, — выдавил из себя Майкл, когда ему удалось снова обрести дар речи. — Подожди, я уже все понял. Я вам все сейчас объясню. Просто до этой минуты я не подозревал, что это может быть дядя Джозеф.

Эти слова неожиданно принесли мгновенное облегчение Моррису, зато Питман окончательно был сбит с толку. При чем тут дядя Джозеф, которого он оставил час назад наклеивающим в тетрадь газетные вырезки? Какой его труп? И кто такой он, Бент Питман? Где он, на вокзале Ватерлоо

или в сумасшедшем доме?

— Ну, разумеется! — воскликнул Моррис. — Труп был изуродован. Какой же я болван, что об этом не подумал! В таком случае все ясно. И знаешь что, дорогой Майкл, мы спасены. Оба! Ты получишь *тонтину*, я об этом не жалею, а я спасу свою торговлю кожей, там сейчас наметилось оживление. Тебе нужно тут же дать извещение о смерти дяди Джозефа, на меня вообще можешь не обращать внимания, не думай обо мне; оповести всех, что дядя Джозеф умер, и все будет хорошо.

— Но я не могу дать такого извещения, — возразил Майкл.

— Почему?

— Я не могу предъявить трупа. Я его потерял.

— Что? — взвизгнул торговец кожей. — Что ты плетешь? Этого не может быть. Это я потерял труп.

— Очень даже может быть, детка. Я тоже его потерял, — мягко уверял кузена Майкл. — Я же дядю не узнал, а подозревал, что дело пахнет криминалом, и поэтому избавился, как бы это сказать, от всего багажа.

— Ты избавился от трупа? И зачем ты это сделал? — стонал Моррис. — А найти его снова можешь? Знаешь, где он сейчас?

— Увы, понятия не имею! Поверь мне, Моррис, если бы знал, тут же бы это сделал, это недорого бы и обошлось, но я в самом деле ничего не знаю.

— О Боже! — завопил Моррис. — Я потерял свою торговлю.

Майкл снова начал трястись от смеха.

— Чего ты ржешь, идиот? Ты еще больше меня теряешь. И напортачил куда больше меня. Если бы у тебя была хоть капля человеческих чувств, ты бы не от смеха, а от злости трясся. Я тебе вот что скажу: я свои восемьсот фунтов все равно получу, они мои, а твоему приятелю пришлось подделать подпись, чтобы их получить. Либо ты мне их отдашь тут же на перроне, либо я иду в полицию и выкладываю все карты.

— Не торопись, Моррис. Подумай хорошенько, — остановил его Майкл. — Ведь это сделали не мы, это кто-то другой. Мы у трупа карманов не обыскивали.

— Кто-то другой? — повторил Моррис.

— Да, кто-то другой. Мы впаковали дядю Джозефа в чужие руки.

— Что вы сделали? Впаковали? Какое странное слово.

— Вот-вот, именно впаковали. В рояле, — пояснил Майкл, как будто это было обычным делом. — Удивительно глубокий, богатый звук.

— У меня горячка, — Моррис приложил ладонь ко лбу, она была мокрой от пота.

— Это был концертный рояль...

— Не говори мне о роялях... — Моррис весь дрожал. — Я тебя не узнаю. Но этот человек... Кто он такой? Где его можно найти?

— В том-то и проблема. Предмет разговора находится в его владении... сейчас... уже со среды, часов примерно с четырех, а сейчас — ищи ветра в поле.

— Майкл, — взмолился Моррис, — я очень плохо себя чувствую; сжался над бедным родственником. Повтори все это помедленней и поразборчивей.

Майкл повторил.

— Ну, тогда все кончено, — Моррис глубоко вздохнул.

— Что кончено? — спросил Майкл.

— Даже с датами какая-то дурацкая путаница, — ответил купец. — Чек был предъявлен во вторник. Во всей этой истории нет ни капли логики.

Молодой человек, который проходил мимо троицы говоривших, неожиданно остановился, вернулся назад и положил руку на плечо Майкла.

— Ага, значит, нашел-таки я мистера Диксона?

Труба, призывающая на Страшный суд, не прозвучала бы для ушей Питмана и адвоката более грозно. Моррис же расценил появление нового имени как продолжение кошмарного сна, который никак не кончался. Когда Майкл со своими пушистыми бакенбардами вдруг вырвался из рук незнакомца и бросился бежать, а его нелепого вида спутник в рубашке с коротким воротничком с птичьим писком вприпрыжку последовал за ним, незнакомец же, поняв, что главная добыча от него ускользает, положил теперь руку на плечо Морриса, тот наконец осознал: этого и следовало ожидать.

— Одного бандита я поймал, — произнес Гидеон Форсайт.

— Не понимаю, — сказал Моррис дрожащим голосом.

— Сейчас ты у меня все поймешь! — хмуро пообещал Гидеон.

— Я вам буду чрезвычайно признателен, если вы мне все объясните, — с неожиданным энтузиазмом воскликнул Моррис.

— Лично вас я не знаю, — продолжал Гидеон, приглядываясь к своему пленнику, который, впрочем, не оказывал ни малейшего сопротивления, — но это не важно, зато я знаю ваших друзей. Ведь это ваши друзья, не так ли?

— Не понимаю, — снова повторил Моррис.

— Вы имеете какое-то отношение к роялю? — грозно спросил Гидеон.

— К роялю? — крикнул Моррис, ухватив Гидеона за рукав. — Значит это вы тот самый другой. Где он? Где мой труп? Это вы получили мои

деньги?

— Где ваш труп? Странно, очень странно, — задумчиво произнес Гидеон. — Вы хотите отыскать покойника?

— Я хочу? Да от этого все мое состояние зависит. Я потерял труп! Где он? Ведите меня туда!

— Ага, значит, вам нужен труп. А тому другому, Диксону, он тоже нужен?

— Какому еще Диксону? А, Майклу Финсбюри! Ну конечно, ему тоже нужен. Он его и потерял. Если бы не потерял, отхватил бы завтра *тонтину*.

— Майкл Финсбюри! Адвокат? — воскликнул Гидеон.

— Адвокат, адвокат, — ответил Моррис. — Но где труп?

— Значит, вот почему он впутал меня в это дело! Какой у него домашний адрес?

— Кингс-роад, номер 233. В какое «это дело»? — вопрошал Моррис, цепляя Гидеона за рукава.

— Я ничего уже не знаю, — ответил Гидеон и выбежал из вокзала.

Глава пятнадцатая

Возвращение Великого Вэнса

С вокзала Ватерлоо Моррис вернулся в состоянии, не поддающемся описанию. По натуре он был человеком скромным и ничего такого особенного о себе никогда не воображал. Знал, например, что не сумеет написать книгу, не способен удивить компанию показом каких-нибудь фокусов, короче говоря, не обладает ни одной из тех дарованных Богом способностей, что принято называть талантом. Но, признавая себя человеком средних достоинств, он считал, тем не менее, что и их ему вполне достаточно, чтобы преуспеть в жизни. Сегодня, однако, он вынужден был признать свое поражение; судьба победила его. Если бы мир был устроен так, чтобы из него можно было легко и непринужденно выйти, как из какого-нибудь увеселительного заведения, Моррис немедленно отказался бы от всех еще не испытанных удовольствий и с безмолвным удовлетворением перестал бы существовать. В данной ситуации был только один выход — вернуться домой. Как больная собака заползает под привычный диван, так и Моррису оставалось замкнуть за собой двери дома на Джон-стрит и тешиться своим одиночеством.

Когда он приближался к своему убежищу, уже темнело. Первой вещью, бросившейся ему в глаза, была одинокая фигура на ступеньках крыльца, которая то дергала за звонок, то принималась колотить в двери. Человек был без шляпы, в истрепанной до невозможности одежде, словом, имел вид бездомного нищего. Моррис узнал в нем Джона.

Первое инстинктивное намерение бежать уступило место глухой апатии, готовности покориться судьбе до конца. «Какая теперь в сущности разница?» — подумал Моррис и, вытащив из кармана ключ, поднялся на крыльцо.

Джон обернулся; лицо его выражало предельную усталость и ярость одновременно, а когда он узнал главу семьи, то набрал в грудь воздуха и сверкнул глазами.

— А ну, открывай двери! — приказал он, отступая на шаг.

— Я как раз и собираюсь это сделать, — ответил Моррис, отметив про себя: «Похоже, что он хочет меня пристукнуть».

Братья зашли в прихожую и закрыли за собой двери. Неожиданно Джон схватил Морриса за плечи и затряс его, как терьер трясет пойманную

крысу.

— Ты, пес шелудивый, — процедил Джон сквозь зубы. — Тебе мало лоб расшибить! — после чего тряхнул его еще раз так, что голова Морриса звякнула о стену.

— Не бей меня, Джонни, это уже ничему не поможет.

— Заткнись! Теперь ты будешь меня слушать! — Джон зашел в столовую, сел в кресло, и сняв один из своих дырявых башмаков, стал растирать ступню руками. — Я охромел на всю жизнь. Что у нас на ужин?

— Ничего, Джонни.

— Ничего? Что ты плетешь? — рявкнул Великий Вэнс. — Не морочь мне голову.

— В самом деле, ничего нет, — объяснил брат. — Нечего есть, и купить не на что. Сам сегодня выпил только чашку чаю и съел сэндвич.

— Только сэндвич! — ехидно сказал Вэнс. — Это он, надо понимать, жалуется. Советую учесть: мое терпение кончилось. И вот что я тебе скажу: я хочу хорошенько пожрать и выпить. Иди, продавай свои сигнеты.

— Сегодня не получится — воскресенье.

— Я уже сказал тебе, что я хочу жрать!

— Ну что же делать, если никак нельзя?

— Болван! — крикнул Джон. — Или мы не уважаемые домовладельцы? Или нас не знают в гостинице, где бывал дядя Паркер? Ступай, и если через полчаса не вернешься и не будет накрыт стол, то сначала я тебя как следует отметелю, а потом пойду в полицию и все расскажу. Ты понял меня, Моррис Финсбюри? А если понял, то одна нога здесь, другая там.

Эта страстная речь подействовала даже на обессиленного Морриса, он и сам почувствовал голод, посему спешно отправился выполнять приказ. Вернувшись, он застал Джона все еще обихаживающим свою ногу.

— Что ты хотел бы выпить, дорогой? — спросил Моррис, желая ублажить брата.

— Шампанского! — прозвучал ответ. — Того самого, с дальнего края полки. Потом бутылку старого портвейна, который так нравится Майклу, только осторожней, не встряхивай бутылку. И еще растопи камин, зажги лампу и закрой шторы. А то холодно стало, и темно уже. Потом можешь накрывать на стол. Да, и дай мне что-нибудь переодеться!

Когда ужин появился на столе, в комнате стало уютнее. Еда была превосходной. Острый мясной бульон, филе камбалы, бараньи котлеты с томатным соусом, ростбиф с кровью и жареным картофелем, пудинг, немного сыра и свежая зелень сельдерея — меню безукоризненно

британское, но, несомненно, питательное.

— Слава тебе, Господи! — произнес Джон, вдыхая аппетитные запахи. — Кресло я поставлю спиной к огню. Последние две ночи были жутко холодные, никак не выгоню зябь из костей. Я буду сидеть здесь, а ты, Моррис, стоять вот тут и мне прислуживать.

— Но, Джонни, я тоже голодный, — пожаловался Моррис.

— Доешь, что останется. Ты только начинаешь платить по счету, золотце мое. И лучше не дразни британского льва! — Было что-то такое в голосе и выражении лица Великого Вэнса, когда он произносил эти слова, что Моррис не решился возражать. — Поехали! Налей для начала бокал шампанского, — продолжил кутить Джон. — О! Бульончик! Раньше мне казалось, что я не люблю бульона! А ты знаешь, как я сюда добрался?

— Нет, Джонни, откуда же мне знать?

— Я пришел пешком! — крикнул Джон. — Вот этими ножками! От самого Браундина, побираясь по дороге. Эх, посмотрел бы я на тебя побирающегося! Это ведь не так просто, как ты думаешь. Я изображал матроса с разбитого корабля из Блайта. Даже не знаю, где этот Блайт находится, но ты представляешь? — это прозвучало уже не столь воинственно — обратился к одному малому, школьнику еще наверно, так он велел мне завязать морской узел. И я его завязал, понимаешь? Завязал его! Но он сказал, что это не морской узел, а побирушный, а я сам понятно кто, и он на меня донесет. Потом еще выпрашивал у морского офицера. Ну, этот меня морскими узлами не морочил, зато заставил выслушать всю историю британского морского флота! Еще попалась вдова, торгующая леденцами, она ломоть хлеба дала. Один попутчик научил меня, как всегда можно добыть поесть — достаточно разбить витрину в магазине и попасть за решетку. Просто и гениально! Подай мне ростбиф!

— А почему ты не остался в Браундине? — осмелился спросить Моррис.

— Не пори чушь! А что бы я там ел? Газеты, тобой присланные? Оттуда надо было смываться, это я тебе точно говорю. Сначала мне верили в долг в пивной, я там изображал Великого Вэнса. Ты бы тоже так поступил, оказавшись в таком скотском положении. Один тип поставил мне пиво и закусон, мы поддали, рассуждая о всяких мюзик-холлах и о деньгах, которые я там зашибаю, а потом он велел мне спеть «Ее талия прекрасна», после чего сказал, что никакой я не Вэнс, даже и близко с ним не стоял, но я твердо стоял на своем. Пел-то я, конечно, хреново, но думал, что у них в захолустье и так сойдет. — Джон вздохнул. — Но меня доконал столяр...

— Наш хозяин?

— Вот именно. Начал разнюхивать, спрашивать, куда делись бочка и одеяла. Я его к черту послал; а что бы ты на моем месте сделал? А он заявил, что я все куда-то спрятал, а это все равно, что украл, и знаю ли я, чем мне это грозит. Тогда я здорово придумал, вспомнил, что он глухой как пень, и стал с ним разговаривать тихо-тихо, фигню всякую нести, но с вежливой миной и так тихо, что он ни слова не мог понять. «Я вас не слышу», — говорит. «Знаю, что не слышишь, старый козел, но мне это и надо», — отвечаю, а сам улыбаюсь, как манекен в витрине. «У меня со слухом неважно», — сообщает. «Интересно, что бы ты сказал, если бы услышал», — говорю, а сам как будто жестами пытаюсь объяснить. «Ну, ладно, — говорит он наконец, — я, к сожалению, глуховат, но полицейский вас наверняка хорошо поймет». Ну, он в одни двери, а я в другие. Оставил и спиртовку, и газеты, и тот журнал, что ты прислал. Ты что, пьяный был, когда его покупал? Название у него, как у одного из тех заведений, где дядя Джозеф выступает. Чепуха всякая про поэзию и о пользе глобусов. Для пациентов психушки чтение. О, вспомнил! «Атенеум» называется. Дурацкий журнал. Впрочем, как бы он ни назывался, мне он до лампочки. Так, теперь я немного лучше себя чувствую. Я посижу тут в кресле у камина; подай мне сыр, сельдерей и бутылку вина — нет, не в рюмку, лей в стакан, больше войдет. А потом сам можешь что-нибудь съесть, там рыба осталась, котлета и сколько-то шампанского вроде. Да-а-а! — восхищенно протянул подкрепившийся скороход. — Майкл был прав — это вино достойно своего названия! Люблю я Майкла, он ловкий, хитрый, книжки читает, даже «Атенеум» этот. Но не зануда, не трезвонит об этом везде, как некоторые. Кстати, раз уж речь зашла о Майкле, мне даже и спрашивать не надо, потому что с самого начала знал. Ты опять все провалил?

— Это Майкл все провалил, — ответил Моррис, покраснев от гнева.

— А он-то тут при чем?

— Потерял покойника — вот он тут при чем! — крикнул Моррис. — Задевал куда-то труп, и теперь зарегистрировать смерть невозможно.

— Постой, постой, — прервал его Джон, — я думал, что тебе это и не нужно.

— Э-э, братец, это уже дело прошлое, — ответил старший брат. — Теперь уже не о *тонтине* речь, а о нашей фирме кожаной. И о наших с тобой шкурах.

— Ну-ка, расскажи мне все по порядку.

Моррис так и сделал.

— А я тебе что говорил? — воскликнул Великий Вэнс, когда Моррис закончил. — Я знаю одно, я себя обокрасть не дам.

— Интересно, как ты себе это представляешь?

— А я тебе отвечу, — заявил Джон с мрачной решимостью. — Я поручу свои дела самому ловкому адвокату в Лондоне, а сядешь ты на нары или нет — меня это не волнует.

— Джонни, но мы же с тобой в одинаковом положении, — напомнил ему Моррис.

— Разве? Уверяю тебя, что нет. Я, что ли, подделывал подпись? Я всем врал про дядю Джозефа? Я давал дурацкое объявление в юмористическую газету? Я что ли чужую статую раздолбал? Хватит с меня. Долго ты моими делами занимался, теперь ими займется Майкл. Кстати, я уже говорил, что он мне нравится. Самое время мне подумать о себе.

Разговор братьев был прерван звонком во входную дверь, и Моррис, который со страхом пошел открывать, получил из рук посыльного письмо с адресом, написанным рукой Майкла. Содержание же письма гласило следующее:

«Моррис Финсбюри может узнать кое о чем благоприятном для себя в моем офисе на Ченсери Лэйн завтра в десять утра.

Майкл Финсбюри».

Моррис был столь угнетен, что, не дожидаясь просьбы от брата, сам вручил ему письмо.

— Вот как надо писать деловые письма! — похвалил Джон. — Это только Майкл умеет!

И Моррис даже не стал настаивать на своих авторских правах.

Глава шестнадцатая

Окончательное решение проблем кожевенного бизнеса

На следующий день ровно в десять часов братьев Финсбюри проводили в кабинет Майкла. Великий Вэнс уже немного отдохнул после дальней дороги, тем не менее одна его нога была обута в домашний тапочек. Моррис был одет и обут как положено, но выглядел лет на десять старше того человека, который всего неделю назад отправлялся из своего дома в Борнмут на отдых. Лицо избороздили морщины, а темные волосы на висках посеребрила седина.

Их ожидали три человека, сидящих за столом: Майкл Финсбюри в центре, справа от него Гидеон Форсайт, а слева пожилой джентльмен в очках и с седой головой.

— Черт меня побери, да ведь это дядя Джозеф! — воскликнул Джон.

Моррис подошел к дядюшке, весь бледный, со сверкающими глазами.

— Я знаю, что вы, дядя, сделали! — заявил он. — Вы удрали!

— Добрый день, мистер Финсбюри! — ответил дядя Джозеф не менее резко. — У вас очень нездоровый вид.

— Ладно, не начинайте тут опять ваши ссоры, — прервал их Майкл. — Посмотрим, наконец, правде в глаза. Твой дядя, Моррис, как видишь, пережил катастрофу без малейших повреждений; тебя, как человека, известного своей любовью к ближним, это должно обрадовать.

— Вот, значит, как! — взорвался Моррис. — А что тогда с тем мертвецом? Уж не хочешь ли ты меня убедить, что весь мой в таких муках выстраданный план свелся к тому, что я таскал по всей округе труп совершенно чужого мне человека?

— Ну, не обязательно, — сказал Майкл. — Ты мог и встречаться с ним в каком-нибудь клубе.

Моррис упал в кресло.

— Я бы разобрался во всем, если бы бочка доехала до дому, — стонал он. — Но почему же она не доехала? Почему ее получил Питман? По какому праву он ее вскрыл?

— Раз уж об этом зашла речь, объясни нам, Моррис, что ты сотворил с гигантским Гераклом?

— Раскрошил его на куски молотком для мяса, — сказал Джон. — Я

видел в саду ошметки.

— Это никакого отношения к делу не имеет, — прервал его Моррис. — Нашелся дядя, мой непутевый опекун. Уж он-то во всяком случае принадлежит мне. И *тонтина* тоже. Я заявляю свое право на *тонтину*, именно здесь и сейчас. Я уверен, что дяди Мастермана нет в живых.

— Я должен раз и навсегда покончить с этой чепухой, — вмешался Майкл. — То, что ты говоришь, Моррис, весьма близко к правде. В каком-то смысле твоего дяди действительно нет среди живых и уже давно. Но не с точки зрения прав на *тонтину*, где он еще может оказаться победителем. Дядя Джозеф виделся с ним сегодня утром и может вам подтвердить, что мой отец жив, хотя сознание уже ему не подчиняется.

— Он меня не узнал, — подтвердил Джозеф и, надо сказать, не без горечи.

— Опять тебя в дураках оставили, Моррис, — сделал вывод Джон. — Опростоволосился, как всегда.

— А все потому, что ты не хотел идти на компромисс, — обратился Моррис к Майклу.

— Если говорить о той дурацкой ситуации, в которой оказались вы с дядей Джозефом, выставив себя на посмеище, — продолжил Майкл, — то самое время и этому положить конец. Я тут подготовил кое-какие финансовые документы, можно сказать, полный взаиморасчет, и предлагаю для начала тебе их подписать.

— Что?! — закричал Моррис. — И я потеряю мои семь тысяч восемьсот фунтов вместе с фирмой и процентами? И ничего не получу? Благодарю покорно!

— Как же это на тебя похоже, — вздохнул Майкл. — Такое чувство, как благодарность, тебе, по-моему, вообще неведомо.

— Знаю, знаю, что тебя бесполезно о чем-нибудь просить, чертов насмешник! — воскликнул Моррис. — Но тут присутствует совершенно незнакомый человек, и я, сам не знаю почему, хочу обратиться за помощью к нему. Меня, сироту, ограбили еще в детстве, когда я учился в торговом училище. С того времени у меня только одно желание: вернуть украденные у меня деньги. Вы наверняка слышали обо мне много нелестного, не буду спорить, я часто ошибался. Но в этом и заключается моя трагедия; я хотел объяснить это именно вам.

— Моррис, — прервал его Майкл, — разреши мне добавить только одно слово, оно может повлиять на твою точку зрения. Это, конечно, грустная история, но ты, мне кажется, как раз такие истории любишь.

— В чем дело? — спросил Моррис.

— Дело в том, что лицо, которое может засвидетельствовать твою подпись, носит фамилию Мосс, — ответил Майкл.

Наступило длительное молчание.

— Я должен был догадаться, что это ты! — выкрикнул Моррис.

— Стало быть, подпишешь?

— Ты, знаешь, кто ты? Ты преступник!

— Прекрасно, не будем совершать ничего преступного. Я недооценил благородства твоего характера! Я думал, что такой выход тебя устроит.

— Слушай, Майкл! — вмешался Джон. — Все это чудесно и замечательно, но что будет со мной? Моррис вляпался, это я понял. А я? Меня ведь тоже ограбили. Я тоже сирота, и ходил в ту же самую школу.

— Джонни, — обратился Майкл к нему, — не лучше ли будет, если ты мне полностью доверишься?

— Я тебе верю, — сказал Джон. — Ты бедную сиротку не обманешь. Моррис, подписывай бумагу, а то пожалеешь.

С неожиданной поспешностью Моррис согласился. Позвали клерков, расчет был подписан, в результате чего мистер Джозеф снова обрел личную свободу.

— А теперь, — сказал Майкл, — послушайте, что я собираюсь делать. Прежде всего: Джон и Моррис, вы получаете свою фирму как партнеры. Я оценил ее стоимость по минимальным банковским ценам. К этому добавляю чек, который возмещает ваши убытки. Так что, Моррис, можешь начать все сначала, как будто только что окончил торговое училище. Сам сказал, что в торговле кожей наметилось оживление, поэтому я надеюсь, что скоро ты станешь достаточно состоятельным, чтобы подумать о женитьбе. А вот тебе и свадебный подарок от некоего мистера Мосса.

Моррис с пылающими щеками протянул руку за чеком.

— Я ничего не понимаю, — признался Джон. — Как-то все слишком прекрасно выглядит.

— Я просто привожу в порядок дела, — пояснил Майкл. — Долги дяди Джозефа я беру на себя. Если же он получит *тонтину*, то она перейдет ко мне. Если ее получит мой отец, она тоже мне достанется. Так что я в любом случае в выигрыше.

— Моррис, неисправимый ты мой, опять тебя объехали! — посочувствовал брату Джон.

— А теперь, мистер Форсайт, — обратился Майкл к молчащему доселе гостю, — перед вами вся шайка преступников, кроме Питмана. Мне не хотелось рушить его педагогическую карьеру, но вы при желании можете арестовать его прямо в школе, я знаю в какое время он там должен

присутствовать. Итак, мы все покорно стоим перед вами, и, боюсь, зрелище это не из самых приятных. Что вы намерены предпринять?

— Ровным счетом ничего, мистер Финсбюри, — ответил Гидеон. — Насколько я понял, главный виновник всех несчастий — вот этот джентльмен, — и показал на Морриса, — однако, он, на мой взгляд, уже получил достаточную взбучку. У меня такое мнение, что скандал никому пользы не принесет, а уж меньше всех мне. Кроме того, я должен как-то отблагодарить вас за поручение мне дела.

Тут даже Майкл слегка покраснел.

— Единственное, что я могу предложить вам, сэр, это подыскать вам какую-нибудь работу. И все же еще раз прошу вас не думать плохо о Питмане. Это безобиднейший человек на свете. Вас же хочу пригласить сегодня вечером на ужин, где у вас будет возможность лично в этом убедиться. Может быть, у Веррея, не возражаете?

— Сегодня вечером я свободен, — ответил Гидеон, — и принимаю ваше приглашение с удовольствием. Но скажите мне вот что: нельзя ли что-нибудь сделать для того извозчика, что вез рояль? Меня мучают угрызения совести.

— К сожалению, ему мы можем только посочувствовать.

notes

СНОСКИ

1

Ab agendo (лат.) — в состоянии неправопособности. (здесь и далее примечания переводчика)

Район Лондона.

3

Перстень с печатью.

Vance — распространённая фамилия в лондонской артистической среде того времени.

Чарлз Брэдло (1883–91) — известный английский политический деятель и публицист радикального толка.

Имеется в виду знаменитая афера со строительством Панамского канала в 1880-90-х годах.

Демирджи — город в Турции.

Альпака — южноамериканское животное семейства лам с ценной шерстью.

Балларат — небольшой город на юго-востоке Австралии.